

Россия и Азия

№ 3 (12), 2020

russia-asia.org

Социально-экономические проблемы
регионов в условиях глобальной нестабильности

Россия и Азия

Электронный научный журнал

№ 3 (12), 2020 г.

Социально-экономические проблемы регионов в условиях глобальной нестабильности

В номере опубликованы лучшие статьи, представленные на Международную междисциплинарную научно-практическую конференцию «Социально-экономические проблемы регионов в условиях глобальной нестабильности».

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также привлеченными редакцией независимыми экспертами.

Журнал ориентирован на широкий круг ученых, специалистов-практиков и преподавателей, участвующих в научно-исследовательской работе.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор журнала — доктор экономических наук, профессор Людмила Васильевна Шкваря.

Периодичность: не реже 4-х раз в год.

eISSN 2712-7486

Выпуски журнала размещаются на сайте <http://russia-asia.org/>
E-mail редакции: red@russia-asia.org

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-70325 от 10.07.2017 (СМИ — «сетевое издание»).

Учредители: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Шкваря Л. В., Соловьева Ю. В.

Издатель: ООО «Межрегиональный институт развития территорий».

Редакционный совет

Шкваря Людмила Васильевна — главный редактор, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономики экономического факультета Российского университета дружбы народов, директор Центра Азиатских исследований РУДН, Москва, Россия.

Члены редакционного совета:

Соловьёва Юлиана Владимировна — заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Айдрус Ирина Ахмед Зейн — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов, директор Центра Арабских исследований РУДН, г. Москва, Россия.

Андреева Ольга Валентиновна — кандидат исторических наук, доцент, советник Международного центра научной и технической информации, г. Москва, Россия.

Аль Сайяд Мохаммед Джаффар — PhD (экономика), советник компании «Ногахолдинг», г. Манама, Бахрейн.

Будиаб Анис Набих — PhD (экономика), заведующий кафедрой финансов Ливанского государственного университета, член правления Экономического и социального комитета Ливана, г. Бейрут, Ливан.

Дамнянович Весна — PhD (экономика), профессор Белградского университета, г. Белград, Сербия.

Кокуйцева Татьяна Владимировна — кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, доцент кафедры прикладной экономики Центра управления отраслями промышленности экономического факультета ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Россия.

Малашенкова Ольга Федоровна — кандидат экономических наук, доцент, Белорусский государственный университет, факультет международных отношений, кафедра международных экономических отношений, г. Минск, Республика Беларусь.

Муха Денис Викторович — кандидат экономических наук, доцент, заведующий отделом инновационной политики ГНУ «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси», г. Минск, Республика Беларусь.

Неновски Николай Ненов — доктор экономических наук, профессор, профессор университета Жюль Верна, г. Амьен, Франция.

Раупов Комилчон Самиевич — кандидат экономических наук, Политехнический институт Таджикского технического университета имени академика М. Осими, г. Худжанд, Таджикистан.

Родионова Ирина Александровна — доктор географических наук, профессор, профессор кафедры региональной экономики и географии Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Хэ Минцзюнь — PhD (экономика), старший преподаватель Китайского университета уголовной полиции, г. Шэньян, провинция Ляонин, Китай.

Пернацкая Ольга Олеговна — выпускающий редактор, директор Межрегионального института развития территорий.

Содержание

Приветственное слово Угриновича Евгения Витальевича, директора международной межправительственной организации в составе 22 государств-членов «Международный центр научной и технической информации» (МЦНТИ), со-председателя Организационного комитета, участникам Международной междисциплинарной научно-практической конференции «Социально-экономические проблемы регионов в условиях глобальной нестабильности»	6
---	----------

РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ

Имашев Э. Ж. Экономико-географическая оценка перспектив кластеризации промышленности Актюбинской области Республики Казахстан	7
Кириллов В. Н., Ошкина А. Экономическое развитие Алжира: проблемы и перспективы	23
Эркинов К. Э., Шувалова О. В. Изменение структуры генерирующего оборудования как следствие либерализации электроэнергетики в России	30

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Чиниев Дж. Б. Пандемия против глобальных инвестиций: реалии 2020 года	36
Салах Эль Дин М. С. Меры Египта по смягчению негативных экономических последствий для туристического сектора в условиях глобальной нестабильности	44
Шеров-Игнатъев В. Г. Соглашение ЕАЭС о свободной торговле с третьими странами: смысл для России	59

ЭКОНОМИКА: ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

Чжан Ш. Китайская денежная система в эпоху Возрождения: серебряный стандарт и глобализация в эпоху династии Мин	70
--	-----------

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Родионова И. А. К 90-летию юбилею кандидата географических наук, доцента Елизаветы Дмитриевны Волковой	91
---	-----------

Content

Welcome speech by Evgeny Ugrinovich,

Director of the international intergovernmental organization consisting of 22 member States "international center for scientific and technical information" (ICSTI), co-Chairman of the Organizing Committee, to the participants of the International interdisciplinary scientific and practical conference "Socio-economic problems of regions in conditions of global instability»

6

DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES

Imashev E. Zh.

Economic and geographical evaluation of the prospects of industry clustering in the Aktobe region of the Republic of Kazakhstan

7

Kirillov V. N., Oshkina A.

Economic development of Algeria: problems and prospects

23

Erkinov K. E., Shuvalova O. V.

Change in the structure of generating equipment as a consequence of liberalization of electric power industry in Russia

30

WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Chiniev J. B.

Pandemic vs the global investment realities 2020

36

Salah El Din M. S.

Measures of Egypt to mitigate the negative economic repercussions on the tourism sector in the context of global instability

44

Sherov-Ignatev V. G.

The EAEU free trade agreements with third countries: reasons for Russia

59

ECONOMIC THEORY AND HISTORY

Zhang S.

Chinese monetary system during the renaissance: silver standard and globalization in Ming dynasty

70

SCIENTIFIC LIFE

Rodionova I. A.

To the 90th anniversary of candidate of geographical Sciences, associate Professor Elizaveta Dmitrievna Volkova

91

Приветственное слово

директора международной межправительственной организации «Международный центр научной и технической информации» Евгения Витальевича Угриновича

Уважаемые организаторы и участники конференции, позвольте тепло приветствовать вас от лица 22 государств-членов Международного центра научной и технической информации — МЦНТИ.

МЦНТИ является специализированной международной организацией в сфере научной и технической информации, созданной в 1969 году на основании межправительственного соглашения, зарегистрированного ООН. Организация действует в интересах государств-членов и партнеров на принципах равноправия, невмешательства во внутренние дела и взаимной выгоды.

Мы позиционируем себя как неотъемлемую часть Механизма содействия развитию технологий, инициируем проект *iScience4ALL*, формируем международную платформу обмена научной и технической информацией в поддержку интеграции науки, технологии и бизнеса, реализуем программы многостороннего сотрудничества и поддержки научно-технологических и деловых инициатив.

Особо хотел бы отметить, что мы высоко ценим сотрудничество с университетами, на постоянной основе проводим практики для студентов, ведем международные НИР и экспертизу, организуем совместные научные конференции и экспертные сессии.

В этой связи нам близка повестка дня сегодняшнего мероприятия, посвященного анализу мирового опыта преодоления экономической турбулентности в переходные периоды, обсуждению региональных и национальных экономических моделей, цифровой экономики, экономической географии и актуальных социально-экономических трансформаций.

Международный центр научной и технической информации открыт для самого широкого взаимодействия.

Искренне желаю всем вам плодотворной деятельности и успешного мероприятия!

РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ / DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES

Экономико-географическая оценка перспектив кластеризации промышленности Актюбинской области Республики Казахстан

Имашев Эдуард Жусупович¹

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (КН МОН РК) в рамках научного проекта № 4605/ГФ4 «Разработка стратегии формирования, развития и функционирования промышленных кластеров в Западно-Казахстанской и Актюбинской областях»

В статье представлены результаты авторских экономико-географических исследований потенциала кластеризации промышленности Актюбинской области Республики Казахстан. На основе экономико-географического анализа факторов индустриального развития, трендов изменения территориально-отраслевой структуры, инвестиционной привлекательности промышленности и инновационной активности предприятий, автором предложены перспективные направления кластеризации промышленности Актюбинской области.

Идентификация потенциальных промышленных кластеров показала, что на современном этапе индустриального развития на территории Актюбинской области имеются предпосылки для формирования и развития 5-ти территориальных промышленных кластеров (в том числе 3-х отраслевых и 2-х межотраслевых кластеров). Рассмотрена пространственная структура потенциальных промышленных кластеров. В качестве примера представлена и охарактеризована обобщенная организационная и пространственная структура Актюбинско-Хромтауского металлургического кластера.

Также в работе рассмотрены стратегические аспекты формирования, развития и функционирования потенциальных территориальных промышленных кластеров в Актюбинской области. Определены приоритетные направления формирования, развития и функционирования потенциальных территориальных промышленных кластеров в Актюбинской области на основе решения основных стратегических задач.

Ключевые слова: потенциал, индустриальное развитие, идентификация, территориальный промышленный кластер, Актюбинская область, административные районы, коэффициент локализации.

JEL коды: O14, O18.

¹ Имашев Эдуард Жусупович — доктор философии (Ph.D.) по специальности география, руководитель отдела науки, доцент кафедры географии Некоммерческого акционерного общества «Западно-Казахстанский университет имени Махамбета Утемисова», г. Уральск, Республика Казахстан.

Введение

В Республике Казахстан (РК) в настоящее время большое внимание уделяется индустриально-инновационному развитию регионов страны. В соответствии с целью Государственной программы индустриально-инновационного развития РК на 2020–2025 гг. усилия государства направлены на формирование и развитие конкурентоспособной обрабатывающей промышленности (Государственная программа..., 2019). Для достижения поставленной цели требуется осуществление кардинальных изменений в территориально-отраслевой организации промышленности регионов Республики Казахстан. В условиях преобладания сырьевой направленности промышленности страны возникает практическая необходимость в трансформации и модернизации территориально-отраслевой структуры промышленности с акцентом на формирование и развитие территориальных системных форм организации деятельности предприятий. В данном аспекте индустриального развития ядром эффективной территориально-системной организации должны выступать уже не отдельные предприятия или отрасли, а промышленные кластеры — группы крупных и малых предприятий, находящихся на одной территории и совместно использующих ее ресурсы для производства продукции с высокой добавленной стоимостью и максимально низкими издержками.

В рамках Государственной программы индустриально-инновационного развития РК на 2020–2025 гг. планируется начать активную фазу реализации кластерной политики и стимулирования развития в регионах страны территориальных промышленных кластеров (ТПКл) (Государственная программа..., 2019). В этой связи актуализируется задача оценка перспектив кластеризации промышленности областей Казахстана.

Определенные результаты исследования проблем формирования и развития промышленных кластеров в Казахстане отражены в трудах казахстанских ученых (Челекбай, Альмерек, 2009; Куандыкова, 2009; Клецова, 2009; Ажиметова, 2011; Егоров, Чигаркина, 2013; Еспаев, Рузанов, Молдабекова, 2014; Наренова, Байтиленова, 2015; Оразбаева, 2016; Акимбекова, Черняев, Сердобинцев, 2016; Imashev, 2016; Ниязбаева, 2017). Тем не менее остается слабо исследованным потенциал кластеризации промышленности регионов страны, и недостаточно разработаны механизмы формирования, развития, функционирования территориальных промышленных кластеров (далее ТПКл) применительно к казахстанским реалиям.

Среди регионов Казахстана Актыобинская область имеет определенный потенциал для кластеризации промышленности. Учитывая вышеизложенное, главной целью исследования является оценка факторов и условий кластеризации промышленности и идентификация потенциальных ТПКл Актыобинской области.

Актыобинская область расположена на Западе Казахстана и входит в состав Западного экономического района. Площадь территории Актыобинской области составляет 300,6 тыс. кв. км, или 11% территории страны, где по состоянию на начало 2020 г. проживало 881,6 тыс. человек (плотность населения 2,9 человек на 1 кв. км). За январь-июнь 2020 г. удельный вес Актыобинской области в производстве промышленной продукции страны составил 6,3% (Комитет по статистике..., 2020).

Методика исследования

На основе систематизации, математической обработки статистических данных, анализа количественных и качественных показателей в статье проведена идентификация потенциальных ТПКл в Актыбинской области.

Идентификация потенциальных ТПКл осуществлялась в 3 этапа с использованием 65 частных показателей, на основе которых были рассчитаны 9 частных интегральных показателей и 5 интегральных индикаторов (Имашев, 2017).

На 1-м этапе с использованием 5-ти интегральных индикаторов (которые отражают геодемографический потенциал, уровень развития социально-производственной инфраструктуры, степень индустриально-отраслевого развития, особенности инновационной активности и инвестиционной привлекательности промышленности) и методики рангово-балльной оценки (Ибрагимов, 2006) выявлены административные районы (территории) Актыбинской области, где сложились более благоприятные условия для индустриального развития и формирования потенциальных ТПКл.

На 2-м этапе по каждому административному району Актыбинской области, где сложились более благоприятные условия для индустриального развития и формирования потенциальных ТПКл, рассчитаны коэффициенты локализации (Дмитревский, 1991) для каждой отрасли промышленности. Таким образом, выявлены отрасли административных районов Актыбинской области, которые имеют потенциал для кластеризации.

На 3-м этапе из числа административных районов Актыбинской области, имеющих потенциал для кластеризации, с учетом выявленных дополнительных преимуществ (обеспеченность собственной минерально-сырьевой базой, локализация промышленных предприятий и учреждений сферы услуг в населенных пунктах, экономико-географическое положение основных промышленных центров, объемы экспорта продукции и др.) определены перспективные отраслевые и межотраслевые ТПКл.

Анализ факторов и идентификация потенциальных территориальных промышленных кластеров

Проведенный пространственный анализ и изучение тенденций геодемографического развития, особенностей развития социально-производственной инфраструктуры, индустриально-отраслевого развития административных районов Актыбинской области позволили рассчитать интегральные показатели и дать оценку основным факторам формирования потенциальных ТПКл (табл. 1).

Таблица 1.

Количественные показатели основных факторов формирования потенциальных ТПКл в административных районах Актыбинской области по состоянию на 2014–2015 гг.

Название административно-го района	Плотность населения в 2025 г. (прогноз) (чел. на 1 км ²)	Интегральный индекс развития социально-производственной инфраструктуры за 2014-2015 гг. (баллы)	Индекс индустриально-го развития за 2015 г.	Количество отраслей специализации в промышленности (единиц) за 2015 г.	Интегральный индекс инновационной активности и инвестиционной привлекательности промышленности (баллы) за 2015 г.
Территория	218	4,0	8809,8	10	1,1

Актюбинской городской администрации					
Алгинский	6,3	1,1	347,7	1	-2,1
Айтекебийский	0,7	0,1	42,4	0	-3,2
Байганинский	0,4	-1,4	2767,8	2	-0,8
Каргалинский	3,3	0,9	160	0	-3,6
Хобдинский	1,2	-0,1	93,9	2	-2,3
Мартукский	5,1	1,5	176,7	2	-2,5
Мугалжарский	2,6	2,2	6779,9	3	1,3
Уилский	1,6	-1,3	129,1	0	-3,6
Темирский	3,3	-0,6	4742,4	1	-0,9
Хромтауский	3,3	1,3	8960,6	1	-1,8
Шалкарский	0,8	-0,4	231,2	2	-1,4
Иргизский	0,4	-2,4	20,9	0	-3,1
Актюбинская область	3	1	2040,1	13	1

Источник: (Имашев, 2017).

Приведенные ниже авторские картографические материалы также отражают пространственную дифференциацию основных факторов и возможностей кластерного развития промышленности административных районах Актюбинской области (рис. 1–3).

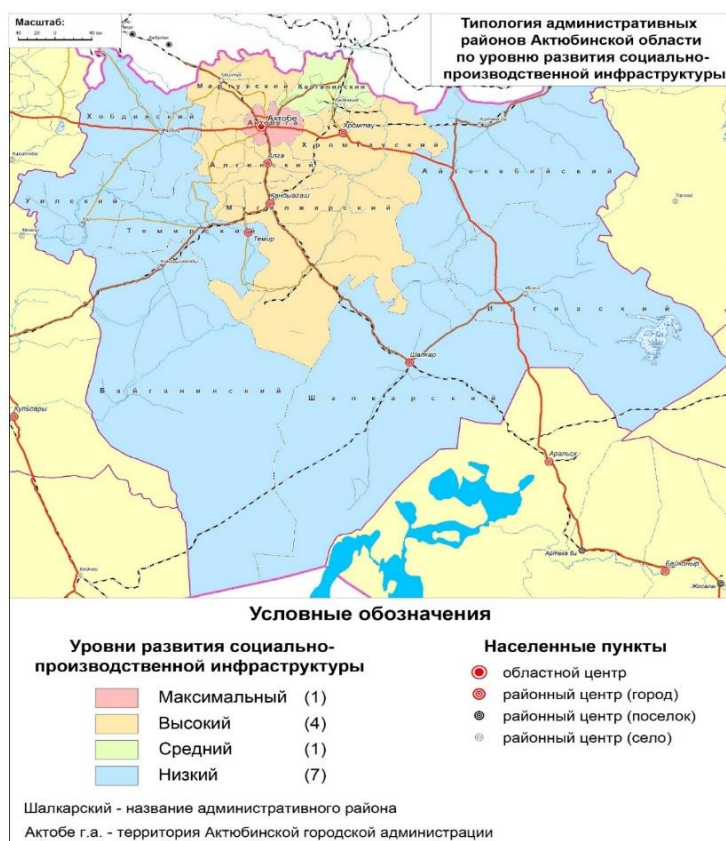

Рис. 1. Типология административных районов Актюбинской области по уровню развития социально-производственной инфраструктуры, 2014–2015 гг.

Источник: разработано Имашевым Э. Ж.

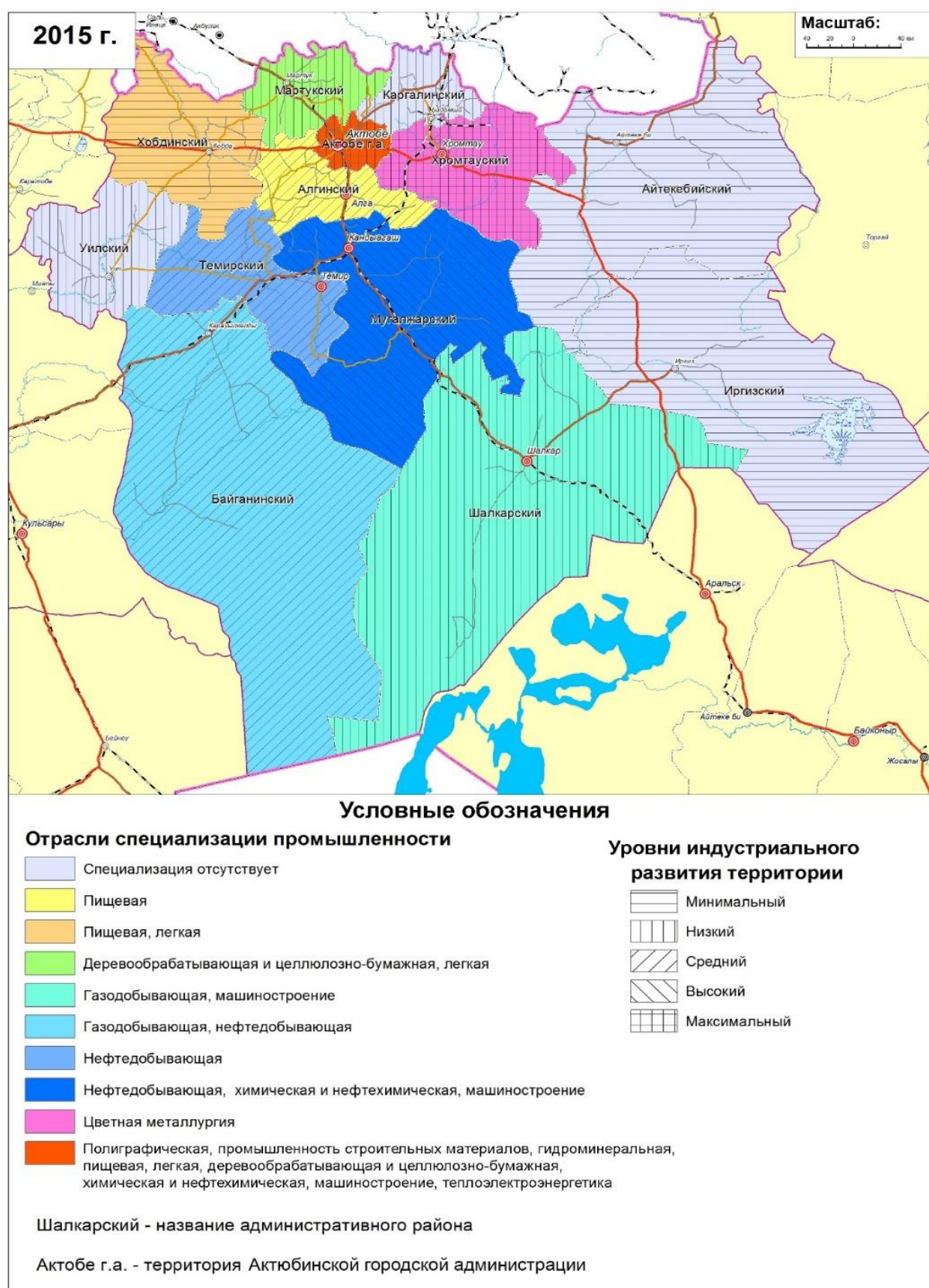

Рис. 2. Уровень пространственного индустриально-отраслевого развития Актюбинской области, 2015 г.

Источник: разработано Имашевым Э. Ж.

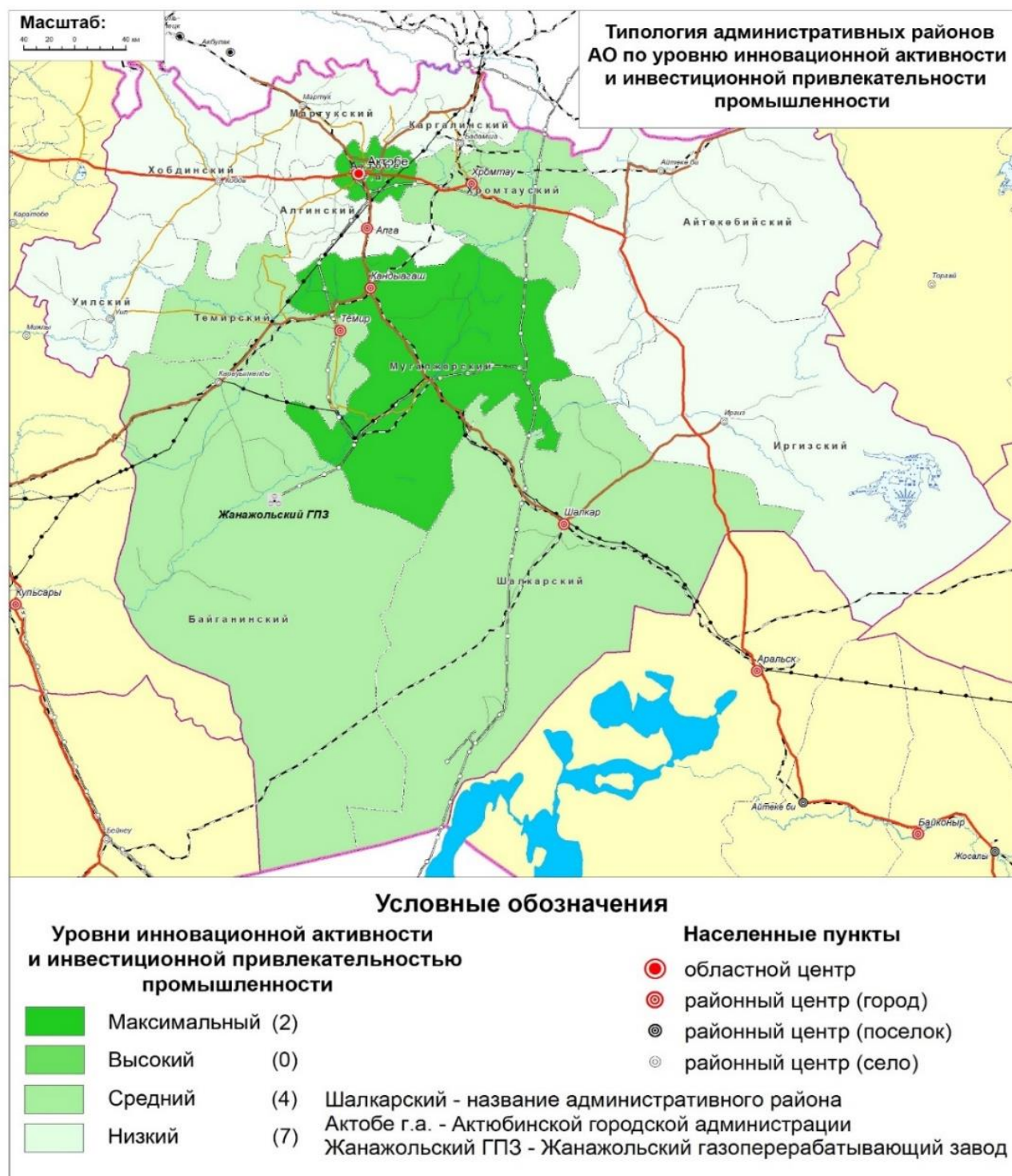

Рис. 3. Типология административных районов Актыбинской области по уровню инновационной активности и инвестиционной привлекательности промышленности, 2015 г.

Источник: разработано Имашевым Э. Ж.

В соответствии с авторскими математическими расчетами, из 13-ти административных районов Актыбинской области определенный потенциал для кластеризации отраслей промышленности имеют 6 административных районов. Благоприятные условия для формирования потенциальных промышленных кластеров имеют территории Актыбинской городской администрации, Мугалжарский и Хромтауский районы.

Менее благоприятные условия имеются в Алгинском, Мартукском и Темирском районах (табл. 2).

Таблица 2.

Типология административных районов Актюбинской области по степени благоприятности условий для формирования потенциальных ТПКл по состоянию на 2014–2015 гг.

Степень благоприятности условий	Название административных районов	Индексы рангово-балльной оценки
Благоприятные	Территория Актюбинской городской администрации, Мугалжарский, Хромтауский	От 2,8 до 0,2
Менее благоприятные	Алгинский, Мартукский, Темирский	От –1,0 до –1,4
Не благоприятные	Байганинский, Шалкарский, Каргалинский, Хобдинский, Айтекебийский, Уилский, Иргизский	От –3,2 до –7,0

Источник: составлено Имашевым Э. Ж.

Коэффициент локализации отраслей промышленности свидетельствует о том, что территория Актюбинской городской администрации, Мугалжарского, Хромтауского, Алгинского, Мартукского и Темирского районов имеют потенциал для кластеризации 12-ти отраслей промышленности (табл. 3).

Таблица 3.

Территориально-отраслевой потенциал кластеризации промышленности Актюбинской области

Название административных районов	Потенциальные отрасли кластеризации с коэффициентами локализации
Территория Актюбинской городской администрации	Черная металлургия и металлообработка (3,6), промышленность строительных материалов (3,1), гидроминеральная промышленность (3,0), пищевая промышленность (2,6), теплоэлектроэнергетика (2,6), деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность (2,5), химическая и нефтехимическая промышленность (2,3), легкая промышленность (2,0), машиностроение (1,9)
Мугалжарский	Нефтедобывающая промышленность (1,8), машиностроение (1,3), химическая и нефтехимическая промышленность (1,2)
Хромтауский	Цветная металлургия (4,6), добыча строительного сырья (1,2)
Алгинский	Пищевая промышленность (16,3), гидроминеральная промышленность (5,1), деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность (2,0), промышленность строительных материалов (1,9), химическая и нефтехимическая промышленность (1,4)
Мартукский	Деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность (155,0), легкой промышленности (14), добыча строительного сырья (8,0), пищевая промышленность (6,3), гидроминеральная промышленность (4,8)
Темирский	Нефтедобывающая промышленность (2,5)

Источник: составлено Имашевым Э. Ж.

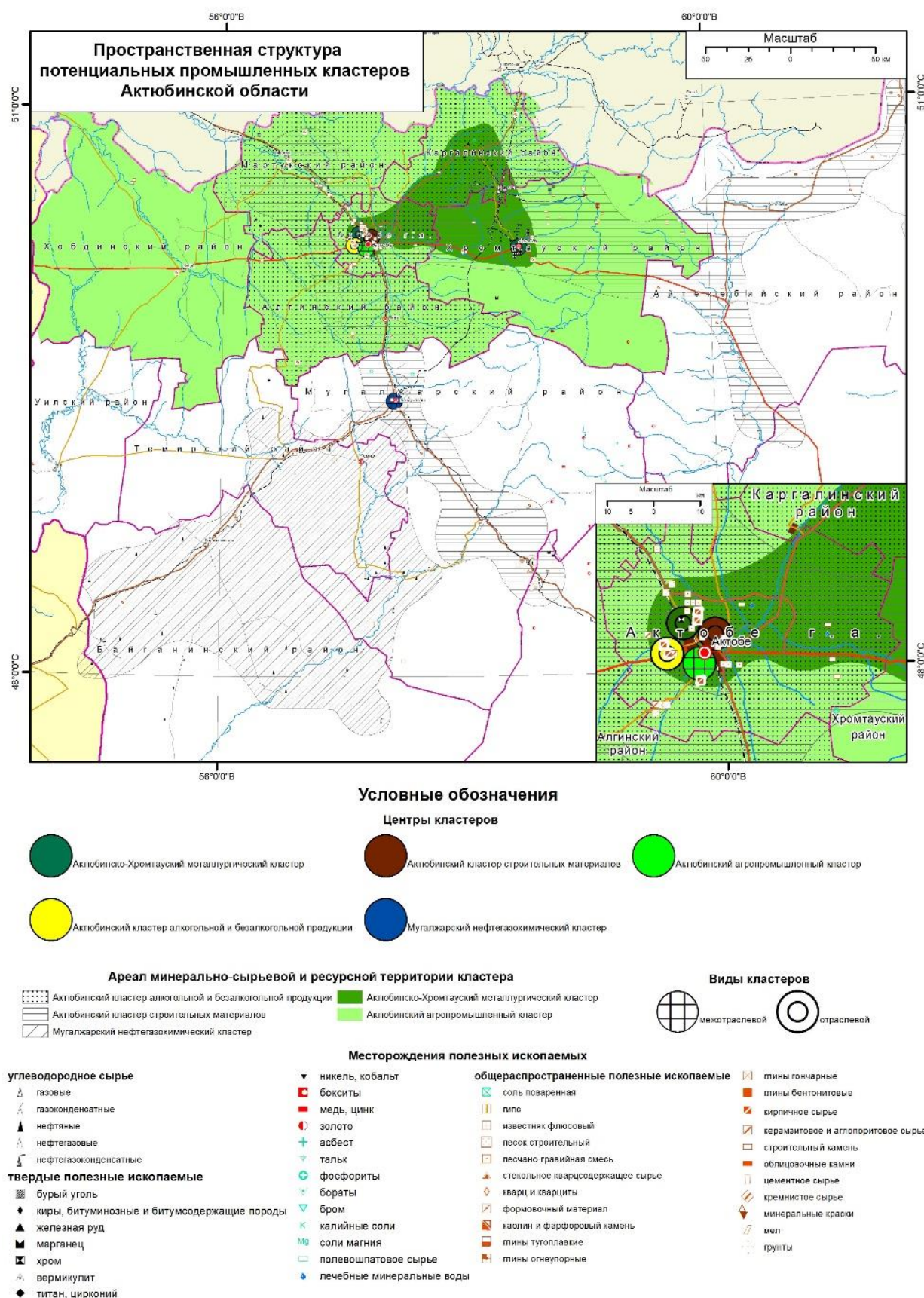

Рис. 4. Пространственная структура потенциальных промышленных кластеров Актюбинской области.

Источник: разработано Имашевым Э. Ж.

Изученный потенциал развития отраслей промышленности и конкурентных преимуществ предприятий, учет влияния других факторов на данном этапе социально-экономического развития Актюбинской области определяют перспективы формирования и развития на территории области 3-х отраслевых (Актюбинско-Хромтауского металлургического кластера, Актюбинского кластера алкогольной и безалкогольной продукции, Актюбинского кластера строительных материалов) и 2-х межотраслевых (Мугалжарского нефтегазохимического кластера, Актюбинского агропромышленного кластера) ТПКл с центрами в городах Актобе (территория Актюбинской городской администрации), Хромтау (Хромтауский район) и Кандыгааш (Мугалжарский район).

Пространственная структура потенциальных территориальных промышленных кластеров

Идентифицированные на территории Актюбинской области 5 потенциальных ТПКл, перспективы формирования и развития которых определяются интеграцией и кооперацией промышленных предприятий черной металлургии и металлообработки, цветной металлургии, пищевой промышленности, легкой промышленности, гидроминеральной промышленности, добычи строительного сырья, промышленности строительных материалов, нефтедобывающей промышленности, газодобывающей промышленности, химической и нефтехимической промышленности, машиностроения, теплоэлектроэнергетики, а также крестьянских (фермерских) хозяйств, научно-образовательных учреждений и организаций сферы услуг.

Пространственная структура 5-ти потенциальных ТПКл Актюбинской области предполагает вовлечение и использование ресурсов территории Актюбинской городской администрации, Хромтауского, Каргалинского, Мартукского, Алгинского, Мугалжарского, Темирского, Байганинского и Хобдинского районов с центрами в городах Актобе, Хромтау и Кандыгааш (рис. 4).

Организационная и пространственная структура Актюбинско-Хромтауского металлургического кластера

В качестве примера рассмотрим организационную и пространственную структуру идентифицированного потенциального отраслевого Актюбинско-Хромтауского металлургического кластера (рис. 5).

Потенциальный металлургический кластер на 1-м этапе формирования и развития может объединить производственные мощности 6-ти предприятий по добыче, обогащению металлических руд и производству чугуна и стали, 6-ти предприятий по производству готовых металлических изделий, 1-го предприятия по производству строительных материалов, высшие и средние профессиональные учебные заведения и учреждения сферы услуг. Для формирования внутрикластерного комплекса необходимо создание предприятий горнодобывающего машиностроения. Данный промышленный кластер может стать основой для формирования в Актюбинской области пирометаллургического энергопроизводственного цикла (рис. 5).

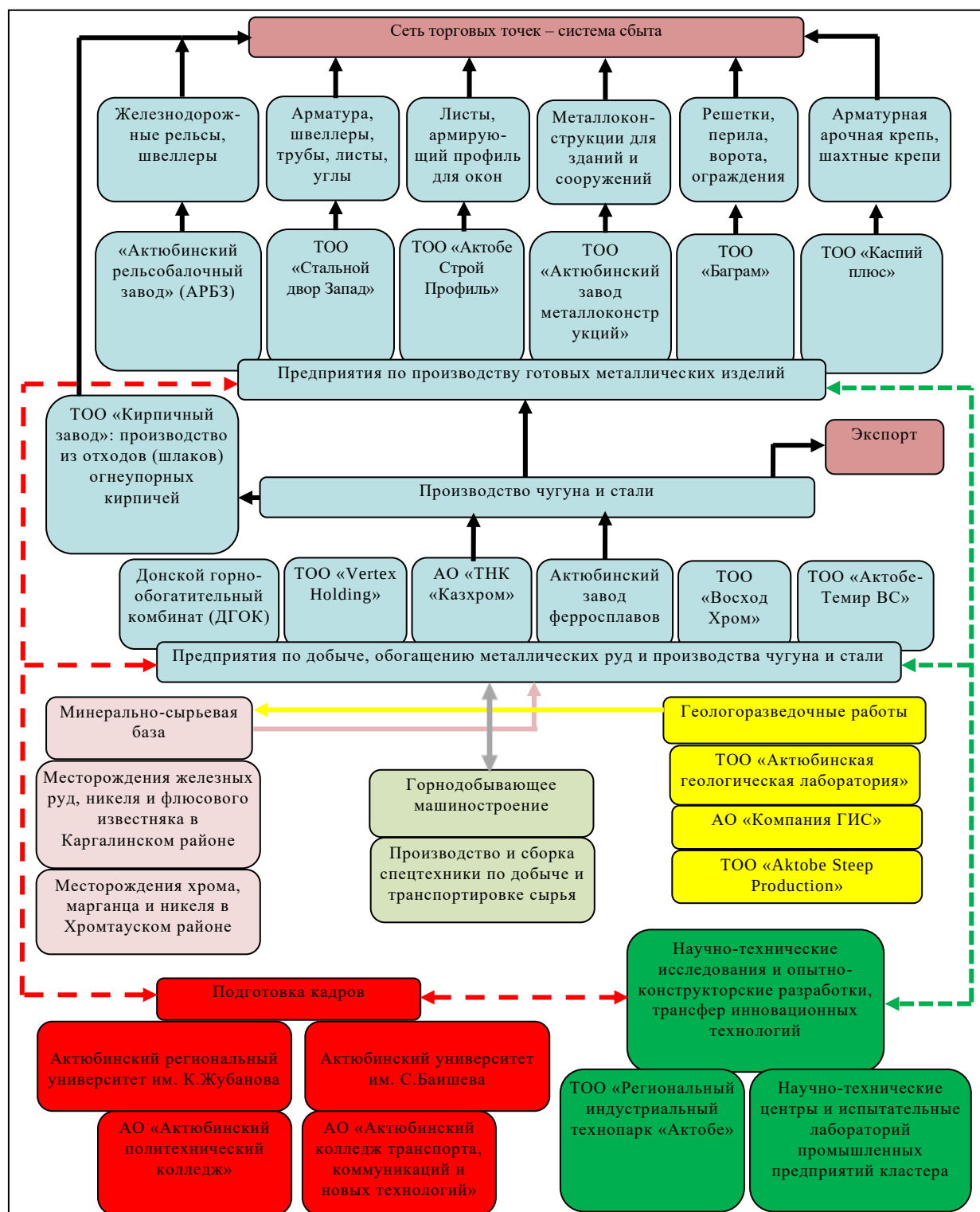

Рис. 5. Обобщенная организационная структура Актюбинско-Хромтауского металлургического кластера.

Источник: разработано Имашевым Э. Ж.

В пространственную структуру потенциального Актюбинско-Хромтауского металлургического кластера должны быть включены минерально-сырьевые и производственные ресурсы территории Актюбинской городской администрации, Хромтауского и Каргалинского районов с центрами в городах Актобе и Хромтау (рис. 4).

Необходимо отметить, что по сравнению с 5-тью указанными выше административными районами, территория Каргалинского района характеризуется неблагоприятными условиями для формирования потенциального металлургического кластера (табл. 2) из-за отсутствия предприятий по обогащению металлических руд, производству чугуна и стали, готовых металлических изделий. Однако в Каргалинском районе имеются месторождения железных руд, никеля и флюсового известняка, а также предприятия по их добыче. К тому же экономико-географическое положение Каргалинского района по отношению к центрам кластера позволят более эффективно использовать ресурсы месторождений железных руд, никеля и флюсового известняка в производственном процессе.

Стратегические аспекты формирования, развития и функционирования потенциальных территориальных промышленных кластеров

Формирование, развитие и функционирование конкурентоспособных ТПКл в регионах Казахстана, в т. ч. в Актыбинской области, требует системного подхода и долгосрочных вложений в решение задач по созданию необходимых условий для кластеризации отраслей промышленности.

Первоочередной задачей государства должно стать законодательное обеспечение статуса и поддержки кластерных структур в промышленности. Для эффективной реализации государственной программы индустриально-инновационного развития Казахстана и кластерных стратегий необходимо законодательно закрепить понятия «промышленный кластер», «региональный кластер», «промышленная кластерная стратегия»; четко отразить механизмы государственной поддержки ТПКл и т. д. Важной составляющей выступает формирование промышленной кластерной политики. В качестве одного из вариантов нами разработана и предложена схема формирования промышленной кластерной политики в Казахстане, состоящая из 5-ти основных этапов (Сафиуллин, Имашев, Галимов, 2016). Учитывая особенности территориальной организации промышленности для дальнейшего и ускоренного индустриально-инновационного развития регионов Казахстана, стране необходимо формирование и развитие ТПКл при активном участии государства, т. е. с использованием дирижистской модели кластерной политики. Необходимо создание специализированного государственного учреждения, которое будет координировать промышленную кластерную политику в стране. Таким учреждением может стать Комитет (или Управление) кластерного развития промышленности при Министерстве индустрии и инфраструктурного развития Республики Казахстан.

Рассмотрим основные стратегические аспекты формирования, развития и функционирования потенциальных ТПКл в Актыбинской области.

1. Современное состояние производственно-инфраструктурной системы Актыбинской области характеризуется высокой степенью износа. Для формирования и функционирования потенциальных ТПКл необходимо обновление материальных фондов на основе разработки и реализации среднесрочной подпрограммы трансформации и модернизации производственной инфраструктуры в рамках Государственной программы индустриально-инновационного развития.

2. Промышленные предприятия Актыбинской области имеют низкую инновационную активность. Одним из приоритетных направлений кластеризации отраслей промышленности

должно стать развитие научно-инновационной инфраструктуры, особенно в городах размещения центров ТПКл. В рамках государственной программы индустриально-инновационного развития целесообразно разработать и реализовывать четкий среднесрочный и долгосрочный план по территориально-отраслевому развитию инновационной деятельности промышленных предприятий, включающая комплекс мер по подготовке и привлечению высококвалифицированных научно-технических кадров; поддержке и стимулированию НИОКР с последующим внедрением в производство и коммерциализацию их результатов; привлечению инвестиций; развитию региональной инновационной системы и т. п.

3. Учитывая современные тренды развития, особенности территориально-отраслевой структуры и организационных форм, при формировании, развитии и функционировании ТПКл в Актыбинской области целесообразно использовать шотландскую (японскую) и итальянскую модели.

4. Актыбинская область обладает достаточной минерально-сырьевой базой для индустриально-отраслевого развития. Но преобладание сырьевой направленности промышленности предопределяет большие финансовые потери и снижает эффективность использования природно-сырьевых ресурсов. При формировании и развитии ТПКл необходимо создавать малоотходные и безотходные цепочки производства с высокой добавленной стоимостью на основе энергопроизводственных циклов. Для создания на базе ТПКл энергопроизводственных циклов необходимо строительство новых производственных объектов. Это позволит рационально и комплексно использовать минерально-сырьевые ресурсы территории с производством конкурентоспособной экспортноориентированной и разнообразной продукции.

5. Важным элементом формирования, развития и функционирования ТПКл остается подготовка кадров, что предъявляет высокие требования к учебным заведениям и образовательной инфраструктуре. Для интеграции учебных заведений в промышленные кластерные структуры Актыбинской области необходимо повышение качества образовательных программ (для ТПКл) в средних профессиональных и высших учебных заведениях, создание специализированных программ повышения квалификации, организация студенческой практики на предприятиях ТПКл и др.

6. В сфере НИОКР и коммерциализации их результатов приоритетным должно стать формирование единого научно-технического центра кластера, обеспечение доступа со стороны предприятий-участников ТПКл к результатам НИОКР и экспертизе (например, консультационные услуги, геологоразведочные изыскания и др.), реализация совместных научно-технических разработок, содействие в коммерциализации результатов научно-технической деятельности и т. п.

7. Стратегической задачей остается разработка и эффективное использование системы мер государственной поддержки ТПКл местными исполнительными органами власти Актыбинской области, что включает в себя: упрощение процедуры регистрации предприятий и учреждений, являющихся потенциальными участниками ТПКл; повышение эффективности отраслевого регулирования на областном уровне; прямую финансовую поддержку; налоговые льготы и преференции; защиту интеллектуальной собственности и целевое финансирование НИОКР; привлечение иностранных инвестиций; предоставление льгот на экспорт продукции; регулирование рынка труда и поощрение развития кадрового потенциала; содействие в создании и развитии транспортной и инновационной

инфраструктуры; популяризация и повышение имиджа ТПКл; осуществление программ совместного сбыта на внешних и внутренних рынках и др.

8. Политика формирования и развития ТПКл в Актюбинской области должна осуществляться на основе вовлечения в деятельность кластера не только крупных предприятий, но и средних, и малых субъектов хозяйствования. Это способствует развитию малого и среднего предпринимательства. Объединение участников кластера должно осуществляться как за счет «горизонтальной интеграции» (посредством сотрудничества предприятий, которые объединены одним видом деятельности), так и «вертикальной интеграции» (кооперирование предприятий единого технологического цикла).

9. По мере зрелости ТПКл Актюбинской области приоритеты должны быть направлены на совершенствование производственного процесса и операций, повышение качества продукции и услуг, разработку новых продуктов и услуг, развитие экспортных возможностей кластера.

10. При формировании, развитии и функционировании всех ТПКл Актюбинской области как экономических систем необходимо ориентироваться на соответствие следующим взаимосвязанным базовым принципам: согласованность действий всех участников кластера; ориентированность всех участников кластера на приоритеты развития кластерной структуры и на повышение ее конкурентоспособности; системность в решении нормативно-правовых, организационных, финансово-экономических проблем и совершенствование механизмов, направленных на формирование и развитие ТПКл; прозрачность процесса формирования и развития ТПКл и открытость для реальных и потенциальных участников кластера; целостность ТПКл на основе единства и согласованности инструментов взаимодействия участников ТПКл с другими инструментами промышленной кластерной политики; стратегическая направленность деятельности всех участников ТПКл на достижение стратегических целей и задач развития кластера, обусловленных необходимостью формирования и развития конкурентных преимуществ; управляемость ТПКл посредством разработки и реализации эффективных административно-рыночных инструментов, обеспечивающих возможность действенного государственного управления и регулирования деятельности кластерных структур; адаптируемость ТПКл и ее участников с использованием внутреннего резерва гибкости для динамического приспособления к изменениям внешней среды; инновационность всех участников и элементов ТПКл как необходимого условия реализации потенциала и наращивания конкурентных преимуществ кластера; интерактивность ТПКл с внешней средой, посредством разработки и реализации системы инструментов интеграционного согласования интересов участников кластеров, властных структур и общества.

Выводы

Таким образом, проведенная экономико-географическая оценка показала, что имеются перспективы кластеризации промышленности Актюбинской области РК на основе формирования и развития 5-ти территориальных промышленных кластеров, которые могут стать локомотивами и центрами индустриально-инновационного развития области.

Перспективы формирования, развития и функционирования ТПКл в Актюбинской области определяются влиянием производственных, экономических, финансовых, организационно-управленческих, политических, геодемографических и других факторов,

управление которыми создает условия для кластеризации промышленности и экономического роста территории. Решение вышеотмеченных стратегических задач на государственном и региональном уровнях определяет перспективы формирования, развития и функционирования идентифицированных потенциальных ТПКл Актыбинской области.

Список литературы

1. Ажиметова Г. Н. (2011) Кластерное развитие хлопкоперерабатывающей промышленности в Казахстане // Фундаментальные исследования. № 8 (часть 2). С. 418–422. [Azhimetova G. N. (2011) Cluster development of the cotton recasting industry in Kazakhstan // Basic researches, No. 8 (part 2), pp. 418–422. (In Russian).]
2. Акимбекова Г. У., Черняев А. А., Сердобинцев Д. В. (2016) Перспективные модели формирования кластеров в АПК Республики Казахстан и Российской Федерации // Проблемы агорынка. №4. С. 98–105. [Akimbekova G. U., Chernyaev A. A., Serdobintsev D. V. (2016) Perspective models of formation of clusters in agrarian and industrial complex of the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation // Problems of the agromarket, No. 4, pp. 98–105. (In Russian).]
3. Государственная программа индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2020–2025 годы (2019) / Утверждена постановлением Правительства Республики Казахстан от 31 декабря 2019 года № 1050. [State Program of Industrial and Innovative Development of the Republic of Kazakhstan for 2020–2025 (2019) / Approved by Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated December 31, 2019. No. 1050). URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900001050> (In Russian).]
4. Дмитриевский Ю. Д. (1991) Количественные оценки в региональных характеристиках // География в школе. № 2. С. 24–29. [Dmitrevsky Yu. D. (1991). Quantitative estimates in regional characteristics // Geography at school, No. 2, pp. 24–29. (In Russian).]
5. Егоров О. И., Чигаркина О. А. (2013) Обоснование путей формирования и эффективного функционирования региональных нефтехимических кластеров в Республике Казахстан. Алматы: ИЭ КН МОН РК. [Egorov O. I., Chigarkina O. A. (2013) Reasons for ways of formation and effective functioning of regional petrochemical clusters in the Republic of Kazakhstan. Almaty: IE KN of MAUN RK. (In Russian).]
6. Еспаев С. С., Рузанов Р. М., Молдабекова А. Т. (2014) Дорожная карта по организации инновационного машиностроительного кластера: Методическое пособие. Алматы: Институт экономики КН МОН РК. [Espayev S. S., Ruzanov R. M., Moldabekova A. T. (2014) The road map on the organization of an innovative machine-building cluster: Methodical manual. Almaty: Institute of economy CoS of MoES RK. (In Russian).]
7. Имашев Э. Ж. (ред.) (2017) Перспективы формирования, развития и функционирования промышленных кластеров в Западно-Казахстанской и Актыбинской областях: монография. Уральск: РИЦ ЗКГУ им. М. Утемисова. [Imashev E. Zh. (ed.) (2017) Prospects of formation, development and functioning of industrial clusters in West Kazakhstan and Aktobe regions: monograph. Uralsk: EPC M. Utemisova WKSU. (In Russian).]
8. Ибрагимова З. И. (2006) Методика комплексной оценки социально-экономического развития регионов Республики Казахстан // География в школах и вузах Казахстана. Май–июнь. С. 2–4. [Ibragimova Z. I. (2006) Methodology for integrated assessment of the socio-economic development of regions in the Republic of Kazakhstan // Geography in schools and universities of Kazakhstan, May–June, pp. 2–4. (In Russian).]

9. Клецова Е. В. (2009) Механизм формирования и развития кластеров в промышленности Республики Казахстан (на материалах Восточно-Казахстанской области) / Дисс. на соис. уч. степ. канд. эконом. наук. Усть-Каменогорск. [Kletsova E. V. (2009). The mechanism of formation and development of clusters in the industry of the Republic of Kazakhstan (on materials of the East Kazakhstan oblast). The Thesis on a competition scientific degree of Candidate of Economic Sciences. Ust-Kamenogorsk. (In Russian).]
10. Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан (2020). [Statistics Committee of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan (2020) URL: <https://stat.gov.kz/about/general/regulation> (In Russian).]
11. Куандыкова А. А. (2009) Эффективность кластерных образований в Республике Казахстан (на примере нефтехимии) / Автореф. дисс. на соис. уч. степ. канд. эконом. наук. Алматы. [Kuandykova A. A. (2009) Efficiency of cluster educations in the Republic of Kazakhstan (on the example of petrochemistry). Autoabstract theses on a competition scientific degree of Candidate of Economic Sciences. Almaty. (In Russian).]
12. Наренова А. Н., Байтиленова Е. С. (2015) Кластер как инструмент повышения конкурентоспособности агропромышленного комплекса Казахстана // Наука и мир. № 10 (26). С. 159–160. [Narenova A. N., Baytilenova E. S. (2015) Cluster as instrument of increase in competitiveness of agro-industrial complex of Kazakhstan // Science and world, No. 10 (26), pp. 159–160. (In Russian).]
13. Ниязбаева А. А. (2017) Кластерный подход к развитию горно-металлургического кластера в регионе (на примере Актюбинской области, Казахстан) // Материалы I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Территории опережающего социально-экономического развития: вопросы теории и практики». Набережные Челны. С. 218–222. [Niyazbayeva A. A. (2017) Cluster approach to development of a mining and metallurgical cluster in the region (on the example of the Aktyubinsk oblast, Kazakhstan). Materials of the I All-Russian scientific and practical conference with the international involvement «The territories of the advancing social and economic development: questions of the theory and practice», pp. 218–222. Naberezhnye Chelny. (In Russian).]
14. Оразбаева К. Н. (2016) Исследование состояния формирования нефтехимического кластера и создание интегрированного нефтехимического комплекса в Казахстане // ИННОВ: Электронный научный журнал. №4 (29). [Orazbayeva K. N. (2016) A research of a status of formation of a petrochemical cluster and creation of the integrated petrochemical complex in Kazakhstan // INNOV: Online scientific magazine, No. 4 (29). URL: www.innov.ru/science/economy/issledovanie-sostoyaniya-formirovan/ (In Russian).]
15. Сафиуллин Р. Г., Имашев Э. Ж., Галимов М. А. (2016) Подходы к формированию и реализации промышленной кластерной политики в Республике Казахстан / Материалы международной научно-практической конференции (Седьмая Ежегодная научная Ассамблея АРГО) «Факторы и стратегии регионального развития в меняющемся геополитическом и геоэкономическом контексте». Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета. С. 431–437. [Safiullin R. G., Imashev E. Zh., Galimov M. A. (2016) Approaches to formation and implementation of industrial cluster policy in the Republic of Kazakhstan / Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Seventh Annual Scientific Assembly of ARGO) «Factors and Strategies for Regional Development in a Changing Geopolitical and Geoeconomic Context», pp. 431–437. Rostov-on-Don: Publishing House of Southern Federal University. (In Russian).]
16. Челекбай А. Д., Альмерекоев Н. А. (2006) Эффективность использования кластерной системы в нефтегазовой отрасли // Вестник КазЭУ. № 5 (53). С. 53–57. [Chelekabay

A. D., Almerekov N. A. (2006) Effective of use of cluster system in oil and gas branch // KAZEU herald, No. 5 (53), pp. 53–57. (In Russian).]

17. Imashev E. Zh. (2016) Prospects for Formation and Development of the Geographical (territorial) Industrial Clusters in West Kazakhstan Region of the Republic of Kazakhstan // International Journal of Environmental & Science Education, Vol. 11, No. 14, pp. 6545–6562.

Economic and geographical evaluation of the prospects of industry clustering in the Aktobe region of the Republic of Kazakhstan

Eduard Zh. Imashev,

Doctor of Philosophy (Ph.D.) in Geography, Chief of the Science Department, Associate Professor of Geography in Non-profit joint stock company «Makhambet Utemisov West Kazakhstan University», Uralsk, Republic of Kazakhstan.

The article presents the results of the economic and geographical studies of the potential of industry's clustering in the Aktobe region of the Republic of Kazakhstan. Based on economic and geographic analysis of the factors of industrial development, trends of change in territorial and sectoral structure, investment appeal of the industry and innovation activity of companies, promising directions of the industry's clustering in the Aktobe region are proposed. Identification of potential industrial clusters showed that there are preconditions for the formation and development of 5 territorial industrial clusters (including 3 sectoral and 2 cross-sectoral clusters) at the current step of the industrial development in the territories of the Aktobe region. Spatial structure of potential industrial clusters was taken into account. Generalized organizational and spatial structure of Aktobe-Khromtau metallurgical cluster was illustrated and characterized as an example.

Furthermore, strategical aspects of the formation, development and functioning of potential territorial industrial clusters in the Aktobe region were taken into consideration. Prioritized directions of the formation, development and functioning potential territorial industrial clusters in the Aktobe region on the basis of solutions of main strategical tasks were determined.

Keywords: potential, industrial development, identification, territorial geographical cluster, Aktobe region, administrative areas, localization index.

JEL codes: O14, O18.

Экономическое развитие Алжира: проблемы и перспективы

*Кириллов Виктор Николаевич¹,
Ошкина Амина².*

В статье представлен анализ современного социально-экономического положения крупной страны арабского мира — Алжира. Упор авторами сделан на ресурсную составляющую и структуру экономики страны. В статье показано, что основной удельный вес в ВВП государства все еще занимает углеводородный сегмент. Это обстоятельство остается серьезной проблемой и ограничением для долгосрочного и устойчивого социально-экономического развития страны в силу высокой волатильности конъюнктуры мирового рынка углеводородов, особенно в последние годы. Авторы приходят к выводу, что в стране сохраняются серьезные структурные, финансовые проблемы, достаточно высокая безработица. Эти и другие проблемы создают угрозы дестабилизации в условиях роста населения. По мнению авторов, стране важно активизировать инновационную составляющую национальной экономики, а также частный сектор, что даст возможность государству стабилизировать экономические процессы и обеспечить рост их эффективности.

Ключевые слова: *Алжир, структура экономики, ВВП, промышленность, сельское хозяйство, сфера услуг.*

JEL коды: *E20, E23.*

Введение

Алжир (Алжирская Народная Демократическая Республика) — одна из крупнейших стран Арабского мира (как по территории, так и по населению), обладающая древнейшей историей и культурой, в том числе — экономической.

В 2020 г. на территории Алжира, которая составляет 2 381 741 км² (1-е место в Африке и 10-е место в мире), что лишь в 2 раза меньше территории всего Европейского Союза (4 233 262 км²) (Смирнов и др., 2009), на 2020 г., по данным ЮНКТАД, проживало 43 851 тыс. человек, из которых почти 74% — в городах. К 2050 г., по прогнозам, в стране будет свыше 60 млн жителей, хотя темп роста населения в Алжире имеет тенденцию к снижению (в 2020 г. население увеличилось на 1,84% в годовом исчислении). Это говорит о том, что трудовые ресурсы в Алжире в настоящее время в полной мере могут обеспечить потребности развития национального хозяйства и остаются важным фактором этого

¹ *Кириллов Виктор Николаевич* — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Государственного университета управления, Москва, Россия.

² *Ошкина Амина* — аспирант кафедры мировой экономики Государственного университета управления, Москва, Россия.

развития. В то же время уровень безработицы, составлявший 12,6% в 2019 г., по оценкам, вырос до 13,7% в 2020 г., в том числе и в связи с коронавирусом.

Страна богата природными ресурсами, включая нефть, газ, солнечную энергию, железо, цинк, свинец, кремний и гели. В больших количествах добываются в Алжире фосфат, уран, соль и уголь. Эти и другие природные ресурсы страны обеспечивают ей как экспортные доходы, так и рабочие места и экономический рост (Мировая экономика, 2009).

Так, Алжир — один из крупнейших производителей нефти в мире. Нефть была здесь обнаружена впервые в 1956 г., коммерческая ее добыча началась уже в 1958 г., а в 1969 г. Алжир стал членом Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК). По оценкам, Алжир располагает запасами нефти в 12,2 млрд баррелей и добывает 1,1 млн баррелей нефти ежедневно. Все нефтяные месторождения Алжира расположены на суше — в Эджеле и Хасси-Мессауде. Нефть остается основным источником дохода в Алжире и основным экспортным товаром страны. На самом деле нефть составляет более 80% алжирского экспорта, и большая часть нефти экспортируется в Европу. Нефть также вносит около 20% в валовой внутренний продукт страны (ВВП).

Алжир занимает 16-е место по запасам нефти, 11-е место по подтвержденным запасам газа и входит в пятерку крупнейших экспортеров газа в мире. Запасы газа оцениваются в 2,9 трлн кубических футов. Ведущим производителем природного газа в Алжире остается государственная компания *Sonatrach (Société Nationale pour la Recherche, la Production, le Transport, la Transformation, et la Commercialisation des Hydrocarbures)*, основанная в 1963 г. Газовые месторождения Алжира разбросаны по всей огромной стране, а газ впоследствии сжижается на 4-х заводах по производству СПГ. Жидкий природный газ в основном экспортируется в европейские страны, например, в Испанию, хотя значительное количество природного газа также потребляется и на местном уровне. Алжир располагает многочисленными нетронутыми газовыми месторождениями, особенно в северном регионе, и страна заинтересована в привлечении иностранных инвесторов для разработки неисследованных месторождений газа, чтобы поддерживать свою газовую промышленность.

Алжир имеет около 21% мировых запасов гелия, является 2-м по величине его производителем после США, и на мировом рынке сталкивается с конкуренцией со стороны этой страны, а также Катар и России. Некоторые из ведущих стран-потребителей гелия — Япония, Индия и Китай.

Экономическая динамика Алжира

Алжир, как и многие другие государства, в том числе развивающиеся, стремится осуществить трансформацию экономики (чтобы отойти от сырьевой зависимости своего производства и экспорта) и упрочить свое положение в условиях глобальной нестабильности. Это во многом ему удастся.

Как видно из анализа представленных данных (табл. 1), реальный рост ВВП Алжира оценивается в 2019 г. в 2,3%, что выше уровня 2018 г. (1,4%). Эта динамика имела место на фоне небольшого роста цен на углеводороды на мировом рынке. В среднесрочной перспективе экономический рост, по прогнозам, останется относительно стабильным — 2,2% в 2020 г. и 1,8% в 2021 г. Относительно сдержанный экономический рост обусловлен главным образом падением добавленной стоимости в углеводородном секторе, в то время как рост в ненефтяном секторе продолжает оставаться умеренным.

Таблица 1.

Макроэкономические показатели Алжира в 2017–2019 гг. и прогноз до 2021 г.

Основные показатели	2017	2018	2019	2020 (e)	2021 (e)
ВВП (млрд долл.)	167,39e	173,76	172,78	178,64	181,57
ВВП (постоянные цены, ежегодное изменение в %)	1,3	1,4	0,7	–5,2	6,2
ВВП на душу населения (долл.)	4 012	4 081	3 980	4 039	4 033
Общий государственный валовой долг (в % ВВП)	27,3	38,3	46,1	49,2	52,5
Уровень инфляции (%)	5,6	4,3	2,0	3,5	3,7
Уровень безработицы (% от численности рабочей силы)	11,7	11,7	11,4	15,1	13,9
Текущий счет (млрд долл.)	–22,06	–16,70	–21,70	–21,21	–20,82
Текущий счет (в % ВВП)	–13,2	–9,6	–9,6	–18,3	–17,1

Источник: составлено по данным World Economic Outlook, April 2020.

Падение частного потребления и замораживание государственных инвестиций также тормозят экономический рост. Доля углеводородов в ВВП снизилась с 34,2% в 2012 г. до 19,7% в 2017 г. (в 2005 г. она составляла 44,3%), а сельское хозяйство и сфера услуг несколько прибавили в весе. Инфляция, составлявшая 2% в 2019 г., остается под контролем. Алжирский динар обесценился в последние годы, при этом средний обменный курс упал с 77,6 динара за доллар в 2012 г. до 120 динаров в 2019 г. (ONS, 2020).

Дефицит бюджета и текущего счета вырос в 2019 г. (до уровня 7,9% и 12,6% ВВП соответственно по сравнению с 7,0% и 9,6% в 2018 г.). Нефтяной Стабилизационный фонд (ФРФ), который финансировал бюджетный дефицит, был исчерпан еще в 2017 г. При этом внешний долг страны остается незначительным (менее 2% ВВП), но внутренний долг (без учета государственных гарантий) вырос с 7,2% ВВП в 2015 г. до более чем 26% в 2018 г. (Шкваря, 2019).

Таким образом, несмотря на имеющиеся проблемы, в Алжире «...уровень социально-экономического развития существенно выше, чем в целом по странам африканского континента, а новые возможности для выгодного сотрудничества, особенно внешнеторгового и инвестиционного, обусловлены либерализацией законодательства..., а также потребностями модернизации экономики» (Шкваря, 2006).

В то же время экономическая нестабильность в Алжире увеличилась — главным образом, в результате волатильности цен на нефть на мировом рынке и последствий глобальных экономических потрясений после вспышки COVID-19, а также кризиса общественного здравоохранения. Цена на нефть в размере 30 долл. за баррель в 2020 г. снижает общие бюджетные доходы Алжира на 21,2%. Несмотря на сокращение государственных инвестиций (–9,7%) и общественного потребления (–1,6%), предусмотрены законом о финансах 2020 г., дефицит бюджета увеличится до 16,3% ВВП (Algeria's Economic Outlook — April 2020).

Стране важно сформировать эффективную модель устойчивого экономического развития. В то же время «мы склонны утверждать, что современные экономические теории не выработали единого подхода к пониманию экономического роста как с точки зрения аппликативности его отдельных детерминант, так и по поводу четкого категориального

аппарата, характеризующего этот рост» (Кириллов, Смирнов, 2019), что затрудняет решение актуальных задач Алжира.

Основные отрасли экономики

Развитие промышленности (особенно обрабатывающей) традиционно остается приоритетным направлением для страны. Алжирская промышленность относительно диверсифицирована и традиционно привлекала внимание частного капитала. Индустриальный сектор включает в себя производство продуктов питания, текстильной и химической продукции, металлов и металлопродукции, строительных материалов, бытовой техники и некоторых предметов роскоши. Однако во многих случаях потребители предпочитают импортные товары, потребление которых обеспечивает более высокий социальный статус.

В промышленном секторе на конец 2019 г. было занято около 31% работающих, что намного меньше, чем в 2017 г. (более 40%). По данным Национального статистического управления Алжира (ONS, 2020), это связано со снижением частной предпринимательской активности в производстве строительных материалов и химикатов. При этом, несмотря на снижение удельного веса рабочей силы и доли в ВВП, сектор вырос на за 2019 г. 0,9% в результате возросшей производительности труда.

Растет промышленное производство в государственном секторе. В стране построены крупные нефтеперерабатывающие и нефтехимические комплексы и заводы по сжижению природного газа, который транспортируется танкерами на внешние рынки. Строительство еще одного нефтеперерабатывающего завода, запланированного на 2020 г., отложено из-за короновируса (Algerian refinery project delayed by four months). На долю нефтегазового сектора приходится большая часть федеральных доходов и почти весь его экспортный доход (более 90% от общего объема экспорта).

Активно развивается пищевая промышленность. Так, число молокоперерабатывающих заводов в Алжире увеличилось с 88 в 2009 г. до 182 в 2015 г., причем 15 из этих заводов принадлежат Министерству сельского хозяйства и управляются им. За последние несколько лет традиционный для Алжира импорт фармацевтической продукции сократился, так как отечественное производство этой продукции значительно выросло.

Если говорить о сельском хозяйстве, то можно отметить, что к началу XXI в. зерновые заняли стратегическое место в рационе и экономике Алжира, а их посевы распространяются на 40% плодородной сельскохозяйственной территории. Сельское хозяйство Алжира в 2019 г. обеспечило 12 % ВВП и использовало 10% рабочей силы страны (в 2018 г. — 12,7%). Сектор был достаточно продуктивным в 2019 г., так как добавленная стоимость, полученная им, увеличилась на 5%. Основными производимыми в Алжире культурами остаются пшеница, ячмень, овес, цитрусовые, виноград (этот продукт в годы французской колонизации превратился в ведущую сельскохозяйственную культуру Алжира, однако впоследствии его значение сократилось), оливки, табак и финики. Алжир производит большое количество пробки и остается крупным производителем продукции животноводства. Сегодня в Алжире разводят 5 основных видов сельскохозяйственных животных: коров, овец, коз, верблюдов и лошадей.

Наиболее серьезным препятствием на пути развития алжирского сельского хозяйства остаются природные условия. Лишь 3% земельных площадей страны используются для постоянного возделывания зерновых. Еще 17% служат пастбищами либо заняты лесом. Основная часть территории страны находится главным образом в зоне пустыни.

На долю третичного сектора в 2019 г. приходилось почти 46% ВВП (против 60,1% в 2018 г.), и в нем занято 59% рабочей силы. Доля услуг в ВВП продолжает расти, и в 2019 г., после нескольких лет непрерывного роста. По данным Всемирного банка, коммерческие услуги, промышленные, строительные и общественные работы, а также сельское хозяйство, продолжали обеспечивать рост ненефтяных отраслей, достигнув 5,6%, 4,6%, 3% и 2,7% в I квартале 2019 г. соответственно (ONS, 2020).

Одной из проблем страны остается низкий уровень диверсификации промышленности и экономики в целом (Ошкина, 2019; Ошкина, 2019). В то же время, по нашему мнению, именно диверсификация национального хозяйства с упором на инновационные и высокотехнологичные сегменты, может обеспечить стране долгосрочное устойчивое развитие, как показывает опыт других арабских стран, и прежде всего — государств Персидского залива (Машрика) (Русакович, 2018).

У властей есть амбициозный план структурных реформ с целью упорядочить регулирование бизнеса, улучшить как управление, так и его прозрачность, реформировать пенсионную систему и модернизировать финансовый сектор. Этот план основан на уже принятых мерах по улучшению делового климата, включая открытие морских и воздушных перевозок для частного сектора. Низкий внешний долг страны и значительные валютные резервы должны позволить ей выдержать любые потрясения и реализовать программу реформ, не жертвуя социальными программами.

Выводы

Проведя исследование экономического развития Алжира в XXI в., мы приходим к выводу о том, что основной проблемой остается преобладание углеводородного сегмента в ВВП государства. Это обстоятельство остается серьезным ограничением для устойчивого социально-экономического развития страны в силу угрожающе высокой зависимости от конъюнктуры мирового рынка углеводородов, особенно нестабильной в последние годы. В национальной экономике Алжира сохраняются серьезные структурные и финансовые проблемы и дисбалансы, достаточно высокая безработица, что создает угрозы дестабилизации в условиях роста населения. Главная задача страны в краткосрочной перспективе состоит в том, чтобы продолжать поддерживать стабильность цен и справляться с инфляционным давлением в условиях значительного и постоянного избытка ликвидности. По мнению авторов, стране важно активизировать развитие сферы услуг, инновационную составляющую национальной экономики, а также частный сектор, что даст возможность стабилизировать экономические процессы и обеспечить рост их эффективности.

Список литературы

1. Кириллов В. Н., Смирнов Е. Н. (2019) Траектория устойчивого роста или очередная разбалансировка механизмов мировой экономики // Вестник МГИМО Университета. Т. 12. № 5. С. 64–90. [Kirillov V. N., Smirnov E. N. (2019) The trajectory of

sustainable growth or another unbalancing of the mechanisms of the world economy // Bulletin of MGIMO University. Vol. 12. No. 5. Pp. 64–90. (In Russian).]

2. Мировая экономика и международный бизнес: учебник / Смирнов Е. Н., Атурин В. В., Поляков В. В., Кириллов В. Н., Кузнецов А. В., Антонов В. А., Щенин Р. К., Адно Ю. Л., Аникин О. Б., Аникин Б. А., Воронина Н. В., Гельвановский М. И., Гребенщиков Э. С., Елизаров В. Г., Иванова Н. И., Кудинова О. Н., Логинов Б. Б., Михайлов О. В., Могилевкин И. М., Нестеренко Ю. Н. и др. Москва, 2009. [World economy and international business: textbook / Smirnov E. N., Aturin V. V., Polyakov V. V., Kirillov V. N., Kuznetsov A.V., Antonov V. A., Shchenin R. K., Adno Yu. L., Anikin O. B., Anikin B. A., Voronina N. V., Gelvanovsky M. I., Grebenshchikov E. S., Elizarov V. G., Ivanova N. I., Kudinova O. N., Loginov B. B., Mikhailov O. V., Mogilevkin I. M., Nesterenko Yu. N., et al. Moscow, 2009. (In Russian).]

3. Ошкина А. (2019) Алжир: экономическое развитие, проблемы и перспективы / В сборнике: Мировая экономика в XXI веке : Value and Values. сборник материалов Международной научно-практической конференции. отв. ред. И. А. Айдрус. С. 184–191. [Oshkina A. Algeria: economic development, problems and prospects / In the collection: World economy in the XXI century: Value and Values. collection of materials of the International scientific and practical conference, ed. by I. A. Aidrus, 2019, pp. 184–191. (In Russian).]

4. Ошкина А. (2019) Алжир: экономическая динамика и роль внешнеторговой составляющей // Инновационная экономика. № 1 (18). С. 2. [Oshkina A. (2019) Algeria: economic dynamics and the role of foreign trade component // Innovative economy. No. 1 (18). P.2. (In Russian).]

5. Русакович В. И. (2018) Оман: структурные преобразования и экономический рост // Азия и Африка сегодня. № 3 (728). С. 48–55. [Rusakovich V. I. (2018) Oman: structural transformations and economic growth // Asia and Africa today. No. 3 (728). pp. 48–55. (In Russian).]

6. Шкваря Л. В. (2006) Зона свободной торговли в средиземноморском регионе: проблемы и перспективы // Вестник Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова. № 2. С. 16–26. [Shkvarya L. V. (2006) Free trade Zone in the Mediterranean region: problems and prospects // Bulletin of The Plekhanov Russian Academy of Economics, No. 2, pp. 16–26. (In Russian).]

7. Шкваря Л. В. (2019) Торговля России и Магриба: тенденции и перспективы // Международная торговля и торговая политика. № 4 (20). С. 157–170. [Shkvarya L. V. (2019) Trade in Russia and the Maghreb: trends and prospects // international trade and trade policy. No. 4 (20). Pp. 157–170. (In Russian).]

8. Algeria's Economic Outlook — April 2020 (AEO, 2020). World Bank Group. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/algeria/publication/economic-update-april-2020>.

9. Algerian refinery project delayed by four months. URL: www.meed.com/algerian-refinery-project-delayed-by-four-months

10. Office National des Statistiques — ONS (2020) URL: www.ons.dz/

11. World Economic Outlook, April 2020: The Great Lockdown. URL: www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020

Economic development of Algeria: problems and prospects

Viktor Nikolaevich Kirillov,

*Doctor of Economics, Professor, Department of world economy,
State University of management, Moscow, Russia.*

Amina Oshkina,

*post-graduate student of the Department of world economy,
State University of management, Moscow, Russia.*

The article presents an analysis of the current socio-economic situation in Algeria. The authors focus on the resource component and the structure of the country's economy. The article shows that the main share in the state's GDP is still occupied by the hydrocarbon segment. This fact remains a serious problem and constraint for the country's sustainable socio-economic development due to its high dependence on the global hydrocarbon market, which has remained particularly unstable in recent years. The authors come to the conclusion that serious structural and financial problems persist in the country, as well as high unemployment, which creates threats of destabilization in the context of population growth. According to the authors, it is important for the country to activate the innovative component of the national economy, as well as the private sector, which will enable the state to stabilize economic processes and ensure their effectiveness.

Keywords: *Algeria, economic structure, GDP, industry, agriculture, services.*

JEL codes: *E20, E23.*

Изменение структуры генерирующего оборудования как следствие либерализации электроэнергетики в России

*Эркинов Кайратбек Эркинович,¹
Шувалова Ольга Владимировна²*

Выполнение инвестиционных контрактов, вмененных компаниям в ходе приватизации электроэнергетической отрасли, привело к обновлению парка электростанций. Эту задачу различные компании решали по-разному. Кто-то устанавливал на своих электростанциях отечественное оборудование, кто-то — импортное. В последние годы структура электроэнергетических мощностей в России изменилась кардинально. Эти процессы требуют осмысления. Цель статьи — изучить, как изменилась структура генерирующего оборудования в ходе модернизации электроэнергетических мощностей в России, в том числе — как изменилась доля различных компаний на рынке турбин в России. В процессе обновления генерирующего оборудования в России возросла доля зарубежного оборудования, в 2015 г. она достигла 89%. В условиях санкций и девальвации рубля, последовавшего после 2014 г., как никогда остро стоит вопрос импортозамещения. Также остро стоит вопрос сервисного обслуживания поставленных импортных парогазовых установок (ПГУ) и газотурбинных установок (ГТУ).

Ключевые слова: электроэнергетика, энергетика, машиностроение, турбины, производство, генерирующие мощности, либерализация, энергетическая политика, Российская Федерация.

JEL коды: L94, O13, L22.

Введение

В мире постоянно растет потребность в энергоносителях. Без производства электроэнергии ныне немыслимо экономическое развитие государств (Родионова, Шувалова, 2018). Но для производства электроэнергии, естественно, необходимо создавать соответствующее оборудование.

Производство электроэнергетического оборудования относится к высокотехнологичным отраслям экономики. Этими технологиями владеет ограниченное количество компаний. Страны, в которых производится электроэнергетическое оборудование, обладают конкурентными преимуществами по сравнению с остальными и активно участвуют в международном разделении труда, экспортируя такое оборудование по всему миру.

¹ Эркинов Кайратбек Эркинович — магистр ФГАОУ ВО РУДН «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Россия.

² Шувалова Ольга Владимировна — кандидат географических наук, доцент ФГАОУ ВО РУДН «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Россия.

На рис. 1 показана доля различных компаний — поставщиков генерирующего оборудования — в суммарной мощности электростанций всего мира. Из рис. 1 видно, что 37% рынка контролируют всего 2 компании — это американская корпорация «General Electric» и немецкий конгломерат «Siemens».

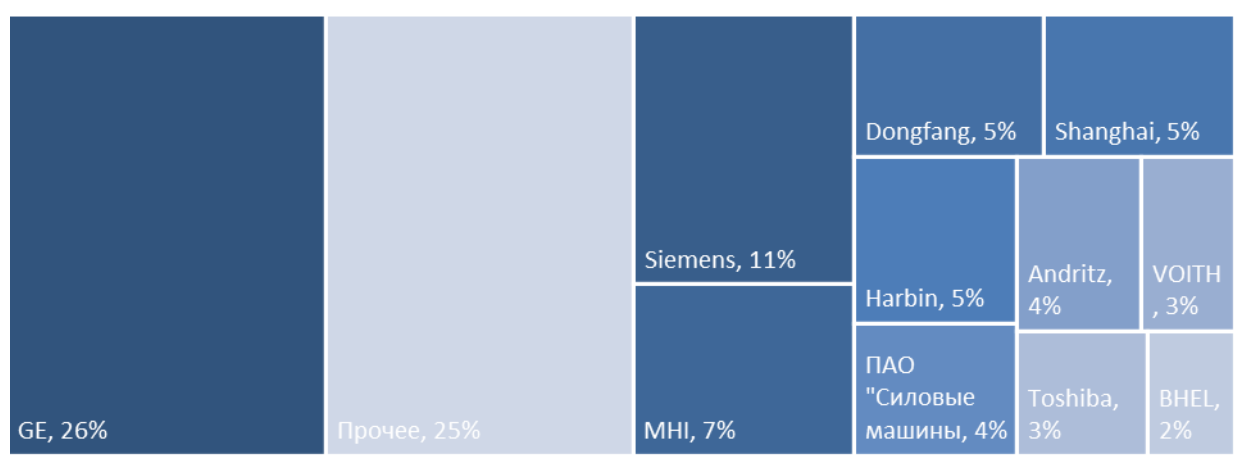

Рис.1. Структура установленных мощностей в мире по компаниям — поставщикам оборудования (общая мощность 6251,5 ГВт)

Источник: построено авторами по данным Официального сайта компании «Силовые машины».

Крупнейшим производителем энергетического оборудования в России остается ПАО «Силовые машины». На долю этой компании приходится 4% суммарной установленной мощности электростанций во всем мире. Компания реализует проекты в различных странах.

В 2001 г. в России было принято Постановление Правительства Российской Федерации «О реформировании электроэнергетики Российской Федерации», которое ознаменовало начало преобразований в электроэнергетической отрасли России, в частности, — либерализацию электроэнергетического рынка (Постановление). В 2003 г. был принят новый Федеральный закон №35–ФЗ «Об электроэнергетике» (Федеральный закон). Законом был введен новый механизм, который помог обновить стареющие электроэнергетические мощности — так называемый «договор о предоставлении мощности» (ДПМ). В соответствии с механизмом ДПМ, генерирующие компании, участвующие в приватизации отрасли, обязаны ввести в эксплуатацию новые генерирующие мощности с установленными параметрами и характеристиками в установленный срок.

Цель статьи — изучить, как изменилась структура генерирующего оборудования в ходе модернизации электроэнергетических мощностей в России, в том числе — как изменилась доля различных компаний на рынке турбин в России.

Изменение структуры генерирующего оборудования как следствие либерализации электроэнергетики в России

За период с 2009 по 2018 гг. в России было обновлено более 46 ГВт мощностей энергетического оборудования, это 1/5 часть от общего объема мощностей Единой энергосистемы России (Официальный сайт Системного оператора единой энергетической системы). Зачастую обновление происходило путем ввода в эксплуатацию более

эффективных энергоагрегатов — парогазовых установок (ПГУ) и газотурбинных установок (ГТУ), вместо устаревших паросиловых установок (ПСУ).

Доля установок ПГУ и ГТУ на электростанциях России с 2009 г. возросла с 2,9% до 21,1%. Преимущества данных установок заключаются в их более высокой производительности: коэффициент полезного действия (КПД) этих установок достигает 50–60%. Они, конечно же, были востребованы в ходе реализации ДПМ в первую очередь.

За последние 10 лет развития электроэнергетики на российских электростанциях были установлены и введены в эксплуатацию 352 турбины. Из них 162 турбины средней и большой мощности (от 60 МВт), остальные турбины — малой мощности (до 60 МВт) (Официальный сайт Системного оператора единой энергетической системы).

Несмотря на то, что оборудование на электростанциях в значительной мере было обновлено, были введены в эксплуатацию установки ПГУ и ГТУ, все равно подавляющая часть турбин, установленных на российских электростанциях — это паросиловые турбины (ПСУ).

В ходе исследования мы выяснили, что большая часть турбин, особенно мощных (больше 60 МВт), поставлялась зарубежными производителями, в том числе компаниями «Siemens» и «General Electric». Турбины малой мощности были в основном отечественного производства. В этом секторе у российских компаний имелись собственные разработки.

Причину такого состояния дел — повышенной доли иностранного оборудования — мы объясняем следующим: развитие собственного производства турбин большей мощности требует много времени, порядка 5–7 лет, и серьезных инвестиций. А договорами о предоставлении мощностей предусматривались сжатые сроки ввода оборудования в эксплуатацию. Поэтому даже государственные компании, которые активно участвовали в программах ДПМ, закупали импортные турбины, вместо того чтобы выступить в роли ключевых заказчиков отечественных турбин.

Таким образом, к 2015 г. доля импортного электротехнического оборудования в России достигала 89% (для сравнения: в 2014 г. эта доля составляла 78%). Также как и на мировом рынке электроэнергетического оборудования, так и на российском рынке — прежде всего в сегменте газотурбинных установок — непререкаемыми лидерами остаются компании «Siemens» и «General Electric» (рис. 2).

Рис. 2. Структура введенных в 2014–2015 гг. ГТУ в России по компаниям-производителям.

Источник: построено по данным: (Каталог, 2016).

Однако после 2015 г. доля иностранных производителей в поставках электроэнергетического оборудования начала уменьшаться. В 2018 г. на долю иностранного генерирующего оборудования приходилось уже 64%. Это произошло вследствие мирового экономического кризиса и введения западными странами экономических санкций против России, которые весьма заметно и негативно повлияли на внешнеторговые процессы в РФ, в том числе — на объемы высокотехнологичного импорта (Меланьина, 2018). Кроме того, на сокращение доли иностранного оборудования повлияло снижение объема инвестиций в строительство крупных турбин и электростанций, ведь основной этап инвестиционной программы по договорам о предоставлении мощностей (ДПМ) закончился. Впрочем, сокращение поставок мощных установок ГТУ и ПГУ — общемировая тенденция.

Российский рынок производителей двигателей и турбин и позиции на нем отдельных предприятий показан нами на рис. 3.

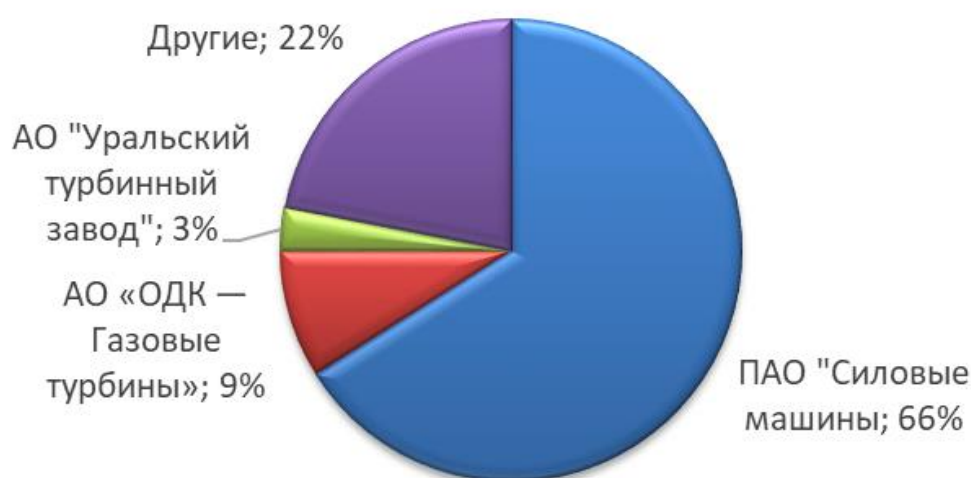

Рис. 3. Доля российских производителей в поставках двигателей и турбин в 2018 г.
Источник: построено по данным: (Официальный сайт компании «*Siemens*» в России).

Как видно из рис. 3, среди отечественных производителей в 2018 г. по поставкам оборудования лидировала компания «Силовые машины». Она смогла объединить разбросанные по всей стране заводы, в том числе Ленинградский металлический завод и Калужский турбинный завод. Далее следуют дочерняя компания «Ростеха» — «Объединенная двигателестроительная корпорация» и дочерняя компания «Реновы» — «Уральский турбинный завод».

Помимо собственного отечественного производства, в настоящее время мы наблюдаем все большую локализацию иностранного производства в России.

Единственный завод, выпускающий газовые турбины большой мощности в России, — это совместное предприятие немецкой компании «*Siemens*» и российской компании «Силовые машины». Оно локализовано в Санкт-Петербурге. Доля немецкого инвестора в структуре акционерного капитала составляет 65%.

Локализация производства — сложный процесс. В настоящее время мы видим, что, во-первых, локализация указанного выше производства сравнительно небольшая. Во-вторых, сохраняются проблемы с организацией сервисного обслуживания поставляемого оборудования. Однако нужно помнить, что полная локализация производства, с одной

стороны, уменьшила бы зависимость от импорта, а с другой — способствовала бы развитию отечественных машиностроительных технологий, и это весьма желательно.

У нашей страны есть опыт создания инновационных установок, но из-за распада Советского Союза многие передовые разработки «канули в Лету». Россия существенно отстала в области развития технологий парогазовых установок. Отчасти этому способствовало развитие в 1980-х гг. другого проекта — разработки магнетогидродинамического генератора. Из-за этого проекты развития ПГУ сворачивались. Однако проект магнетогидродинамического генератора признали невыгодным. В это время западные производители энергетического оборудования делали ставку на развитие технологии парогазовых турбин и опередили Россию в этом направлении.

В России, конечно же, существует потребность в отечественном производстве ПГУ. Поэтому Президент издал Поручение Президента Российской Федерации от 28.10.2014 № Пр-2537 «О разработке программы импортозамещения оборудования энергетического машиностроения в области газотурбинных технологий и плана по ее реализации». Основная цель этого документа — достижение суверенитета в области газотурбинных технологий. Разработкой отечественной газотурбинной установки занимается совместная компания Группы «Роснано», ПАО «ОДК-Сатурн» и «Интер РАО». После многих лет испытаний в 2019 г. была введена в эксплуатацию первая «большая» газовая турбина «ГТД-110М», разработанная российскими конструкторами. Ее установили на энергоблоке Ивановских ПГУ. Это стало важной вехой в истории развития крупного отечественного энергетического машиностроения. Запуск серийного производства планируется в 2021 г.

Выводы

В процессе обновления генерирующего оборудования в России возросла доля зарубежного оборудования, и на своем пике — в 2015 г. — она достигла 89%. Произошло существенное изменение структуры электроэнергетических мощностей. Более 20% установленных мощностей в России — это высокоэффективные парогазовые и газовые установки.

К сожалению, сегодня в России производят только газовые турбины малой мощности. Для производства турбин большой мощности была создана совместная компания «Siemens» технологии газовых турбин», но производство локализовано только на 62%. В России сейчас развивается собственное производство мощных турбин. Так, в 2019 г. на Ивановских ПГУ была введена в эксплуатацию отечественная газовая установка «ГТД-110М». Вопрос импортозамещения в условиях санкций и девальвации рубля, последовавшего после 2014 г., стоит как никогда остро. Также остро стоит вопрос сервисного обслуживания поставленных импортных ПГУ и ГТУ.

Список литературы

1. Меланьина М. В. (2018) Влияние санкционных ограничений на динамику внешней торговли России // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. № 11 (117). С. 4. [Melanyina M. V. (2018) Influence of sanctions restrictions on the dynamics of foreign trade in Russia // Management of economic systems: electronic scientific journal. No. 11 (117). P. 4. (In Russian).]

2. Официальный сайт Системного оператора единой энергетической системы. URL: <https://so-ups.ru/> [The official website of the System operator of the unified energy system]
3. Официальный сайт компании «Силовые машины». [Official website of the «Power machines company»]. URL: <http://www.power-m.ru/>
4. Официальный сайт компании «Siemens» в России. [Official website of Siemens in Russia] URL: <https://new.siemens.com/ru/ru.html>
5. Каталог «Газотурбинное оборудование 2016». М.: Издательский дом «Газотурбинные технологии», 2017. URL: <https://base.garant.ru/183525/> [Catalog «Gas Turbine equipment 2016». М.: Publishing House «Gas Turbine technologies», 2017. (In Russian).]
6. Постановление Правительства Российской Федерации «О реформировании электроэнергетики Российской Федерации» от 11 июля 2001 г. № 526 [Resolution of the government of the Russian Federation No. 526 of July 11, 2001 "On reforming the electric power industry of the Russian Federation" (In Russian).]
7. Федеральный закон от 26.03.2003 г. №35-ФЗ «Об электроэнергетике» // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2003. № 13. ст. 1177. [Federal law No. 35-FZ of 26.03.2003 «On electric power industry» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2003. No. 13. article 1177. (In Russian).]
8. Родионова И. А., Шувалова О. В. (2018) Мировая энергетика: позиции стран БРИКС // Россия и Азия. 2018. № 4. С. 16–32. [Rodionova I. A., Shuvalova O. V. (2018) Positions of the BRICS countries in the world energy // Russia and Asia. No. 4. Pp. 16–32. (In Russian).]

Change in the structure of generating equipment as a consequence of liberalization of electric power industry in Russia

Kairatbek Erkinovich Erkinov

Master of Economics

RUDN University "Peoples' Friendship University of Russia" Moscow, Russia

Olga Vladimirovna Shuvalova

Ph.D. in Geography, Docent

RUDN University "Peoples' Friendship University of Russia" Moscow, Russia

Fulfillment of investment contracts imputed to companies during the privatization of the electric power industry led to the renewal of the power plant fleet. Different companies have solved this problem in different ways. Someone installed domestic equipment at their power plants, someone gas equipment. In recent years, the structure of electric power capacities in Russia has changed dramatically. These processes require reflection. The purpose of the article is to study how the structure of generating equipment has changed during the modernization of electric power facilities in Russia, including how the share of various companies in the turbine market in Russia has changed. In the process of renewal of generating equipment in Russia, the share of foreign equipment increased; in 2015 it reached 89%. In the context of sanctions and the devaluation of the ruble, which followed the global economic crisis in 2014, the issue of import substitution is more acute than ever. The issue of servicing the supplied imported CGT and GTU is also acute.

Key words: *electric power industry, power engineering, mechanical engineering, turbines, production, generating capacities, liberalization, energy policy, Russian Federation.*

JEL codes: *L94, O13, L22.*

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ / WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Пандемия против глобальных инвестиций: реалии 2020 года

Чиниев Джами Бадридинович¹

В статье показаны и проанализированы современные тенденции в глобальном процессе миграции прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в 2000–2019 гг. и в ближайшей перспективе. Автором выделены основные факторы, влияющие на миграцию ПИИ. На основе анализа первичных статистических данных, а также современных и классических научных исследований, автор обосновывает точку зрения, что в современных условиях глобальной нестабильности имеет место рост влияния неэкономических факторов, оказывающих растущее влияние на глобальные потоки ПИИ. В статье автором показано, что COVID-19 окажет значительное прямое и косвенное воздействие на потоки глобальных ПИИ. Среди направлений косвенного воздействия выделяется обострение проблем существующей мировой финансовой системы.

Ключевые слова: мировая экономика, прямые иностранные инвестиции (ПИИ), несбалансированность ПИИ, COVID-19, мировая финансовая система, глобальная финансовая нестабильность.

JEL коды: F21, F34, F37.

Введение

Иностранные инвестиции на сегодняшний день — важнейший драйвер экономического развития всех стран мира, так как капитал традиционно остается основополагающим фактором роста национальной и мировой экономики. Это положение многократно обосновывали виднейшие теоретики (в том числе классики экономической теории) и хозяйственная практика — мировая и страновая — на протяжении как минимум 2-х столетий.

Однако на каждом этапе развития мирового хозяйства процесс иностранного инвестирования, или вывоза капитала, имеет свои особенности, соответствующие специфике мировых экономических процессов (Савинский, 2004), сложившейся «...системе экономических инструментов, организационных мер и институтов, обеспечивающих осуществление мирохозяйственных связей» (Вереникина и др., 2017), а также тем формам

¹ Чиниев Джами Бадридинович — кандидат экономических наук, экономист, Международный валютный фонд, Национальный Банк Таджикистана, проспект Рудаки, 107А, 734003, Душанбе, Таджикистан.

вывоза капитала, которые актуализируются в те или иные исторические периоды в тех или иных странах с учетом их особенностей.

Цель статьи — на основе статистических данных ЮНКТАД, анализа современной научной литературы исследовать современные тенденции в глобальном процессе миграции прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в 2000–2019 гг. и в ближайшей перспективе и дать научное объяснение этих тенденций.

Результаты исследования

На процессы международного инвестирования оказывают основополагающее влияние национальные и глобальные процессы — рост или падение производства, НТП, применение тех или иных инструментов регулирования ПИИ, НТП и др. Все они в различной степени и достаточно разнонаправленно влияют на тенденции ПИИ в мире, отдельных регионах и странах.

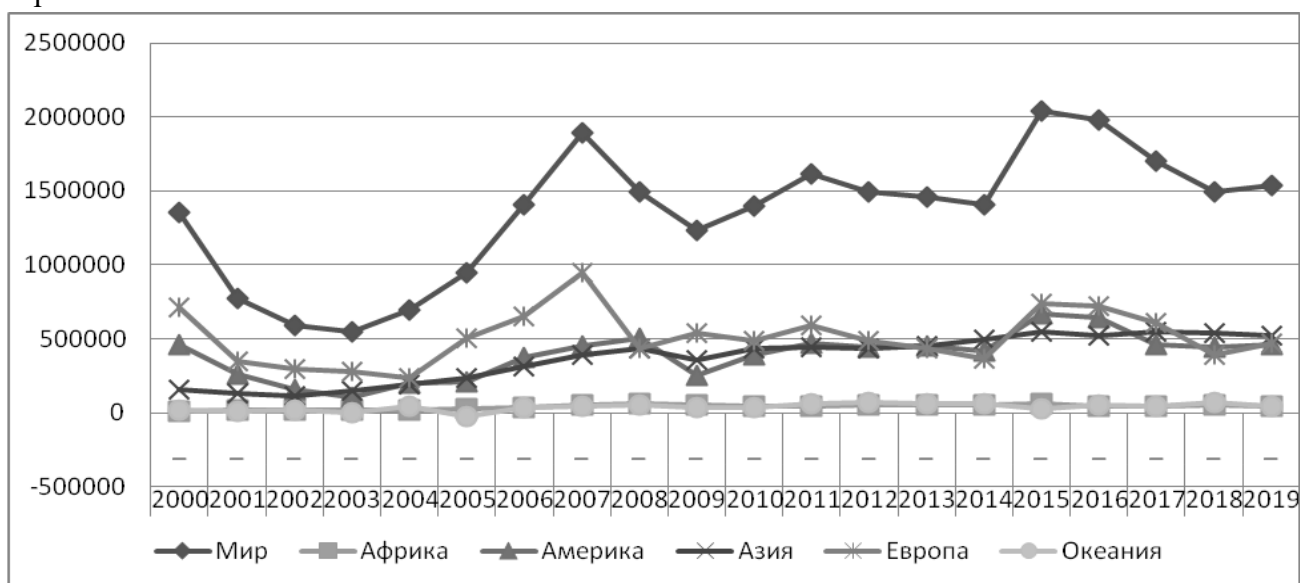

Рис. 1. Динамика притока ПИИ в мире и в регионах мира в 2000–2019 гг., млн долл. в текущих ценах по текущему курсу.

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

Как видно на рис. 1, глобальные потоки ПИИ незначительно выросли в 2019 г. (на 3%) после существенного падения в 2016–2018 гг. Это произошло главным образом за счет роста притока капитала в развитые государства Европы и страны с переходной экономикой. Приток ПИИ в развивающиеся страны в 2019 г. сократился. В частности, в Африке он упал на 10%.

Если говорить о страновых тенденциях, то крупнейшим получателем ПИИ в 2019 г. стали США, хотя приток ПИИ в эту страну сокращается уже 2-й год подряд (в 2018–2019 гг.), как и во многие ведущие по этому показателю страны мира — Нидерланды, Гонконг (КНР), Великобританию, Германию, Австралию, Францию. Снижение притока ПИИ в развитые страны достигло в 2019 г. 6%, в том числе объемы привлеченных в страны Европейского Союза ПИИ сократились на 15%. Эта ситуация уже получила название «кризис инвестиций». Одной из причин этого явления можно считать выход Великобритании из Европейского Союза.

Напротив, рост ПИИ отмечен в Китае, который на протяжении ряда лет (с 2008 г.) является 2-м в мире получателем ПИИ на фоне значительного экономического роста и, в частности, цифровой трансформации национальной экономики (Шкваря, Сичжэ Ван, 2020). Более того, динамика притока ПИИ в Китай остается наиболее стабильной среди ведущих стран мира, и более стабильной, чем мировой приток прямых иностранных инвестиций.

Также имел место рост притока ПИИ в Ирландию, Бразилию (после начала процесса приватизации), Индию, Канаду, на Каймановы острова. ПИИ выросли в Чили, Колумбии и Перу, причем большая их часть пришлось на сырьевые производства, хотя инвестиции в коммунальные услуги также увеличились. В 2019 г. Латинская Америка и Карибский бассейн также стали «горячей точкой» для ПИИ в возобновляемые источники энергии. В странах АСЕАН в 2019 г. ПИИ выросли на 42%. Высокий рост ПИИ в страны АСЕАН остается особенностью региона на протяжении уже ряда лет (Тыркба, 2015).

В страны с переходной экономикой приток прямых иностранных инвестиций увеличился на 59% — до 55 млрд долл. США, что было вызвано, главным образом, восстановлением притока ПИИ в Российской Федерации. ПИИ в Российскую Федерацию за 2019 г. выросли более чем в 2 раза по сравнению с предыдущим годом, несмотря на продолжающееся санкционное давление со стороны западных стран, прежде всего США и государств Европейского Союза. Можно согласиться с тем, что: «Одними из крупнейших инвесторов для российской экономики традиционно оставались страны Западной Европы. Однако в 2014–2016 гг. в связи с введением западными странами санкций против российской экономики инвестиционные отношения сторон переживают период трансформации» (Шкваря, 2017). Стоит отметить, что крупнейшим инвестором в российскую экономику в 2019 г. стала Германия, за ней следовали Китай, Франция и США, инвестиции которых в российскую экономику, однако, существенно сократились. В то же время России пока не удастся достичь «исторического максимума» стоимостного объема притока прямых иностранных инвестиций в XXI в., который имел место в 2008 г.

Таким образом, важнейшими характеристиками мирового потока прямых иностранных инвестиций в условиях глобальной нестабильности, по нашему мнению, выступают его высокая волатильность и неустойчивость, а также значительная дифференциация как по регионам мира и по странам, так и по динамике странового рейтинга (см. табл. 1).

Однако в XXI в., помимо известных экономических факторов (Савинский, 2004), все чаще на повестке дня появляются внеэкономические обстоятельства, которые имеют серьезные последствия на объемы, структуру и географические направления глобальных потоков капитала. Так, важнейшее влияние на мировые инвестиционные процессы имела и сохраняет «цифровая революция», активизировавшая создание новых видов товаров и услуг и изменившая систему потребления в мире и отдельных странах (Меланьина, 2019), а также политические аспекты, конфликты и др.

В 2020 г. таким обстоятельством стала также пандемия *COVID-19*. В этой связи специалисты *UNCTAD* в Отчете о мировых инвестициях за 2020 г. обосновывают точку зрения о том, что «Кризис *COVID-19* приведет к резкому падению прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в 2020 и 2021 гг. Это будет иметь немедленные негативные последствия в 2020 г., с дальнейшим ухудшением в 2021 г. Глобальные потоки ПИИ, по оценкам, сократятся до 40% в 2020 г. по сравнению с их значением в 2019 г., достигшим уровня 1,54 трлн долл. (World Investment Report, 2020).

Таблица 1.

Приток ПИИ в некоторые страны мира в 2000–2019 гг., млрд долл.

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
США	314	159,5	74,5	53,1	135,8	104,8	237,1	216	306,4	143,6	198,0	229,9	199	201,4	201,7	467,6	471,8	277,3	253,6	246,2
КНР	40,7	46,9	52,4	53,5	60,6	72,4	72,7	83,5	108,3	94,1	114,7	124,0	121,1	123,9	128,5	135,6	133,7	136,3	138,3	141,2
Сингапур	14,6	17,3	5,3	16,4	22,3	17,7	37,5	42,6	11,8	18,5	57,5	39,9	60,1	56,7	73,3	59,7	68,8	83,6	79,7	92,1
Нидерланды	63,9	51,9	25,0	32,9	12,4	39,0	14,0	114,2	–6,8	38,8	–7,2	24,2	250	51,1	45	179	30,7	60,5	114,3	84,2
Ирландия	25,8	9,7	29,3	22,9	–10,6	–31,7	–5,5	24,7	–16,5	25,7	42,8	23,5	48,9	50,6	48,2	217,9	39,4	52,8	–28,1	78,2
Бразилия	32,8	22,5	16,6	10,1	18,1	15,1	18,8	34,6	45,1	25,9	77,7	97,4	82,1	59,1	63,8	50,0	53,7	66,6	59,8	72,0
Гонконг	54,6	29,1	3,7	17,8	29,2	34,1	41,8	58,4	58,3	55,5	70,5	96,6	70,2	74,3	113	174,4	117,4	110,7	104,2	68,4
Великобритания	115,3	35,9	19,7	16,6	61,2	182,9	147,4	176,8	92,2	89,7	58,2	42,2	55,4	51,7	24,7	39,2	258,7	101,2	65,3	59,1
Виргинские о-ва	8,1	3,8	5,5	9,7	28,3	–7,1	12	37,2	52,6	42,2	51,5	58,2	75,3	113,4	55,8	25,5	57,8	57,6	58,8	58,0
Индия	3,6	5,5	5,6	4,3	5,8	7,6	20,3	25,3	47,1	35,6	27,4	36,2	24,2	28,2	34,6	44,1	44,5	39,9	42,2	50,6
Канада	66,8	27,7	22,2	7,5	–0,4	25,7	60,3	116,8	61,6	22,7	28,4	39,7	43,1	69,4	59,0	43,8	36,1	26,5	43,5	50,3
Германия	198,3	26,4	53,5	32,4	–10,2	47,5	55,7	80,2	8,1	23,8	65,6	67,5	28,2	12,8	–3,2	30,5	15,6	60,4	73,6	36,4
Австралия	14,2	7,8	14,2	6,3	39,6	–28,3	26,3	41,5	46,9	31,9	36,8	58,9	59,6	56,8	58,5	29,6	48,3	45,3	68	36,2
Каймановы о-ва	9,4	2,1	2,8	2,6	3,7	9,5	24,8	28,2	19,6	20,2	10,6	16,7	9,9	68	49,8	80,3	64,3	22,9	16,8	34,7
Франция	27,5	15,9	21,5	7,9	–2,6	33,2	25,3	63,5	37,6	30,7	13,9	31,6	16,1	34,3	2,7	45,4	23,1	24,87	38,2	34,0
Мексика	18,2	30	24,1	18,3	25	26	21,2	32,5	29,5	17,9	27,1	25,6	21,7	48,2	30,4	35,4	31	34,2	34,7	32,9
Российская Федерация	2,7	2,8	3,4	7,8	15,3	14,4	37,4	54,9	75,9	27,8	31,7	36,9	30,2	53,3	29,2	11,9	37,2	26,0	13,2	31,7

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

Свои негативные прогнозы относительно влияния *COVID-19* на объемы инвестиционных потоков дают МВФ, Мировой банк и другие международные и региональные финансовые организации и фонды.

Однако только ли к падению объемов прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в мире — в результате физического закрытия множества предприятий, закрытия проектов и падения спроса на ряд товарных позиций — приведет нынешняя пандемия? На наш взгляд, мир столкнется и с иными последствиями *COVID-19* — как минимум, с географической и отраслевой трансформацией прямых иностранных инвестиций, с изменениями в системе слияний и поглощений, финансировании научных исследований и разработок (НИОКР) и др., что уже в настоящее время негативно сказывается на состоянии финансовых рынков.

Все это может привести к далеко идущим и серьезным последствиям, в частности, к изменению системы производства и потребления в отдельных странах, регионах и в мире, а также могут измениться доли в этом процессе государства и негосударственных субъектов хозяйствования — предприятий и домохозяйств. В частности, возможен дальнейший рост государственного предпринимательства (Столярова, Пономаренко, 2011) во всех группах стран мира. Кроме того, могут претерпеть изменения инвестиционные и финансовые инструменты.

Многие страны по всему миру приняли меры в поддержку инвестиций или для защиты критически важных отечественных отраслей промышленности в условиях кризиса. Меры поддержки включают, в частности, ускорение процедур инвестирования, ускоренное использование онлайн-инструментов и электронных платформ, развитие связанных с *COVID-19* услуг агентств по поощрению инвестиций (IPAs), схемы стимулирования относящихся к системе здравоохранения НИОКР, медицинские поставки, приобретение государствами акций ключевых национальных компаний, а также предоставление государственных кредитов и гарантий для отечественных поставщиков в цепочках создания стоимости (Investment policy..., 2020). Интересно отметить, что Российская Федерация закрывает «оффшорное окно» на Кипре в целях «деоффшоризации» российской экономики. Кипр, Мальта, Люксембург приняли условия России и согласились повысить налоговую ставку на дивиденды зарегистрированных там компаний до 15%. Возможно, что после этого и другие оффшорные зоны пойдут по этому пути.

Наконец, ситуация, связанная с *COVID-19*, уже обострила проблемы существующей мировой валютной системы (Пономаренко, 2015) и, без сомнения, будут способствовать изменению мировой доллароцентричной финансовой архитектуры. Одной из основных проблем остается глобальный финансовый дисбаланс — как в страновом (Counter external debt of the USA), так и в отраслевом аспектах (Шкваря, Тыркба, 2017), который находится в тесном взаимовлиянии с сохраняющимся глобальным торговым дисбалансом.

Глобальный инвестиционный дисбаланс подпитывается и одновременно остается катализатором и сферой влияния системы международных экономических, и прежде всего финансовых, санкций (Русакович, Сухова, 2015), которые в XXI в. все более активно применяются развитыми странами мира, особенно США, в отношении большинства других государств.

Еще одной архиважной проблемой современной глобальной финансовой системы остается рост внешнего долга большинства стран мира, причем для некоторых стран этот долг приобретает критический характер (табл. 2).

Таблица 2.

Чистые государственные заимствования* в отдельных странах в 2017–2020 гг. (% ВВП).

Страны	2017	2018	2019**	2020**
США	2,45	3,54	3,61	3,58
Япония	2,71	2,92	2,86	2,16
Китай	2,97	3,78	4,97	5,11
Франция	1,13	0,91	1,84	0,99
Италия	1,24	1,39	1,41	0,71
Германия	–2,08	–2,57	–1,76	–1,51
Великобритания	0,08	–0,15	–0,03	0,14

* Чистые государственные заимствования — общий объем государственных заимствований за вычетом предоставленных государством кредитов.

** Оценки

Источник: World Economic Outlook Database.

Как видно из анализа представленных данных (табл. 2), крупнейшими странами-должниками в абсолютном выражении остаются США, чей долг составил 26 трлн долл. на 12 августа 2020 г. и ежедневно растет (Counter external debt of the USA) и Китай (причем КНР лидирует в мире по нарастаанию внешнего долга), в относительном выражении — Япония, внешний долг которой составляет более 2230% ВВП). По оценкам рейтингового агентства *Fitch*, в 2018 г. суммарный долг этих 3-х стран составил 66 трлн. долл., или 80% мирового ВВП (*Fitch Ratings...*, 2019). Получается, что на США, Китай и Японию пришлось около 60% всего суверенного мирового долга. Внешний долг остается серьезной проблемой и для Республики Таджикистан (Чиниев, 2020).

Следует также отметить сохраняющиеся и даже обостряющиеся во многих случаях проблемы финансирования развития стран с развивающимися рынками, особенно в Азии, Африке и Латинской Америке, в том числе — отдельных проектов: «Проектное финансирование составляет значительную часть трансграничных инвестиционных потоков. В основном это касается инвестиций в инфраструктуру» (Шкваря, 2013). Стоимость проектов снизилась в 2014–2016 гг. и лишь частично восстановилась в последующие 3 года. Снижение среднего размера было особенно значительным в производстве электроэнергии (включая как ископаемое топливо, так и возобновляемые источники энергии) и в горнодобывающей промышленности, а также в проектах в развивающихся странах.

Выводы

Таким образом, влияние *COVID-19* на глобальный процесс миграции ПИИ в мире может оказаться гораздо более негативным и длительным, чем это предполагалось изначально, вплоть до глобального финансового кризиса. Поэтому и на страновом, и на межгосударственном уровнях важно не только исследовать это влияние, но и принимать действенные меры по его нивелированию. Одним из направлений, по нашему мнению, может стать развитие цифровых сегментов, что «что укрепит независимость и экономическую безопасность, а также устойчивый социально-экономический рост и прогресс» (Чиниев, 2019), повышение качества государственного регулирования инвестиционной сферы и постепенная реорганизация мировой финансовой системы.

Список литературы

1. Вереникина А. Ю., Исаев В. А., Кузьмин Д. В., Меланьина М. В., Рузина Е. И., Савинский А. В. (2017) Экономика. М. [Verenikina A. Yu., Isaev V. A., Kuzmin D. V., Melanyina M. V., Ruzina E. I., Savinsky A. V. (2017) Economics. Moscow. (2nd edition). (In Russian).]
2. Меланьина М. В. (2019) Цифровизация мировой экономики: этапы, темпы, перспективы // Экономика и управление: проблемы, решения. Т. 11. № 2. С. 141–147. [Melanyina M. V. (2019) Digitalization of the global economy: stages, the pace, the prospects // Economics and management: problems and solutions. Vol. 11. No. 2. Pp. 141–147. (In Russian).]
3. Пономаренко Е. В. (2015) Экономика и финансы общественного сектора Учебник / Москва. Сер. Магистратура. [Ponomarenko E. V. (2015) Economics and Finance of the public sector Textbook / Moscow. Ser. Magistracy. (In Russian).]
4. Русакович В. И., Сухова Р. А. (2015) Международные санкции — препятствие или стимул к развитию малой экономики? Опыт Сирии // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. № 6. С. 99–107. [Rusakovich V. I., Sukhova R. A. (2015) International sanctions-an obstacle or incentive to the development of a small economy? The Syrian Experience // Scientific review. Series 1: Economics and law. No. 6. Pp. 99–107. (In Russian).]
5. Савинский А. В. (2004) Новые условия и тенденции на мировых рынках капитала / Савинский А. В. Москва. [Savinsky A. V. (2004) New conditions and trends in global capital markets / Savinsky A.V. Moscow. (In Russian).]
6. Столярова Е. И., Пономаренко Е. В. (2011) Государственное предпринимательство. Теория и практика развития. Саарбрюкен. [Stolyarova E. I., Ponomarenko E. V. (2011) State entrepreneurship. Theory and practice of development. Saarbr. (In Russian).]
7. Тыркба Х. В. (2015) Географические особенности распределения прямых иностранных инвестиций: современные тенденции // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. № 7 (79). С. 12. [Tyrkba K. V. (2015) Geographical features of the distribution of foreign direct investment: current trends // Management of economic systems: electronic scientific journal. No. 7 (79). P. 12. (In Russian).]
8. Чиниев Д. Б. (2020) Внешний долг Республики Таджикистан: динамика, особенности, задачи // Инновационная экономика. № 2 (23). С. 98–108. [Chiniev D. B. (2020) External debt of the Republic of Tajikistan: dynamics, features, tasks // Innovative economy. No. 2 (23). Pp. 98–108. (In Russian).]
9. Чиниев Д. Б. (2019) Цифровое государство в Таджикистане: основные этапы формирования, проблемы и возможности // Россия и Азия. № 4 (9). С. 25–31. [Chiniev D. B. (2019) Digital government in Tajikistan: the basic stages of formation, problems and opportunities // Russia and Asia. No. 4 (9). Pp. 25–31. (In Russian).]
10. Шкваря Л. В., Сичжэ Ван. (2020) Социально-экономическое развитие Китая и цифровые трансформации // Экономика и предпринимательство. № 3 (116). С. 132–136. [Shkvarya L. V., Xizhe Wang. (2020) Social and economic development of China and digital transformations // Economy and entrepreneurship. No. 3 (116). Pp. 132–136. (In Russian).]
11. Шкваря Л. В. (2017) Российско-европейские инвестиции: динамика и структура в условиях санкций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика.

Т. 25. № 2. С. 189–98. [Shkvarya L. V. (2017) Russian-European investments: dynamics and structure under sanctions // Bulletin of the peoples' friendship University of Russia. Series: Economics, Vol. 25, No. 2. Pp. 189–98. (In Russian).]

12. Шкваря Л. В., Тыркба Х. В. (2017) Глобальные изменения в процессе международной миграции капитала и роль стран с развивающимися рынками // Экономика и предпринимательство. № 8–3 (85). С. 75–82. [Shkvarya L. V., Tyrkba H. V. (2017) Global changes in the process of international capital migration and the role of countries with emerging markets // Economy and entrepreneurship. No. 8-3 (85). Pp. 75–82. (In Russian).]

13. Шкваря Л. В. (2013) Финансовые потоки в странах Африки: источник для реализации инфраструктурных проектов. В сборнике: Африка в поисках источников мира и развития. Ежегодник. Сер. "Африканские исследования" Москва. С. 206–215. [Shkvarya L. V. (2013) Financial flows in Africa: a source for implementing infrastructure projects. In: Africa in search of sources of peace and development. Yearbook, Ser. "African studies" Moscow, Pp. 206. (In Russian).]

14. Counter external debt of the USA. URL: <http://webdiscover.ru/v/22301>

15. Fitch Ratings Expands ESG Coverage with Long-Term Vulnerability Scores, 2019. URL: <https://www.fitchratings.com/>

16. Investment policy responses to the COVID-19 pandemic URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/diaepcbinf2020d3_en.pdf

17. World Investment Report, 2020. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2020_en.pdf

18. World Economic Outlook Database. URL: www.imf.org/en/Publications/WEO

19. UNCTAD. URL: <https://unctad.org/en/Pages/statistics.aspx>

Pandemic vs the global investment realities 2020

Jami Badriddinovich Chiniev

*PhD (Economics), the economist, International Monetary Fund, National Bank of Tajikistan,
107A, Rudaki Avenue, 734003 Dushanbe, Tajikistan*

The article shows and analyzes current trends in the global migration process of foreign direct investment (FDI) in 2000–2019 and in the near future. The author highlights the main factors influencing FDI migration. Based on the analysis of primary statistical data and modern and classical scientific research, the author substantiates the point of view that in the current conditions of global instability, there is an increase in the influence of non-economic factors that have a growing impact on global FDI flows. In the article, the author shows that COVID-19 will have a significant direct and indirect impact on FDI flows. Among the directions of indirect influence, the aggravation of the problems of the existing global financial system is highlighted.

Keywords: world economy, foreign direct investment (FDI), unbalanced FDI, COVID-19, global financial system, global financial instability.

JEL codes: F21, F34, F37.

Меры Египта по смягчению негативных экономических последствий для туристического сектора в условиях глобальной нестабильности

Салах Эль Дин Мухаммед Селим ¹

Впервые со времени окончания Второй мировой войны все страны, сектора экономики, компании и отдельные лица одновременно оказываются под общим влиянием COVID-19. Международная индустрия туризма, однако, оказалась наиболее серьезно затронута кризисными явлениями из-за характера этого сектора. Впервые за десятилетия показатели, характеризующие динамику туризма на мировом уровне, были отрицательными: мировой туристический поток в 2020 г., по самым оптимистичным прогнозам, снизился на 58% по сравнению с 2019 г. Это касается и доходов отрасли. Нынешняя ситуация беспрецедентна, будь то на глобальном уровне, на уровне регионов или на уровне стран. Все страны ищут решения на ближайшую или отдаленную перспективу, способные минимизировать негативные последствия этой пандемии.

В статье автор анализирует различные меры, которые предпринимают государства для предотвращения разрушения туристической индустрии. Это финансовые, экономические, организационные или медицинские меры, и т. д. Египет выбран нами в качестве основного объекта для анализа как страна, которая намерена спасти свою туристическую индустрию от полного краха с помощью системы разработанных и уже реализуемых мер. Египетский опыт может быть полезен другим туристическим странам.

Ключевые слова: международный туризм, международная экономика, египетский туризм, процедуры преодоления кризиса, COVID-19, туристические стимулы.

JEL коды: E30, F01, F63.

Введение

Международный туризм для большинства стран мира на протяжении длительного периода, в том числе и в настоящее время, выступает весомым фактором устойчивого национального социально-экономического развития, обеспечивая рост ВВП, экспорта, инвестиций, в том числе иностранных, занятости, и катализатором частной предпринимательской инициативы. Мировой рынок туристических услуг на протяжении XXI в. оставался одним из наиболее стремительно развивающихся секторов мировой экономики.

Но в 2020 г. мировое сообщество столкнулось с проблемой распространения новой вирусной инфекции COVID-19, что привело к нарушению функционирования глобальной экономики и общественной жизни во всем мире. Несмотря на имевшие место, в том числе в XXI в., многочисленные глобальные и региональные потрясения, впервые из-за

¹ Салах Эль Дин Мухаммед Селим — преподаватель-исследователь, управляющий партнер LTD «East Step», Египет.

сложившейся ситуации с *COVID-19*, в мировой экономике, особенно в туризме, наступил беспрецедентный кризис.

По оценкам Всемирной туристической организации (*UNWTO*), международный поток туристов снизился количественно в 2020 г. на 58–78% по сравнению с 2019 г. Соответственно, доход от туризма по миру сократится на 600–900 млрд долл. США. Эти оценки следует интерпретировать с осторожностью и с учетом масштабов, неустойчивости и беспрецедентного характера этого кризиса (*UNWTO*, 2020). Масштаб ущерба, нанесенный мировой экономике в целом, а также экономике отдельных регионов и стран, окончательно оценить в данный момент крайне сложно из-за беспрецедентного и быстро развивающегося кризиса.

Если сравнить масштаб наступившего кризиса в мировом туризме с ущербом, нанесенным в 2003 г. *SARS*, то можно отметить, что в 2003 г. темп роста международных прибытий туристов снизился всего на 0,4%. А во время 2009 г., когда глобальный экономический кризис был в разгаре, наблюдалось его снижение на 4%. В нынешней ситуации, по оптимистическим прогнозам, мир потеряет более 60% от общего потока туристов, это значит, что отрасли понадобится 5 лет для восстановления мирового потока туризма (*UNWTO*, 2020). А если проанализировать ситуацию в целом, исходя из того, что индустрия туризма состоит из многочисленных секторов экономики (транспорт, гостиничный сектор, рестораны, торговля, развлечения и т. д.), то последствия кризиса окажутся катастрофическими как для мировой экономики, так и для большинства туристических стран.

Одной из основных проблем стало прекращение туристических поездок. Международные, региональные и местные ограничения сократили, а позже и прекратили международные и внутренние поездки, а также негативно повлияли на такие сегменты и рынки, как воздушный, водный и наземный транспорт, производство сувениров, концерты, фестивали, симпозиумы или спортивные мероприятия. Все это было остановлено.

В данной статье мы анализируем меры, предпринимаемые Египтом для восстановления туристического сектора.

Методы и методология

В статье нами использовались первичные статистические данные, отражающие как мировые, так и национальные социально-экономические процессы и ситуацию в туристической отрасли. Мы применяли логический и абстрактный анализ, а также целый спектр общих и специфических методов экономического исследования, таких как индукция, дедукция, сравнительный анализ, синтез, единство логического и исторического подходов, научную абстракцию и принципы формализации. Мы исследуем экономические эффекты *COVID-19* в туристической отрасли. В частности, проведен сравнительный анализ мер и процедур по преодолению кризиса в ряде стран, таких как Турция, Малайзия, Китай, Россия и др. Нами также использованы системный и междисциплинарный подходы.

В качестве информационных ресурсов мы использовали различные отчеты, статистику *UNWTO* и *WTTC*, а также официальные данные о кризисе Министерства туризма Египта, Статистического управления Египта и др. Нами проведен анализ статей и других научных источников, относящихся к рассматриваемой теме.

Мировой опыт, как и в целом проблемы и достижения глобальной туристической отрасли, исследуются во многих трудах — в России, Египте и третьих странах. Авторы анализируют такие аспекты, как роль туризма в обеспечении экономической стабильности как на государственном, так и на мировом уровне (Cherkasov et al., 2017; Krasnokutskiy et al., 2016), развитие туризма в различных странах и в разных условиях (Коновалова и др., 2020), роль государственной политики и регулирования туристического сектора (Авилова и др., 2019; Шариков и др., 2019). Также исследуются проблемы, связанные с влиянием на туризм кризисов (Seyondcott, Laws, 2006) и терроризма (Arana, Leon, 2008). Более того, вопросы, связанные с управлением кризисной ситуацией и последствиями от различных кризисов в туристическом секторе и национальной экономике в условиях COVID-19, уже нашли отражение в ряде работ (Abu Bakar, Rosbi, 2020; Hoque et al., 2020; Фролова, 2019). В целом, академический интерес к взаимосвязи между туризмом и пандемиями можно считать традиционным (см., например: Al-Tawfiq et al., 2014), учитывая, что с момента возникновения туризма вспышки болезней возникали много раз.

Результаты

Как и многие туристические страны, Египет серьезно пострадал от нынешней пандемии. Дело в том, что на сегодняшний день международный туризм имеет особое значение в экономике Египта, оставаясь источником валютных поступлений и катализатором улучшения состояния внешнеторгового баланса. Туризм составляет 11,9% национального ВВП, поэтому на современном этапе Египту, как стране с развивающейся экономикой, важно уделять особое внимание сфере международного туризма, способного повысить уровень социального развития, обеспечить создание новых рабочих мест, финансовые поступления и др. Занятость в туристическом секторе составляет 2,5 млн человек, т. е. 9,5% всего занятого населения. Туризм также может послужить импульсом к развитию многочисленных отраслей, прямо или косвенно связанных с оказанием туристических услуг, формируя 27% от общего объема экспорта и, таким образом, обеспечивая устойчивые темпы экономического роста.

Таким образом, международный туризм выступает важным фактором экономического роста и обеспечения занятости населения Египта.

Поскольку Египет более или менее успешно пережил международный финансовый кризис в 2008 г., «цветные» революции, «арабскую весну» и политическую нестабильность в 2011–2013 гг., кризис, связанный с терактом на борту российского самолета в 2015 г., то египетский туристический сектор уже наработал значительный опыт по быстрому восстановлению отрасли путем увеличения объема внутреннего туризма и мер для возвращения иностранных туристов. Этот опыт может быть полезен как для Египта, так и для других стран в процессе преодоления нынешнего туристического кризиса.

Пандемия и изменения в мировом туризме

Оценка позиций любой страны на мировом рынке туристических услуг, в том числе Арабской Республики Египет, базируется на анализе основных количественных показателей его развития, в основе которых лежат статистические данные, экономические показатели эффективности и др. Статистика международного туризма включает 2 основных раздела:

статистика туристических потоков и статистика доходов от туризма. Важнейшие показатели туристических потоков — количество прибытий (выбытий) и продолжительность пребывания туристов в стране (количество ночей).

Прежде всего, проведем статистический анализ основных тенденций в динамике международных туристических прибытий за последние 40 лет (рис. 1).

Рис. 1. Международные прибытия туристов по регионам мира в 1980–2020 гг. (млн чел.).

Источник: составлено автором по данным UNWTO.

Как видно из анализа представленных данных, весь период можно разделить на 3 этапа: 1980–2003 гг.; 2003–2019 гг. и, наконец, 2019–2020 гг. Последний период, несмотря на краткосрочность, несет в себе ярко выраженные негативные характеристики. Собственно, каждый из этапов имел свои характеристики — как в части количества прибытий, так и доходов отрасли туризма, включая и некоторую нестабильность на 2-м этапе.

Первый этап (1980–2003 гг.) характеризовался резким ростом прибытий и доходов отрасли, несмотря на экономический кризис 1998–1999 гг.

На 2-м этапе (2003–2019 гг.) динамика стала более плавной, темп роста отрасли в целом снизился, в том числе имел место ряд спадов — в 2003, 2008, 2012 и в 2015–2016 гг. (см. рис. 1).

В 2003 г. из-за пандемии вируса SARS темпы роста международных прибытий показали отрицательную динамику, а международные прибытия снизились на 3 млн туристов (Al-Tawfiq et al., 2014).

Мировой экономический кризис в 2008 г. имел более глобальный характер. Он коснулся не только определенного региона, но и большинства континентов и стран мира, особенно экономически развитых, которые считаются основными источниками туристов.

Ситуация с эпидемией *MERC. Cov.* (2012 г.) на Ближнем Востоке значительно повлияла на туристический сектор в Саудовской Аравии, так как распространение вируса произошло во время паломничества (аль-хадж) (Al-Tawfiq et al., 2014).

Эпидемия эболы в 2014–2015 гг. оказала серьезное воздействие на экономику многих стран Африки, особенно Западной, где, в частности, пострадал туристический сектор. Конкурентоспособность туристической индустрии Африки существенно снизилась, и регион

показал самый низкий процент роста международного туризма (Kongoley-Mih, 2015). В связи с этим туристическая конкурентоспособность региона снизилась, и континент стал получать меньше 10% от мирового числа туристов. С другой стороны, опыт борьбы с эпидемией в Западной Африке, несмотря на его негативное влияние на туристический сектор, остается ценным опытом и может быть использован в современной ситуации.

Как видим из анализа представленных статистических данных (табл. 1.), в исследуемом периоде имел место устойчивый рост спроса на рынке туристических услуг как по миру в целом, так и по регионам (за исключением Ближневосточного региона в 2016 г.). Этот рост был достаточно высоким, и количество прибытий в мире за исследуемый период возросло более чем на 30%.

Таблица 1.

Динамика прибытий туристов по регионам мира в 2010–2020 гг., млн человек

Регион	2010	2012	2014	2016	2018	2019	2020/S1	2020/S2	2020/S3
Мир в целом	949	1035	1134	1240	1400	1500	630	450	330
Европа	486	534	580	616	713	741	311,22	222,3	163,02
АТР	205	234	264	308	343	360	151,2	108	79,2
Америка	150,4	163,1	181,7	192,7	217	221	92,82	66,3	48,62
Африка	50,4	52,4	54,9	57,8	67	69,7	29,274	20,91	15,334
Ближний Восток	54,7	54,2	52,4	53,6	64	69,2	29,064	20,76	15,224

Источник: составлено автором по данным UNWTO.

Этот рост можно объяснить такими факторами, как: благоприятная экономическая среда, высокий спрос основных составляющих рынка, восстановление ключевых направлений, пострадавших от кризисов, улучшенные коммуникации на мировом рынке туристических услуг, упрощения визового режима.

Ближний Восток продемонстрировал минимальные показатели прибытий за исследуемый период (до 2018 г.). Объясняется это тем, что в 2011 г., во время «Арабской весны», произошло значительное падение числа прибытия туристов в ближневосточном регионе с последующим ростом в 2014 и 2015 гг. Однако до настоящего времени (с учетом падения показателей в 2016 г. из-за военного конфликта в Сирии, начавшего в 2011 г., и падения российского самолета над Синайским полуостровом в 2015 г.) показатель 2010 г. — 54,7 млн прибытий — был преодолен только в 2017 г. и составили 58 млн человек. В регионе в 2018–2019 гг. был зафиксирован рост (8%) из-за увеличения прибытия туристов в Тунис и в Египет.

Начиная с 2011 г. видим серьезный кризис в Арабском регионе. Динамика роста туристов на Ближнем Востоке и Северной Африке была отрицательной в 2011–2012 гг. «Арабская весна» охватила многие страны, в том числе Египет, Сирию, Тунис, Ливию, а также монархии Иордании и Марокко, которые в основном оставались более политически стабильными (Ali et al., 2012).

В 2020 г. путешествия и туризм относятся к числу наиболее пострадавших секторов: самолеты остаются на земле, гостиницы закрыты, а ограничения на поездки введены практически во всех странах мира. Как следствие, резко сократилось количество прибытий туристов и доходы отрасли. Как видно из табл. 1, кризис, вызванный COVID-19, не имеет

аналогов в истории туризма. По прогнозам *UNWTO*, потери международного туризма могут превысить 1 трлн долларов. Страх и паника от угрозы нового вируса захватили весь мир. Многие страны в начале пандемии прекратили свои торговые отношения и авиасообщения с Китаем. В 161 стране мира начали принимать различные меры для остановки распространения заражения вирусом. Большинство стран мира, начиная с марта 2020 г., приняли решение закрыть свои границы для иностранных граждан, другие страны просто закрыли всю индустрию туризма (гостиницы, авиасообщения, места досуга, рестораны и т. д.). На основных туристических направлениях — таких как Италия, Испания, Франция, Греция, Турция, — летний туристический сезон провален.

Согласно отчету *UNWTO* о *COVID-19*, ограничения по состоянию на 20 апреля 2020 г. касались 100% всех мировых направлений. При этом 97 пунктов назначения (45%) полностью или частично закрыли свои границы для туристов, 65 пунктов назначения (30%) приостановили полностью или частично международные рейсы. А 39 пунктов назначения (18%) осуществляют закрытие границ более дифференцированным способом, запретив въезд для пассажиров из конкретных стран (*UNWTO*, 2020).

По мнению *UNWTO*, прибытия международного туризма в 2020 г. могут развиваться по 3-м сценариям, рассчитанным исходя из показателей 1-го квартала.

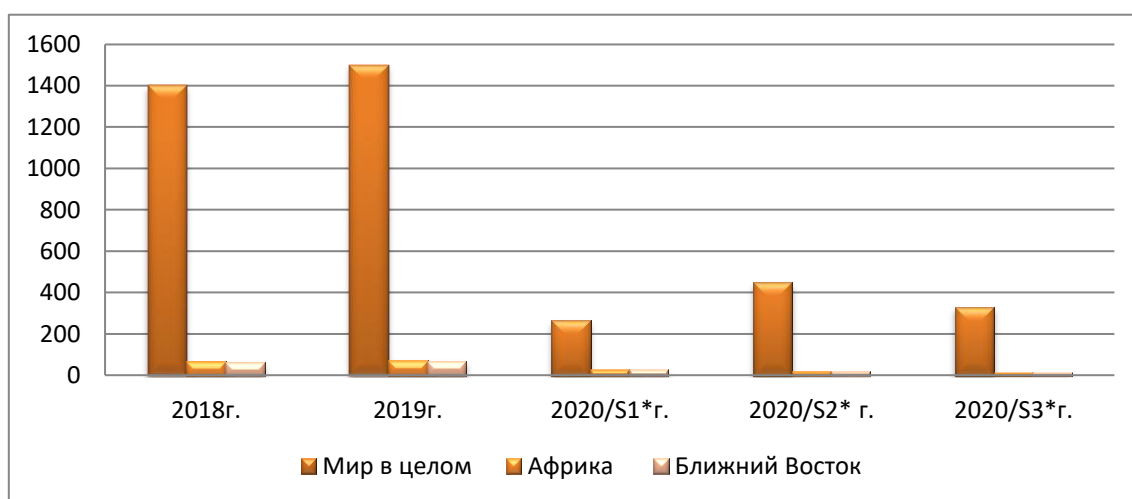

Рис. 2. Динамика прибытия и различные сценарии прибытия туристов по миру и некоторым регионам 2018–2020 гг.

Источник: составлено автором по данным *UNWTO*.

По мнению экспертов (*UNWTO*, 2020), развитие событий будет иметь 3 различных сценария, которые зависят от ситуации, связанной с распространением вируса в мире и в отдельных странах, а также процедуры снятия карантина и ограничения в некоторых странах:

1. Международный туризм активизируется, некоторые страны снимут ограничения на международный туризм в июле 2020 г., в этом случае международный туризм потеряет 58% от своих ежегодных прибытий;
2. Международный туризм активизируется и ограничения частично будут сняты в сентябре 2020 г., в этом случае международный туризм потеряет 70% от своих ежегодных прибытий;
3. Международный туризм активизируется и ограничения будут сняты частично в декабре 2020 г., в этом случае международный туризм потеряет 78% от своих ежегодных

прибытий.

Имеющиеся данные указывают на двузначное уменьшение числа международных туристов, прибывших в 1-м квартале 2020 г., причем число прибытий в марте сократилось на 57% (после начала широко распространившихся ограничений на поездки, закрытия аэропортов и национальных границ).

Прибытия туристов в мире в среднем снизились на 22%, но этот показатель дифференцирован по регионам. В частности, снижение в АТР составило 35%, в Европе — 19%, в Америке — 12%, на Ближнем Востоке — 11%. Данные показатели вполне объясняемы, поскольку эпидемия началась в январе 2020 г. в Азии, и многие страны приняли меры по прекращению авиационной связи и потока туризма именно из этого региона. Наоборот, в Ближневосточном регионе, особенно в Египте, пандемия оставалась на низком уровне в это время, а вспышка произошла в конце марта и в начале апреля 2020 г. Страны Ближнего Востока продолжали международные авиаперелеты и принимали туристов до конца марта 2020 г.

Египет закрыл свои границы только 24 март 2020 г. Но авиаперелеты продолжались до начала апреля, поэтому показатели в этом квартале были в пользу Африки и Ближневосточного региона. Азиатский регион, особенно Китай, постепенно улучшал эпидемиологическую ситуацию, в отличие от Западной Европы, поэтому во 2-м квартале, по оценкам, этот регион имел самое большое снижение по количеству прибытия туристов, и из-за пандемии и принятых мер предосторожности в большинстве стран Европы состояние туристической индустрии оказалось на грани коллапса. В России, после серьезного подъема в связи с чемпионатом мира в 2018 г., ситуация складывается неблагоприятно, что ощущается всеми игроками рынка (Shersheva, 2020).

Международный туризм Египта и различные кризисы

Египет принадлежит к тем странам Северной Африки, где туризм развивался быстрыми темпами и туристическая индустрия превратилась в одну из ведущих областей национального хозяйства, соответственно, и с ее развитием были тесно связаны и связываются до сих пор планы подъема экономики (Интервью, 2019).

Туристический рынок Египта отличается своим разнообразием по количеству прибытий из регионов мира. Но лидерство Европы однозначно — более 50% туристов ежегодно прибывает в Египет из этого региона. В страновом разрезе традиционно (с 2000 г.) по количеству туристов лидировала Россия, но в связи с падением самолета над Синаем в 2015 г. поток туристов из России сократился, и сегодня лидируют Германия с 13% рынка прибытий, Украина (9%), Великобритания (7%) (Central Agency for Public Mobilization of Egypt). Региональный туризм играет важную роль в формировании туристического потока страны занимая 2-е место с 22% туристов. Разнообразие египетского турпродукта дает стране конкурентное преимущество, поскольку в Египте можно получить любой вид туристических услуг — культурный туризм, пляжный, рекреационный, религиозный и т. д. Туристы в Египте в основном оставляют около 90 долл. за сутки пребывания в стране. Соответственно, международная туристическая деятельность обеспечивает значительные, денежные потоки в экономику страны и остается главным источником валютных поступлений.

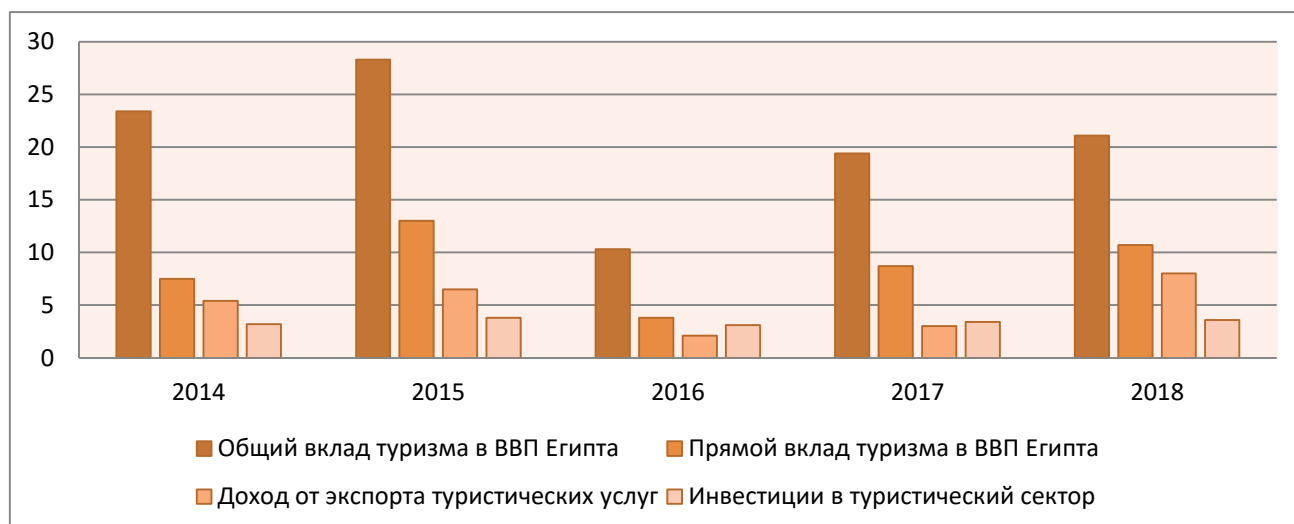

Рис. 3. Экономические показатели развития международного туризма Египта.

Источник: составлено автором по отчетам UNWTO за 2014–2019 гг.

Как уже отмечалось выше, туризм традиционно формирует в Египте порядка 11,9% ВВП, это составило приблизительно 12,6 млрд долл. в 2019 г. Туризм считается одним из главных источников дохода страны и основным источником иностранной валюты. Эффективная деятельность данного сектора способствовала развитию национального хозяйства, в том числе ряда смежных отраслей, созданию новых рабочих мест. Одним словом, туризм оказывает значительное влияние на состояние национальной экономики и социальной сферы — как прямое, так и косвенное.

Прямой вклад международной туристической деятельности в ВВП Египта в первую очередь отражает экономическую деятельность таких предприятий, как гостиницы, туристические агенты, авиакомпании и другие пассажирские перевозки (за исключением пригородных перевозок), но также включает, например, деятельность ресторанов и индустрии досуга, которую непосредственно поддерживают туристы. Непрямой и индуцированный вклад международной туристической деятельности в ВВП Египта еще выше.

Однако в 2011 г. из-за политической нестабильности на Ближнем Востоке (Шкваря, Елисеев, 2011), да и в самом Египте, страна стала терять туристов. В 2015–2016 гг. в Египте было зафиксировано выраженное падение международных туристических потоков. В глобальном рейтинге Египет занимал только 7-е место в 2016 г. (в 2010 г. — 3-е место, в 2014 г. — 4-е место в рассматриваемой группе стран), его опережали, кроме Турции и Греции, Саудовская Аравия, ОАЭ, Марокко и Тунис.

Прямые потери туристического сектора Египта в результате всех внутренних и международных (региональных) потрясений за 2011–2016 гг. оцениваются в более чем 6 млрд долл. (UNWTO, 2017). В результате доходы, получаемые экономикой страны, также имели тенденцию к сокращению (рис. 4).

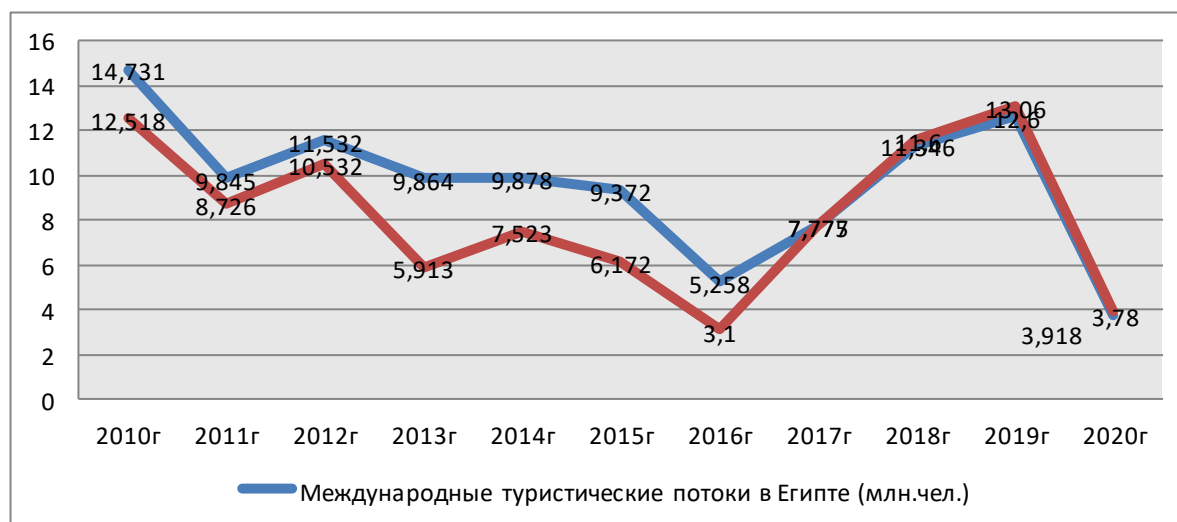

Рис. 4. Динамика международных туристических прибытий (млн человек) и доходов отрасли (млрд долл.) в Египте в 2010–2020 гг.

Источник: составлено автором по данным UNWTO.

В итоге в 2017 г. Египет занял скромную 74-ю позицию из 136 стран по конкурентоспособности туризма (Travel and Tourism Competitiveness Report, 2017), данное исследование проводится Всемирным экономическим форумом (*World Economic Forum, WEF*) При этом наиболее низкий уровень демонстрируют показатели благоприятных условий (96-е место), безопасность (136-е место) и инфраструктура (86-е место). В целом, данные показатели объясняют причину отказа зарубежных туристов от посещения Арабской Республики Египет. Ведь очень часто на дорогах Египта происходят автомобильные аварии, из-за которых погибают туристы, и поэтому Египет имеет очень низкую оценку по наземным транспортным услугам. В связи с этим увеличивается количество сотрудников дорожной полиции, чтобы обеспечивать безопасность туристов, растет численность туристической полиции, количество гидов, имеющих лицензию на свою деятельность, а также ужесточается юридическая ответственность туристических и обслуживающих туристов предприятий для того, чтобы лучше защищать права туристов.

Туризм в Египте находится в системном кризисе, начиная с 2011 г., что отражается на экономике страны. Впервые за много лет главным источником валюты в стране стал экспорт товаров, потеснив туристический экспорт и переводы египетских трудовых эмигрантов.

Как видно из анализа представленных данных (рис. 4), доходы от международных туристических прибытий в Египте за 2010–2019 гг. имеют тенденцию к снижению (за исключением 2019 г.), что обусловлено нестабильной политической ситуацией в стране в результате революций в 2011 г. и 2013 гг. и террористическим актом в 2015 г.

Поскольку причины падения деятельности туристического сектора в Египте исключительно либо внешние, либо политические, и никак не связаны с ухудшением качества отечественного турпродукта, то, согласно прогнозам, в 2027 г. число международных туристических прибытий в Египет составит 12 487 тыс., увеличив показатели отрасли до 13 млрд долл., т. е. на 10% (UNWTO).

Таким образом, наш анализ показал, что в течение последних 10 лет, начиная с 2010 г., международный туризм Египта пережил многочисленные кризисы, результат которых представлен в табл. 2.

Таблица 2.

Кризисы египетской туристической отрасли в 2010–2020 гг. и их влияние на отрасль

Год	Кризис	Кол-во туристов	Доход туристической отрасли
2010–2011	Революция 2011 г.	–13,3%	–8,6%
2013–2014	Революция 2013 г.	–8,2%	–11%
2015–2016	Теракт на борту российского самолета 2015 г.	–34,8%	–48%
2019–2020	COVID-19 2020 г.	–32,6%	–48,9%

Источник: составлено автором по материалам UNWTO, WTTC.

Важной проблемой для туристической отрасли Египта остается сокращение прибытий в Египет российских туристов. Сложившаяся достаточно сложная ситуация в экономике как Египта, так и России (2014–2016 гг.) (Шкваря, 2017), основными признаками которой служат низкий экономический рост, девальвация национальных валют, снижение покупательной способности населения, оказали негативное влияние на туристическую сферу обеих стран. Сокращение российского турпотока из-за резкого падения спроса на выездные туры на фоне неблагоприятной конъюнктуры египетского фунта относительно американской валюты самым негативным образом сказывается на состоянии туристической отрасли, несмотря на то, что Египет смог войти на туристический рынок Сербии. Нынешняя пандемия имеет еще более негативные последствия для отрасли.

Меры Египта для смягчения негативного влияния COVID-19 на туристический сектор

Очевидно, что Египетское государство должно предпринимать больше усилий для развития туристической отрасли страны. Более того, можно утверждать, что Египет в настоящее время не полностью использует свой большой туристический и природный потенциал солнца, моря и культурного наследия для привлечения потребителей из Великобритании, России, Германии, стран Бенилюкса, Скандинавии, Китая и др. Проведенный нами трендовый анализ показывает, что количество прибытий и доходы от туризма в Египте могут увеличиться.

Для этого в Египте уже принят ряд организационных и структурных мер, которые призваны содействовать этому увеличению.

Прежде всего, Министерство туризма Египта в координации с Египетской федерацией туристических комитетов (Палата туристических компаний, Гостиничная палата и Палата туристических учреждений), а также в координации с Министерством здравоохранения и населенных пунктов Египта, разработали в 2020 г. комплексный план безопасной туристической деятельности на основе реализации мер предосторожности, профилактики и оздоровления для подготовки к возобновлению работы туристической отрасли (Regulation for the resumption of tourism to Egypt, 2020).

Следующий шаг, в свете продолжающегося кризиса COVID-19 до вакцинации от этой болезни и возвращения туризма в норму, — обеспечение безопасной туристической деятельности туристических учреждений, желающих возобновить работу, включая применение следующих необходимых и запланированных профилактических мер и процедур:

- профилактические и оздоровительные мероприятия для туристических и гостиничных заведений;
- гостиничные профилактические и оздоровительные мероприятия при приеме туристов;
- профилактические и гигиенические меры для служб внутреннего и внешнего надзора за гостиницами;
- профилактические и гигиенические мероприятия для общепита отелей;
- профилактические и оздоровительные мероприятия для бассейнов и пляжей в отелях;
- профилактика и оздоровительные мероприятия для спортивных залов в гостиницах;
- профилактические и гигиенические меры по доставке еды и напитков в туристические рестораны;
- обучение всех работников профилактическим мерам и правилам здоровья, необходимым для защиты себя и других.

Наконец, Египет принял следующие конкретные меры в различных сферах.

Первое: финансовая и организационная политика

- Правительство предоставило новые визовые программы с многократным въездом сроком на 5 лет, (до 90 дней). Получать въездные визы для своих граждан теперь могут 76 стран мира.
- Снижение налога на недвижимость в гостиничных и туристических учреждениях сроком на 6 месяцев.
- Отсрочка уплаты всех туристических и гостиничных сборов на 3 месяца без штрафов и других финансовых санкций.
- Освобождение всех предприятий торговли и общественного питания в местах археологических раскопок от уплаты арендной платы.
- Реструктуризация и отсрочка платежей за коммунальные услуги (электричество, воду и газ) для туристических предприятий и частных авиакомпаний на 6 месяцев; платежи начинаются с октября 2020 г.

Второе: денежно-кредитная политика

- Разработка программы стимулов, предоставляемых авиакомпаниям, работающим на туристических направлениях, до октября 2020 г. для повышения конкурентоспособности и продвижения туризма.
- Президент поручил Центральному Банку Египта предложить туристическим учреждениям денежные средства под низкие процентные ставки, особенно для выплаты заработной платы работникам. Центральный Банк Египта выступил с инициативой финансирования отрасли в сумме 50 млрд фунтов египетских стерлингов для поддержки туризма, снизив при этом процентную ставку с 10% до 8%, и часть этих средств уже используется на выплату заработной платы и операционные расходы. В рамках этой инициативы банки могут предоставлять отрасли кредиты с максимальным сроком погашения (2 года) в дополнение к 6-месячному льготному периоду, начиная с даты предоставления.

Третье: занятость и навыки

Министерство туризма и древностей и Египетская федерация туристических палат выпустили директивы для всех работников туристической индустрии, где разъясняются меры предосторожности, которые необходимо соблюдать, и меры самозащиты. А Египетская

гостиничная палата провела тренинг для сотрудников по повышению осведомленности в случае чрезвычайной ситуации в дополнение к обучению профилактическим мерам, направленным на повышение готовности сектора противостоять пандемическим угрозам. Это было сделано в соответствии с рекомендациями Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и международных консалтинговых фирм, таких как *Preverisk* и *CDC*.

Министерство туризма и древностей открыло горячую линию для получения жалоб и запросов от работников сектора туризма.

Четвертое: маркетинговые исследования.

– Внедрение новой инициативы по продвижению поездок в Верхний Египет в летние месяцы (июнь, июль и август) с помощью предоставления скидок на входные билеты на посещение археологических памятников в Кене, Луксоре и Асуане, в дополнение к снижению визовых сборов по прибытию в аэропорты Луксора и Асуана.

– Министерство туризма и древностей запустило онлайн-кампанию на своих веб-сайтах и в социальных сетях под названием «Познакомьтесь с Египтом из дома», где каждый день в 8 вечера предоставляет виртуальные туры и экскурсии по некоторым музеям и археологическим объектам в Египте и делится этими чудесами с людьми, которые остаются дома.

Пятое: государственно-частное партнерство

Приоритетом остается обеспечение здоровья, безопасности и охраны всех туристов, а также сотрудников, работающих в сфере туризма. В этой связи была создана целевая группа из министерств туризма, древностей, здравоохранения, народонаселения, гражданской авиации и Федерации туризма Египта со всеми соответствующими государственными органами, чтобы обеспечить эффективные и унифицированные коммуникации и рекомендации, касающиеся индустрии туризма, с инструкциями; немедленно сообщать властям о любом подозреваемом случае нарушения требований.

Шестое: меры по ограничению движения воздушного транспорта

Египет приостановил свои международные рейсы в и из Египта с 19 марта 2020 г. во всех аэропортах по всей стране до дальнейшего уведомления.

Указы президента также включают рекомендации по использованию времени простоя воздушного транспорта для модернизации инфраструктуры туристических объектов, чтобы быть готовыми к приему египтян и иностранных туристов, как только ситуация это позволит.

Возвращение туризма должно проходить в несколько этапов:

Первый этап: возвращение внутреннего туризма с учетом требований охраны здоровья и безопасности в начале июня.

Второй этап: увеличение количества внутреннего туризма к середине июля 2020 г.

Третий этап: возвращение внутреннего туризма в полном объеме и увеличение количества регионального туризма, и начало возвращения международного туризма в сентябре.

Выводы

Таким образом, Египет был одной из первых стран мира, где государство приступило к разработке и реализации комплексной программы восстановления туризма на основе защиты здоровья и безопасности туристов.

Египет стремится с помощью этих мер поддержать ведущую отрасль своей экономики и минимизировать ее убытки по объемам и времени. В полной ли мере это удалось Египту, в настоящее время точно оценить сложно. Но продолжающаяся благоприятная ситуация в эпидемиологической сфере Египта уже содействовала возвращению внутреннего туризма

Эти меры позволяют стране активизировать деятельность туристического сектора и могут быть адаптированы и применены и в других туристических странах мира.

Список литературы

1. Авилова Н. Л., Косарева Н. В., Адашова Т. А. (2019) Формирование системы стратегического регулирования индустрии туризма и гостеприимства // Экономика и предпринимательство. № 6 (107). С. 707–710. [Avilova N. L., Kosareva N. V., Adashova T. A. (2019) Formation of a system of strategic regulation of the tourism and hospitality industry // Economy and entrepreneurship, No. 6 (107), pp. 707–710. (In Russian).]
2. Интервью с Его Превосходительством Господином Ихабом Ахмедом Талаатом Насром, Послом Арабской Республики Египет в Российской Федерации // Россия и Азия. 2019. № 1(6). С. 5–8. [Interview with the His Excellency Mr. Ihab Ahmed Talaat Nasr, Ambassador of Arabian Republic Egypt to the Russian Federation // Russia and Asia, 2019, No. 1(6), pp. 5–8. (In Russian).]
3. Коновалова Е. Е., Юдина Е. В., Масленникова Е. Г., Лысиков А. Ю., Адашова Т. А. (2020) Современное состояние и перспективы развития туризма в России // Экономика и предпринимательство. № 1 (114). С. 487–490. [Konovalova E. E., Yudina E. V., Maslennikova E. G., Lysikov A. Yu., Adashova T. A. (2020) Current state and prospects of tourism development in Russia // Economics and entrepreneurship, No. 1 (114), pp. 487–490. (In Russian).]
4. Фролова Е. А. (2019) Тенденции и проблемы развития мирового туризма // Вестник университета. № 3. С. 61–65. [Frolova E. A. (2019) Trends and problems of world tourism development // Bulletin of the University, No. 3, pp. 61–65. (In Russian).]
5. Шариков В. И., Беломестнова М. Е., Адашова Т. А. (2019) Совершенствование государственного регулирования индустрии туризма и гостеприимства // Экономика и предпринимательство. № 3 (104). С. 953–956. [Sharikov V. I., belomestnova M. E., Adashova T. A. (2019) Improvement of state regulation of the tourism and hospitality industry // Economics and entrepreneurship, No. 3 (104), pp. 953–956. (In Russian).]
6. Шкваря Л. В. (2017) Российско-европейские санкции и их влияние на региональные и глобальные экономические процессы // Экономика и предпринимательство. № 7 (84). С. 349–353. [Shkvarya L. V. (2017) Russian-European sanctions and their impact on regional and global economic processes // Economics and entrepreneurship, No. 7 (84), pp. 349–353. (In Russian).]
7. Шкваря Л. В., Елисеев Н. Н. (2011) Бахрейнский излом. Финансовую гавань заштормило // Азия и Африка сегодня. № 11 (652). С. 25–30. [Shkvarya L. V., Eliseev N. N. (2011) Bahraini fracture. Financial Harbor is blocked // Asia and Africa today, No. 11 (652), pp. 25–30. (In Russian).]
8. Abu Bakar N. A., Rosbi S. (2020) Effect of Coronavirus disease (COVID-19) to tourism industry // International Journal of Advanced Engineering Research and Science, Vol. 7, Is. 4.
9. Al-Tawfiqef J. A., Zumlaad A., Memis Z. A. (2014) Travel implications of emerging

coronaviruses: SARS and MERS-CoV // Travel Medicine and Infectious Disease. Vol. 12. Is. 5. Pp.422–428. <https://doi.org/10.1016/j.tmaid.2014.06.007>

10. Ali A., Arifin Z., Hasi M. (2012) The Challenges of Tourism in the Countries of the Arab Spring Revolutions // Advances in Natural and Applied Sciences, Vol.6, Is. 7, pp. 1162–1171.

11. Arana J. E., Leon C. J. (2008) The impact of terrorism on tourism demand // Annals of Tourism Research, Vol. 35, Is. 2, pp. 299–315.

12. Central Agency for Public Mobilization of Egypt. URL: <https://knoema.ru/atlas/sources/CAPMAS>

13. Cherkasov I. L., Seredina M. I., Mishurova O. I., Adashova T. A., Lebedeva O. Ye. (2017) The effect of international tourism on the development of global social-economic processes // Journal of Environmental Management and Tourism, Vol. 8, No. 6 (22), pp. 1166–1170.

14. Hoque A., Shikha F. A., Hasanat M. W., Arif I., Hamid A. B. A. (2020) The Effect of Coronavirus (COVID-19) in the Tourism Industry in China // Asian Journal of Multidisciplinary Studies, Vol. 3, Is. 1, pp. 52–58.

15. Kongoley-Mih P. S. (2015) The Impact of Ebola on the Tourism and Hospitality Industry in Sierra Leone // International Journal of Scientific and Research Publications, Vol. 5, Is. 12, pp. 542–550.

16. Krasnokutskiy P. A., Kulchittskij A. V., Perova T. V., Bystrova N. V., Khizhnaya A. V. (2016) The Main Trends and Prospects of Development of International Tourism // International Journal of Economics and Financial Issues, Vol. 6, Is. S8, pp.257–262.

17. Regulation for the resumption of tourism to Egypt (2020). URL: <http://egypt.travel/media/2385/regulations-for-the-resumption-of-tourism-to-egypt-arabic.pdf>

18. Seyondcott N., Laws E. (2006) Tourism crisis and disasters: Enhancing understanding of system effects // Journal of Travel and Tourism Marketing, Vol. 19, Is. 2–3, pp. 149–158.

19. Shersheva M. (2020) Coronavirus and tourism // Journal Population and Economics, Vol. 4, Is. 2, pp. 72–78.

20. Travel and Tourism Competitiveness Report (2017). URL: <https://reports.weforum.org/travel-and-tourism-competitiveness-report-2017/>

21. UNWTO. URL: www.unwto.org/

22. World Travel & Tourism Council (WTTC). URL: <https://wtcc.org/>

Measures of Egypt to mitigate the negative economic repercussions on the tourism sector in the context of global instability

Mohammed Selim Salah El Din

research teacher, managing partner of East Step LTD, Egypt.

For the first time since the end of world war II, all countries, sectors of the economy, companies and individuals are simultaneously under the overall influence of COVID-19. The international tourism industry, however, was most seriously affected by the crisis due to the nature of this sector. For the first time in decades, global tourism growth was negative: the world's tourist flow in 2020, according to the most optimistic forecasts, decreased by 58% compared to 2019. This

also applies to the industry's revenue. The current situation is unprecedented, whether at the global level, at the regional level, or at the country level. All countries are looking for short-term or long-term solutions to minimize the negative impact of this pandemic.

In this article, we analyze the various measures that countries are taking to prevent the destruction of the tourism industry. These are financial, economic, or medical measures, and so on. Egypt is chosen as the main example of the analysis as a country that intends to save its tourism industry from complete collapse with the help of measures developed and already implemented. The Egyptian experience can be useful for other tourist countries.

Keywords: *international tourism, international economy, Egyptian tourism, crisis management procedures, COVID-19, tourism incentives.*

JEL codes: *E30, F01, F63.*

Соглашения ЕАЭС о свободной торговле с третьими странами: смысл для России

*Шеров-Игнатъев Владимир Генрихович*¹

Статья подготовлена при поддержке РФФИ и Академии общественных наук Китая в рамках научного проекта № 19-51-93009.

Двусторонние соглашения о свободной торговле (ССТ) сохраняют свою популярность и множатся, несмотря на зигзаги торговой политики США и ряда других государств. Евразийский экономический союз (ЕАЭС) позже других экономик приступил к построению своей системы ССТ. Цель данной статьи — выявить мотивы заключения соглашений о свободной торговле, причины выбора партнеров и ожидаемые результаты двусторонней торговой либерализации для России. Выводы основаны на сравнительном анализе состава и текстов соглашений, а также учитывают результаты расчетов с использованием статистики торговли. Автор обосновывает точку зрения, что асимметрия ЕАЭС во многом определяет асимметрию как мотивов, так и экономических эффектов заключенных ССТ.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Россия, соглашения о свободной торговле, экономические и политические мотивы.

JEL коды: F02, F14, F15.

Введение

Двусторонние торговые соглашения продолжают распространяться по всему миру, несмотря на некоторое замедление этого процесса. Во многих случаях такие соглашения о свободной торговле (ССТ) заключаются между отдельной страной, с одной стороны, и группой стран с другой. Евразийский экономический союз (ЕАЭС), являясь таможенным союзом, проводит единую торговую политику (или стремится к ее проведению). Общая торговая политика включает в себя, в частности, постепенное наращивание сети двусторонних соглашений о свободной торговле (ССТ). Первым таким соглашением, подписанным от имени Союза в целом, а не отдельных его стран-участниц, стало ССТ с Вьетнамом (2015 г.). В 2018 г. ЕАЭС подписал временное соглашение с Ираном, а в 2019 г. — ССТ с Сингапуром и Сербией (табл. 1). Аналогичные переговоры или предварительные обсуждения ведутся и с некоторыми другими странами. В этом плане ЕАЭС не одинок. За последние десятилетия большинство стран с развитой экономикой и многие страны среднего уровня развития создали свои собственные сети ССТ.

¹ Шеров-Игнатъев Владимир Генрихович — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики СПбГУ (Санкт-Петербург).

Таблица 1.

Соглашения о свободной торговле Евразийского экономического союза

Партнер	Дата подписания	Дата вступления в силу	Тип, по классификации ВТО ²
Вьетнам	29.05.2015	5.10.2016	По товарам и услугам
Иран	17.05.2018	27.10.2019	По товарам
Сингапур	1.10.2019	-*	По товарам
Сербия	25.10.2019	-*	По товарам

*По состоянию на 10.10.2020 ратификация не завершена.

Источник: ЕЭК (2020) и ВТО (2020).

Цель данной статьи — выявление особенностей уже подписанных соглашений о свободной торговле между ЕАЭС и другими странами, обсуждение мотивов выбора партнеров, а также оценка ожидаемых экономических результатов.

Выводы основаны на сравнительном анализе состава и текстов соглашений, а также учитывают результаты расчетов с использованием статистики торговли товарами из базы данных Центра международной торговли (Trademap.org) и включают преобладание политических мотивов для подписания ССТ и их неоднозначные экономические результаты. Асимметрия ЕАЭС во многом определяет асимметрию как мотивов, так и экономических эффектов соглашений о ССТ.

Статья построена следующим образом. Вначале рассматриваются некоторые теории, объясняющие региональную и двустороннюю либерализацию торговли, политические и экономические мотивы стран-участниц. Основные разделы посвящены политическим и экономическим мотивам выбора партнеров по ССТ в случае ЕАЭС, особенностям каждого из 4-х подписанных соглашений и вероятным эффектам либерализации торговли с 4-мя странами-партнерами для России. В заключении представлены авторские выводы.

Асимметричные ССТ: теоретические подходы

ЕАЭС — это асимметричный таможенный союз, в котором доминирует Россия. Двусторонние ССТ, которые ЕАЭС начал заключать с другими государствами, также асимметричны с точки зрения размеров экономик договаривающихся сторон.

Ряд исследователей отмечает, что асимметрия в размерах и/или уровне развития оказывает влияние и на мотивы партнеров. Второстепенный партнер обычно стремится получить экономические выгоды главным образом за счет облегчения доступа к большому рынку. По мнению Тэдона Ли и Бьюнг-Ин Бая, ССТ между малыми развивающимися и крупными развитыми экономиками обеспечивают более высокий рост благосостояния для малых развивающихся экономик. Ожидаемые выгоды для этих стран варьируются от облегчения доступа к более широкому рынку, передачи технологий и навыков до увеличения потенциала для внутренних инвестиций (Taedong Lee, ByoungInn Bai, 2013).

² ВТО – Всемирная торговая организация.

К. Ямамото показывает, что маленькая страна может убедить большую принять предложение о ССТ, заранее предложив дополнительные уступки (Yamamoto, 2014). Можно согласиться с Н. Лимао, который утверждает, что многие РТС Север-Юг формируются по неэкономическим причинам. Преференциальный режим предоставляется, к примеру, в обмен на помощь в продвижении глобальной политической повестки дня (Limão, 2007). Неэкономические причины заключения ССТ включают в себя внутривластные причины, относящиеся к внутренней или внешней политике, и причины, связанные с политикой и психологией одновременно.

Цели основного партнера также могут включать экономическую составляющую. Например, ЕС с начала нового века пытается превратить свои преференциальные экономические соглашения со странами группы АКТ³ в более взаимные, добиваясь лучших условий доступа к рынкам этих бывших европейских колоний. Однако очевидно, что эффект от выхода крупной страны на малый рынок вряд ли сравним с аналогичным эффектом для малого партнера.

Одно из наиболее полных исследований экономических и политических факторов, влияющих на выбор партнеров по ССТ, проведено Дж. Хинцем. Помимо оценок экономических выгод, основанных на модели вычислимого общего равновесия (CGE), этот автор строит специальные индексы политической значимости и политического настроения, основанные на информации из глобальной базы данных событий, языка и тона (GDELT — Global Database of Events, Language and Tone). Его выводы сводятся к следующему. Торговая политика в форме региональных торговых соглашений используется в качестве инструмента внешней политики. Небольшие, но политически значимые страны экономически интегрируются с более крупной страной с большей вероятностью, чем предполагает их экономическая привлекательность. При данных допущениях большие страны могут сочетать экономические выгоды с политическими мотивами интеграции, в то время как малые страны остаются безразличными к мотивам страны-партнера (Hinz, 2017).

Подводя итог, можно сказать, что РТС и, в частности, ССТ, возникают в силу различных комбинаций экономических и политических мотивов. Давайте разберемся, как это работает в случае Евразийского экономического союза.

Политические мотивы выбора партнеров по ССТ ЕАЭС

Все страны ЕАЭС заинтересованы в развитии торгово-политических отношений с другими странами. Однако их приоритеты различны. Для второстепенных членов ЕАЭС отношения с Россией, как правило, имеют большее значение, чем глобальные события и геополитические разногласия. Однако некоторые из них стремятся уравновесить зависимость от России более широкими экономическими и политическими связями. Для России, как преемницы Советского Союза, глобальная повестка дня выглядит более важной; российские лидеры мыслят глобально. Таким образом, обсуждая и объясняя эволюцию ЕАЭС, мы должны, прежде всего, учитывать позицию России.

³ АКТ — Африка, Карибский бассейн, Тихий океан.

Существует очевидное противоречие между геополитической ролью России и ее геоэкономической ролью. В политическом плане РФ остается одной из 2-х ключевых ядерных держав, постоянным членом Совета Безопасности ООН и серьезно воспринимается всеми глобальными политическими игроками. Экономически Россия занимает 5-е место по ВВП (ППС) и 10-е место по номинальному ВВП и воспринимается как крупный экспортер нефти и природного газа, а также региональной энергетики. Это противоречие, вместе с ностальгией по советскому времени, во многом объясняет постоянные усилия РФ по реинтеграции бывших советских республик в некое региональное образование. Однако условия для деятельности по реинтеграции не очень благоприятны. На Западе Европейский Союз (ЕС) обладает сильной экономической и институциональной гравитацией, привлекая некоторые постсоветские страны больше, чем проекты, возглавляемые Россией. На востоке «горячее дыхание» Китая ощутимо в Центральной Азии. Китайское экономическое влияние здесь растет год от года. В этой ситуации Россия пытается укрепить свои экономические и политические связи с лояльными соседями, используя ЕАЭС: Беларусь и Казахстан первыми вступили в Таможенный союз (ТС) с РФ; Армения и Кыргызстан присоединились к ЕАЭС, построенному на базе ТС, в 2015 г.

ТС Беларуси, Казахстана и России (ЕАЭС) стал достаточно успешным проектом — как в исторической перспективе, так и в сравнении со многими другими соглашениями о таможенных союзах. Это первая реально работающая интеграционная инициатива после многочисленных соглашений между постсоветскими странами, которые остались в основном на бумаге. Более того, это 2-й Таможенный союз в современном мире, которому удалось ликвидировать таможенный контроль на внутренних границах (Шеров-Игнатъев, 2013). Тем не менее, даже взятые вместе, 5 стран уступают по масштабам экономики мощным соседям на Западе и Востоке. России и ЕАЭС нужны экономические партнеры, которые могли бы подкрепить и их (России) политические амбиции.

Политические и экономические обстоятельства (ухудшение отношений с западными странами с 2014 г., опережающее развитие стран Восточной и Юго-Восточной Азии) предопределили постепенный поворот российской внешнеэкономической политики на Восток. Поиск надежных партнеров в Азии привел российские власти к идее Большого евразийского партнерства. На политическом уровне термин «Большое Евразийское партнерство» был использован президентом В. В. Путиным во время его выступления на Петербургском международном экономическом форуме в 2016 г. (Путин, 2016).

Поворот на Восток воплощается, в частности, в форме соглашений о свободной торговле, заключенных с отдельными странами азиатского региона. Заключаются также торговые соглашения иного формата: речь, прежде всего, о Соглашении об экономическом партнерстве с Китаем. Оно не предполагает свободной торговли и не является предметом обсуждения в данной статье.

Внутренняя логика интеграционных инициатив также имеет значение. Успешное преобразование Таможенного союза 3-х стран в экономический союз 5-ти стран произошло в 2014–2015 гг., и интеграционная динамика требовала новых инициатив. Таким образом, организация ССТ со странами за пределами бывшего СССР стала первым шагом на новом пути и одновременно новой формой конкуренции с мировыми державами в сфере построения сетей ССТ.

Наряду с общими для всех ССТ факторами, рассмотренными выше, существуют и специфические объяснения выбора каждой страны-партнера.

Чтобы понять выбор Вьетнама в качестве 1-го партнера по ССТ за пределами территории бывшего СССР, необходимо вспомнить 2 факта. Во-первых, Вьетнам десятилетиями имел прочные связи с Россией и ее предшественником — СССР. Тысячи вьетнамских специалистов учились в СССР и знают русский язык, некоторые из них сегодня занимают высокие посты в руководстве своей страны и сохраняют дружеское отношение к России. Старшие поколения в России и российские лидеры также помнят мощную поддержку, которую Советский Союз оказывал социалистическому Вьетнаму во время войны с США (в 1964–1975 гг.).

Второй факт, который помогает объяснить выбор Вьетнама, — это китайская инициатива «Пояс и путь», провозглашенная в 2013 г. в Астане (ныне Нур-Султан), и неизменный интерес Китая к либерализации торговли с ЕАЭС. Российские власти стоят перед дилеммой. С одной стороны, они гордятся особым партнерством с Китаем в политических вопросах и стремятся к его дальнейшему укреплению. С другой стороны, российский бизнес и российская общественность не готовы к либерализации торговли с Китаем. Общее мнение таково, что это может погубить оставшиеся отрасли российской промышленности. Вьетнам очень похож на Китай по типу экономики и экспорта, а также по факторам конкурентоспособности. С этой точки зрения Вьетнам является идеальным местом для изучения переговорного процесса и последствий либерализации торговли.

Как Вьетнам, так и Сингапур, являются членами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). И заключение ССТ с этими 2-мя странами может быть воспринято в контексте усилий Москвы по налаживанию более прочных отношений с этой организацией. Еще одной неэкономической причиной выбора Сингапура мог стать авторитет его бывшего лидера Ли Куан Ю, весьма уважаемого В. В. Путиным за его знаменитую модернизационную модель.

Выбор Ирана в качестве партнера по торговому соглашению явно продиктован, прежде всего, политическим партнерством 2-х стран в регионе Ближнего Востока, да и в глобальном масштабе. Целью торгового соглашения является укрепление экономической основы партнерства. Последнее относится также к Израилю, с которым ведутся переговоры о ССТ. Соглашение с Ираном имеет особое значение для Армении, не имеющей выхода к морю, из-за ее географических и политических проблем с доступом на рынки других партнеров.

Сербия является традиционным партнером России в Юго-Восточной Европе с XIX в., когда Россия помогла Сербии в ее освобождении от Османской Турции. Сербия не присоединилась к экономическим санкциям, введенным против России, и стала значительным поставщиком ряда продовольственных товаров, таких как сыр и особенно яблоки, что вызвало подозрения в реэкспорте яблок из стран, которые были объектом российских контрсанкций. Сербия подписала двусторонние ССТ с Россией (2000), Беларусью (2009) и Казахстаном (2010). ССТ с ЕАЭС, подписанная в 2019 г., заменяет эти 3 соглашения, стандартизируя условия торговых отношений (в основном списки исключений) и распространяя их на Армению и Кыргызскую Республику. Это соглашение имеет важное значение для России как единственное на сегодняшний день ССТ с европейской страной за пределами бывшего СССР. Перспективы Сербии стать членом ЕС в краткосрочной перспективе слабы из-за неурегулированного конфликта с Косово. Тем не менее, Сербия остается страной-кандидатом и может стать «мостом» между Россией / ЕАЭС и ЕС.

Экономические мотивы выбора партнеров по ССТ ЕАЭС

Значение азиатских партнеров ЕАЭС по ССТ в торговле между Россией и другими странами ЕАЭС, конечно, пока невелико. На долю 4-х стран — Вьетнама, Сингапура, Ирана и Сербии — приходится 1,5% российского экспорта и 2,4% импорта. Для ЕАЭС в целом эти показатели еще скромнее: 1,4% экспорта и 2,1% импорта стран Союза. С учетом половинчатой либерализации торговли с Ираном и изъятий из режимов свободной торговли с Вьетнамом, Сербией и Сингапуром снижение пошлин затронет в ближайшие годы (до окончания переходных периодов) менее 2,0% всего российского внешнеторгового оборота (табл. 2).

Таблица 2.

Роль партнеров по ССТ во внешней торговле России / ЕАЭС на 2019 г.*

Страна	Доля экспорта, %		Доля импорта, %	
	РФ	ЕАЭС	РФ	ЕАЭС
Вьетнам	0,27	0,24	1,55	1,28
Сингапур	0,54	0,51	0,24	0,20
Иран	0,28	0,32	0,16	0,25
Сербия	0,36	0,32	0,43	0,35
Всего	1,46	1,4	2,38	2,1

* Учтены только ССТ, заключенные от имени ЕАЭС.

Источник: рассчитано по данным ИТС (2020)

Если рассматривать только не-топливный экспорт России и Казахстана, то доля Ирана и, в течение ряда лет, Вьетнама, в экспорте ЕАЭС будет несколько выше, поскольку доля топлива в поставках в эти 2 страны ниже, чем в общей структуре экспорта Российской Федерации, Казахстана и ЕАЭС. В этом смысле либерализацию торговли с Вьетнамом и Ираном можно рассматривать как один из путей улучшения структуры экспорта и экономики в целом, а также расширения экспорта сельскохозяйственной, химической и машиностроительной продукции. Однако Сербия является более или менее типичным партнером для России в этом смысле: топливо составляет ½ ее импорта из России. Этот аргумент также не применим к Сингапуру, поскольку топливо составляет 90% российского экспорта в эту страну — больше, чем в российском экспорте в целом.

Экономических причин выбора Сингапура в качестве партнера по ССТ как будто бы и нет, если рассматривать только торговлю товарами. Сингапур — одна из самых открытых экономик в мире. Он не устанавливает тарифов на импортную продукцию (за незначительным исключением транспортных средств, алкогольных напитков, табака и отдельных видов нефтепродуктов), и тарифные уступки со стороны ЕАЭС предоставляются в одностороннем порядке. В то же время Сингапур является ключевой и самой высокотехнологичной экономикой Юго-Восточной Азии, «мостом» в регион для бизнеса из стран ЕАЭС. Это популярное место для регистрации компаний благодаря очень либеральным, быстрым процедурам. Таким образом, ССТ помогает дополнить удобную деловую среду в Сингапуре благоприятными условиями для ведения бизнеса с Россией и другими странами ЕАЭС.

ССТ ЕАЭС: особенности и некоторые экономические эффекты для России

Из 4-х ССТ, уже подписанных ЕАЭС, два (с Ираном и с Сербией) касаются только торговли товарами, а два других соглашения имеют более широкую повестку дня.

Временное торговое соглашение с Ираном было зарегистрировано ВТО, несмотря на сомнения относительно его соответствия правилам статьи XXIV ГАТТ. В своем нынешнем промежуточном формате оно выглядит, скорее, как частичное торговое соглашение, чем как ССТ. Обе стороны подошли к торговому соглашению очень осторожно, причем по сходным причинам: Россия и Иран живут в условиях санкционного режима, они осознают недостаточный уровень конкурентоспособности своих отраслей, и их руководство, вероятно, с подозрением относится к идее либерализации вообще. Соглашение с Ираном будет действовать 3 года. Статья 1.3 временного соглашения с Ираном предусматривает, что переговоры о создании полноформатного ССТ начнутся в течение одного года с даты его вступления в силу и должны быть завершены в течение 3-х лет. Временное соглашение предусматривает взаимные преференции в области тарифной защиты. Помимо последствий либерализации тарифов, главным ожидаемым эффектом этого соглашения является повышение взаимной предсказуемости и прозрачности: предполагается исходить из правил и положений Всемирной торговой организации, что крайне важно, поскольку Иран еще не стал членом ВТО.

Соглашение о свободной торговле с Сербией является довольно лаконичным и не имеет существенных особенностей. Оно не сулит серьезных изменений для двусторонних торговых отношений в связи с уже существующим режимом свободной торговли между Сербией и тремя основными странами-членами ЕАЭС. На октябрь 2020 г. ССТ не вступила в силу. Тем не менее, средневзвешенные тарифы в торговле между Россией и Сербией уже низки: 0,3% для сербских товаров, поставляемых в Россию, и 0,02% для российских товаров в Сербию.

ССТ ЕАЭС с Вьетнамом и Сингапуром выходят за рамки соглашения о торговле товарами. Оба ССТ включают разделы, посвященные защите прав на интеллектуальную собственность, государственным закупкам, конкуренции, устойчивому развитию и электронным технологиям в торговле. Однако тексты соответствующих разделов свидетельствуют об ограниченном характере договоренностей, выходящих за рамки торговли товарами. Это скорее разговор о механизмах сближения позиций. Глава «торговля услугами, инвестиции и перемещение физических лиц» касается только России: ЕАЭС пока не создал единого рынка услуг. В ССТ с Сингапуром такого раздела вообще нет. Стороны договорились, что в ближайшее время продолжат переговоры по либерализации торговли услугами и инвестиционного режима, а также заключат соответствующие соглашения с отдельными государствами-членами ЕАЭС. Таким образом, благодаря широкой повестке дня с минимальными реальными обязательствами соглашения о свободной торговле ЕАЭС с Вьетнамом и Сингапуром можно классифицировать как ССТ плюс/минус.

ССТ с Вьетнамом в целом соответствует правилам ВТО, предусматривающим либерализацию основной части торговли товарами. К 2025 г. беспошлинный ввоз товаров

для вьетнамских экспортеров составит до 90% позиций единого таможенного тарифа ЕАЭС⁴. Обращает на себя внимание парадоксальная ситуация с уровнем тарифной защиты. Как правило, российский экспорт, основанный на сырье, встречает более низкие тарифные барьеры в странах-партнерах, чем наоборот. В случае с Вьетнамом это не так: на 2019 г. средневзвешенный уровень ввозных таможенных пошлин на российскую продукцию во Вьетнаме превысил 3%, а средневзвешенный тариф на вьетнамские товары в России составил около 1,5% (табл. 3). Ключевым объяснением этого парадокса является нулевой тариф на импорт мобильных телефонов (*Samsung*), на которые приходится до 31% стоимостного объема вьетнамского экспорта в Россию (ИТС, 2020).

Таблица 3.

Торговля России с партнерами по ССТ, 2019 г.: средневзвешенные ввозные тарифы и суммы таможенных платежей

Индикатор	Сербия	Вьетнам	Сингапур	Иран
Средневзвешенный тариф для товаров из РФ	0,02%	3,24%	0%	19,0%
Средневзвешенный тариф для товаров из страны-партнера	0,3%	1,49%	2,9%	5,6%
Сумма ввозных пошлин, уплаченных при ввозе товаров из РФ, млн долл.	0,6	36,8	0	228,1
Сумма ввозных пошлин, уплаченных в РФ при ввозе товаров из страны-партнера, млн долл	3,2	48,9	16	21,8

Источник: рассчитано по данным ИТС (2020).

Евразийская экономическая комиссия, как переговорщик ЕАЭС с Вьетнамом и другими партнерами, на начальном этапе двусторонней либерализации была весьма осторожна. ССТ с Вьетнамом было первым соглашением такого рода. В частности, в отношении наиболее чувствительных категорий товаров, которые производятся в странах ЕАЭС, сохранена тарифная защита⁵. По менее чувствительным товарам (рубашки, блузки, платья, брюки, юбки, нижнее белье, свитера, детское белье, а также мебель) применяется специальный триггерный механизм, позволяющий в случае угрозы для рынка вводить в упрощенном порядке пошлины на уровне Единого таможенного тарифа ЕАЭС.

Соглашение с Сингапуром, как уже отмечалось, характеризуется асимметрией тарифных уступок, которые, по сути, носят односторонний характер. Подобная асимметрия характерна не только для ССТ Сингапура с ЕАЭС: это государство заключило несколько одинаково асимметричных ССТ с крупными и малыми партнерами. Тарифные обязательства членов ЕАЭС предполагают предоставление беспошлинного доступа для 40% сингапурских товаров сразу после вступления соглашения в силу и более 87% — после завершения всех переходных периодов (от 3 до 10 лет). В Перечень изъятий входят такие чувствительные

⁴ Средняя ставка импортного тарифа Вьетнама для стран ЕАЭС снизится с 10% до 1% к 2025 г. В частности, на сельскохозяйственную продукцию ввозные пошлины снижены с 16% до 0,2%, на промышленную продукцию — с 8,9% до 0,1% (ЕЭК, 2016).

⁵ К ним относятся текстильные пальто, костюмы, комплекты, жакеты, блейзеры, пиджаки.

продукты, как говядина, сыр, крепкие алкогольные напитки, детское питание, молочные продукты, автомобили, самолеты (ЕЭК, 2019).

В табл. 3 представлена краткая информация о тарифной ситуации с 4-мя ССТ по состоянию на 2019 г. Как можно заметить, степень либерализации сильно варьируется: иранские тарифы остаются очень высокими — 19%, в то время как доступ на рынки Сербии и Сингапура практически свободен от тарифов. Иран собирает самый большой объем импортных пошлин среди 4-х стран; следовательно, отмена тарифов в торговле с Ираном будет означать для иранского бюджета потерю более 200 млн дол. Эта цифра может быть воспринята как приближенная оценка выгод, которыми будут пользоваться российские экспортеры и иранские импортеры. Масштабы выигрыша для бизнеса и потребителей, а также потеря бюджета, в процессе дальнейшей либерализации торговли России с Вьетнамом, с учетом сохранения изъятий из режима свободной торговли даже после окончания переходного периода, не превысят 30–40 млн долл.

Сложившаяся тарифная ситуация в торговле России с Ираном и Вьетнамом по-своему парадоксальна: российские товары сталкиваются в этих странах с более высокими тарифами, чем их товары — в России. Это нетипично для стран — экспортеров сырья и топлива. Причины такого положения были охарактеризованы выше. В целом, наибольшего экономического эффекта надо ждать от ССТ с Ираном и Вьетнамом. Но в случае с Ираном многое будет зависеть от того, удастся ли перейти к более долговременному и глубокому соглашению. Применительно к Вьетнаму эффект также не будет достигнут автоматически: Вьетнам подписал много ССТ с важнейшими партнерами, и конкуренция на этом перспективном рынке только усиливается.

Выводы

Россия играет решающую роль в принятии решений ЕАЭС по вопросам двусторонней либерализации торговли ЕАЭС с третьими странами. Политические факторы играют в этом процессе не меньшую роль, чем чисто экономические, часто выходя на первый план. Заключенные к 2020 г. от имени ЕАЭС ССТ асимметричны, довольно своеобразны и непохожи между собой. ССТ с Сербией — корректирующее ранее заключенные индивидуальные соглашения и расширяющее сферу действия на 2 новые страны, минимально торгующие с Сербией, ССТ с Ираном — половинчатое и временное, но перспективное, особенно для России и для Армении как соседки Ирана. ССТ с Сингапуром отличается односторонними уступками со стороны стран ЕАЭС. Наиболее важным является первое из подписанных соглашений — с Вьетнамом. Его результаты пока проявились не вполне: продолжается переходный период, а статьи по торговле услугами пока касаются только России. Тем не менее, опыт именно этого соглашения должен послужить отправной точкой при подготовке новых соглашений со странами Юго-Восточной Азии, в частности, с Индонезией.

Список литературы

1. ЕЭК (2020) Евразийская экономическая комиссия, 2020. <http://www.eurasiancommission.org/>

2. ЕЭК (2016) Обзор ключевых положений Соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам. ЕЭК, Москва, 2016. [Review of key provisions of the free trade agreement between the Eurasian economic Union and the Socialist Republic of Vietnam. EEC, Moscow, 2016 (In Russian).]
3. ЕЭК (2019) Евразийская экономическая комиссия, 2019. Список изъятий. [ECE (2019) Eurasian economic Commission, 2019. List of exemptions. (In Russian).] <http://www.eurasiancommission.org/ru/search/results.aspx?k=список%20изъятий&start1=21>
4. ЕЭК (2019) Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one Part, and the Republic of Singapore, of the Other Part. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Сингапур/ЕАЕУ-Singapore%20FTA_Main%20Agreement.pdf
5. Путин В. В. (2016) Выступление на пленарном заседании XX Петербургского международного экономического форума, 17 июня 2016 г. ЕС и проект Большой Евразии. Петербург // Президент России: [официальный сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178> [Vladimir Putin, Plenary speech at the XX St. Petersburg International Economic Forum, (17 June 2016). President of Russian Federation (official site) (In Russian).]
6. Шеров-Игнатьев В. Г. (2013) Mercosur и Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана: проблемы асимметричных таможенных союзов // Латинская Америка. № 12. С. 44–52 [Sherov-Ignatev V. G. (2013) Mercosur and the Customs Union of Russia, Belarus and Kazakhstan: Problems of Asymmetric Customs Unions. Latinskaya America. No. 12. Pp. 44–52. (In Russian).]
7. Hinz J (2017) The Ties that Bind: Geopolitical Motivations for Economic Integration. Kiel Working Papers 2085, Kiel Institute for the World Economy (IfW), p.31.
8. Limão N. (2007) Are Preferential Trade Agreements with Non-trade Objectives a Stumbling Block for Multilateral Liberalization? // The Review of Economic Studies. (July 2007) Vol. 74. Iss. 3. Pp. 821, 855.
9. Taedong Lee, ByoungInn Bai (2013) Network analysis of free trade agreements // The Korean Journal of International Studies. Vol. 11. Iss. 2. Pp. 264, 293.
10. ITC (2020) International Trade Centre, Geneve. www.trademap.org.
11. WTO (2020) World Trade Organization. Regional Trade Agreements Database. 2020. <https://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx> (Accessed 01/10.2020).
12. Yamamoto K. (2014) FTA Negotiations with Side Payments: Asymmetric Countries and Asymmetric Information. Kanto Gakuin University, Japan.

The EAEU free trade agreements with third countries: reasons for Russia

Vladimir G. Sherov-Ignatev,

St Petersburg University, 7/9 Universitetskaya Emb., St Petersburg 199034, Russia

Bilateral free trade agreements (FTAs) remain popular and proliferate, despite the zigzags of trade policies of the United States and some other countries. The Eurasian economic Union (EAEU) started building its FTA system later than other economies. The purpose of this article is to identify the reasons for concluding free trade agreements, the approaches for choosing partners, and the expected results of bilateral trade liberalization for Russia. The conclusions are based on a

comparative analysis of the composition and texts of agreements, and also take into account the results of calculations using trade statistics. The author shows that the asymmetry of the EAEU largely determines the asymmetry of both the motives and economic effects of the concluded FTAs.

Keywords: *Eurasian economic Union, Russia, free trade agreements, economic and political motives.*

JEL codes: *F02, F14, F15.*

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ / ECONOMIC THEORY
AND HISTORY**

Chinese monetary system during the renaissance: silver standard and globalization in Ming dynasty**Zhang Shouyi¹**

As the earliest issuer of paper money in the world, Chinese empires had a great monetary experiment lasting around 500 years which despite ended in failure. At the same time with Renaissance, a massive American silver flowed into China due to the Great Discovery. Hence, the silver finally completed the Chinese monetary systems and brought the final glory of ancient time to this old civilization. The silver standard became the Damocles Sword of the empire and exposed one of the biggest drawbacks in the agricultural social regime. We try to tease out this silver main line and understand the Needham Puzzle by the monetary dimension.

Keywords: *monetary system, silver standard, Chinese economic history, globalization.*

JEL codes: *E42, N15.*

Introduction

Joseph Needham, a British science historian and sinologist, posed a known question that why did modern science, the mathematization of hypotheses about nature, with all its implications for advanced technology, take its meteoric rise only in the West at the time of Galileo but had not developed in Chinese civilization or Indian civilization? (Needham, 1969) Therefrom a mystery was left for the subsequent researchers. Gunpowder, the magnetic compass, paper and printing, which Francis Bacon considered as the four most important inventions facilitating the West's transformation from the Dark Ages to the modern world, were invented in China. Why the industrial revolution did not originate in China? (Lin, 1995)

Since the twentieth century, many scholars tried to explain it in various aspects. One of the explanations is that the Chinese inventions totally rooted in the practices and experience accumulated by the artisans and peasants in premodern time, lack of systematical research made the technology factor absent (Lin, 1995). Zhu and Wu (2007) built a growth model with increasing return to scale to prove Lin's opinion that in an industrial society, the technological development has an exponential relation with the output rather than the linear relation of the population (labor). This relation seems to unclench the capacity of production resources and facilitated the productivity explosion and the industrial revolution.

If we review the history from the former perspective, the geographic discovery offered undoubtedly plenty of resources for Europe to enter this path. The age of discovery during Renaissance opened the prelude of globalization. Corresponding to the western Renaissance, China

¹ Zhang Shouyi — PhD. Student of EDSHS-UPJV, Lecturer and Researcher in CRIISEA Faculty of Economics and Management University of Picardie Jules Verne Amiens, France.

was under the reign of Ming Empire (1368–1644), the penultimate feudal dynasty in Chinese history. During this period, China and Europe experienced the formation of the citizen class and the prosperity of commerce, which have the key conditions for the sprout of capitalism. Then the great divergence said like Kenneth Pomeranz (2001) started from here. The European commenced their preparation to the industrialization, while the Chinese continued the experiment of paper money in circulation and attempted to climb another prosperous peak of the agricultural society.

The paper money ended in failure. However, the silver standard was established after the notes experiment. China appeared to dip a toe in the water firstly at the monetary standard system than the others. This time, it was not good news but the last straw to devastate the empire. The Ming dynasty is the epitome of Chinese feudal agricultural society lasting for two thousand years, and we reexamine it through the silver dimension to figure out the cause of failure.

1. Institutional Reconstruction and Paper Money

During the Song (which has two reign periods named Northern Song 960–1127, and Southern Song 1127–1279) and early Yuan (1271–1368, Mongol-led) dynasties, China's agricultural and industrial production, its domestic commerce, and its economic contacts with the "outside world" all expanded dramatically, reaching levels that far surpassed anything known in earlier periods of Chinese history. Especially on the paper money, it has been invented initially since Song, and Yuan not only created a pure paper currency circulation system, but also set a precedent for unlimited legal tender, which is almost a precursor to the legal currency of later countries.

In early Yuan, government has taken the lesson of previous issuers prohibiting the use of coins and setting a quota reserve, which maintained currency stability for many years. However, the later emperors abandoned this policy and issued notes massively to reply on the natural disasters, economic troubles, and social crisis. The Mongol reign was toppled down inevitably in the end.

Fatally, the money is only a medium of exchange and a store of value for the people than a ruling instrument. The subjects complained about the exploitation of the alien ethnic rulers and ignored the key of the institution. A new dynasty led by the Chinese ethnic replaced Yuan and a new historical cycle started its journey.

1.1 A Reset of Traditional Agricultural Economy Regime

For Ming Dynasty, people always have some contradictory acknowledges: one part regard it as a medieval regime, the other deem it had been a modern time at the end of its reign. Many scholars of California school demonstrated that, in the mid-late Ming, the economic prosperity of Jiangnan (the areas south of the Yangtze River) was comparable to that of European countries at that time. In these areas, the thriving of industry and commerce, the flourishing of trade, and the fine division of labor were enough to make people doubt that the sprout of capitalism had shot. Without the intrusion of Manchu, China would have chance to the path of industrialization.

This is undoubtedly a simplistic view. In fact, Ming Dynasty seems to undergo a time travel which gone through a development course from the medieval Hongwu (the reign title of the first emperor of Ming, 1368–1398) regime to a premodern commercialized economy in a short period. The Ming experienced thousands of years of Chinese history at one time, its lessons are an epitome of Chinese history.

The Ming replaced Yuan Dynasty and claimed to regain the legitimacy of the ethnic Han Chinese. The regime design inherited from Yuan, but also imitated the structure of Song. The historian Li Xinfeng considered that, in the early Ming, the imperial power was extremely expanded which originated from Song, Jinn (1115–1234, Jurchen-led) and Yuan traditions.

Emperor Hongwu returned to the conscription system, separated the military rights into training, commanding and deploying. He abandoned the mercenary system of Song, which was supported by a huge fiscal expenditure. Accordingly, he regressed the fiscal and taxation system to the physical economy, forced the policy of stressing agriculture and damping commerce by impairing the industrial-commercial prosperous of Jiangnan and implementing maritime embargo. On the management of society, the Song government deregulated the primary-level management progressively, and basically appointed the local elites as governors, which gave civilians considerable freedom. However, the Ming government regulated in a diametrically opposite way to establish some strict regimes like Lijia (administrative community system) and Huangce (household registration system). He distributed the corvée to households and divided them into soldier, civilian, artisan and salt-maker hereditary identities, every civilian must to do the statute labor. This Hongwu regime reigned the Ming from early to middle outputting a stable society and from an economic regression to the small-peasant economy. Comparing with Song, who has an advanced commodity economy and emitted 260 million guans (unit of coin, one guan contains one thousand coins) copper coin, the amount of Ming did not exceed 6 million guans, which is less than 3% of Song.

The Hongwu regime cannot function well forever as wish. Frequent north border hostilities demanded objectively resident border guards rather than his assumption to isolate commanders and soldiers, assembling in war and disbanding in peace, while this system had to be displaced stepwise by a combined system with permanent bolder army under the direction of Zong Bing (commander in chief) and enormous standing army around capital battalion. Tumu crisis in 1449 was the bursting point. After the complete collapse of army in Tumu Fortress, the Ming military system return to the mercenary system step by step to restore the combat effectiveness to some extent.

In the economy, the production capacity by the farm system in early Ming was curtailed severely, while the Lijia-household-farm system heavily relying on the primary-level management ability inevitably fell into decay. With a vast expenditure, the traditional corvée system was overwhelmed, tax-in-kind had exposed the drawbacks of inefficiencies and inadequate use, and tax in kind commuted into silver gradually become more and more common so was the corvée. (Twitchett, Mote, 1998). The population has proliferated in the period of peace, the agricultural form of Jiangnan has also been constantly changing, the previous maritime embargo was continuously broken, the commercial and handicraft industries continued to develop. In the middle of Ming, the Hongwu regime existed in name only, with the inflow of a large amount of overseas silver and the shock of politico-economic reform like Single Whip reform of Zhang Juzheng (*Shou Fu*, senior grand secretary of Wanli Emperor r.1573–1620) in 1570s.

The economic situation in the mid-late Ming was completely different from that in the early. The difference was so great that many historians talked about the changes in the middle of Ming, saying that it echoed the changes in the Tang and Song. This great change of trend also determines the transformation of the monetary system of the Ming, from the shackles of Great Ming Treasure Notes to the establishment of the silver standard.

1.2 Notes Issuing No Longer Work

The Ming Dynasty is the last scene of the notes issuing history in ancient China. One of the most important causes affecting the monetary system of Ming happened nearly twenty years before the empire was founded in 1368.

Mounting economic troubles, natural disasters, military uprisings, and outbreaks of epidemic disease occurred in many parts of China during the two decades. Therefore, the Yuan government announced a new currency reform in 1350 to issue a new type of paper money. Because of lacking sufficient reserves in the treasury, these new notes were neither convertible with precious metals, copper coins, or silks, nor backed as some earlier Yuan notes had been. It is not surprising that these new notes failed to hold their arbitrarily assigned value facing this fact. Having been virtually worthless by the mid-1350s encouraged the hoarding of both good quality copper coins and unminted precious metals. Hence, silver rose rapidly in value at this time.

Over the next few years, it is increasingly difficult for private sectors to obtain the credits in China, and the commercial activities slowed down. The Yuan fell in the late 1360s amidst a sharp monetary contraction in everything except poor quality copper coins and paper notes that no one wanted and very few people would use (Twitchett, Mote, 1998).

As far as currency is concerned, the model of the early Ming largely followed the Yuan. From the Southern (420–589) and Northern (386–581) Dynasties to the Sui (581–619) and Tang, from the Song to the Jin and Yuan, the evolution of the monetary system has a very strong consistency. Radical reform not only has great resistance in the private sectors, but also faces challenges in the upper level. The choice of monetary policy has strong externalities within the local network, and the descendants imitating the previous generation model are an understandable path dependence.

At the beginning of the establishment of Ming, it was hoped that the notes issuing would solve the problems. The still financially weak administration of founding Emperor Hongwu issued notes which did not be converted with coins, and he even prohibited the use of silver by the people. This practice is very similar to that of Yuan. On the surface of the Treasure Notes, there is the words “Great Ming Treasure Note, Universal in the World”. “A reward for accusing counterfeiter” is on the Notes. It is interesting that, the rewards of the counterfeiter accusation in Yuan and Ming were all in silver. The Treasure Notes are approved that “Note dominated one guan equals one thousand copper coins or one tael silver, four guans are equivalent to one tael quasi-gold”, it can be seen that the price of gold and silver in the early Ming was about 1:4.

In the Ming Dynasty, Great Ming Treasure Notes could not be exchanged for coins or any other metal currency. Such regulations have almost become the predecessor of the fiat money, but there is no sufficient reserve fund as a guarantee and the result is naturally conceivable. In the market, Notes were unpopular from the beginning, the people refused to use them, coins and silver were still popular, and the stubborn founding emperor still reaffirmed the silver ban until the end of his rule. It was until the Yingzong generation (1435–1464) that the silver ban began to relax, but it was still guilty for refusing to use the Notes, and even the possibility of all the family sentencing.

The Ming currency system was originally complete, with notes, copper coins, and silver ingots. However, in terms of actual use, in the Ming Dynasty, from “using notes without metal money” to “using both notes and metal money”, and then to “all paying with silver money”, the reason behind it is really too much depreciation of Notes making silver and copper regained the favor of the people. *Du Yu Shi* (Chief Censor) Chen Ying at that time also said that “the

implementation of Notes suffocated in recent years as a result of too many notes issued, and the court cannot recoup them easily so that the real value of Notes declines and goods price raise”. (Zhang, 1735) *Hu Bu* (the Ministry of revenue) also said that “private transactions, only use the gold and silver, the notes are stagnation”, the result is “the prices are too appreciated to circulate notes”. During the Hongwu period, the Notes had already depreciated sharply, that is, the official price of one guan Note was consistently equal to 1,000 wens (unit of one copper coin), but in fact the market price was to 160 wens. In the Chenghua period (1465–1487), taxes, bureaucrat emoluments, soldier’s pay and provisions are used Notes and metal coins together, the result is that one guan Note are less than one wen. In the fourth year of Jiajing (1525), even the official acknowledged the reality that the Notes depreciated sharply and turned down the price of Note-silver into one guan Note as same as 0.003 tael silver, the result was that the circulation of Notes became more and more difficult, but silver circulated on a large scale.

What is the impact of notes depreciation on Ming? In view of the inflationary consequences of the previous dynasties, the Ming abolished the notes in time. Unlike other dynasties such as Southern Song, Jin, and Yuan, their issue of notes was stopped because of the demise. In Ming, notes were gradually stopped almost at the time when the wane was not revealed. The reason can be analyzed from the perspective of public policy. The incentives and interests of all parties concerned should be taken into consideration, and all major policies, whether progressing or retrogressing, cannot be separated from the collective incentives or tolerances of the bureaucrats. To put it bluntly, if it is not good, everyone will not do it.

In the case of Ming, notes were devalued so that the government could only rely on administrative power to force everyone to use it, but administrative power did not last normally for a long time, because the bureaucratic group represented by administrative forces would resist such behavior firstly. The interests of officials are also affected by the depreciation of notes, and the system of promoting notes is naturally difficult to maintain. Whether this behavior is positive resistance or negative execution, it will lead to administrative measures that are difficult to implement. In the end, the emperor will find that this is a war for himself, the ban is only on paper, and the final result is end up with nothing definite.

The notes were issued when the economy was prosperous, the issuing continued so as the ongoing economic prosperity even when the notes depreciated, and then the economic crash caused the withdrawing of notes and the demise of dynasty. It almost is the Chinese cycle of notes issuing.

2. Economic Development and Establishment of Silver Standard

Despite the monetary policy has failed in the key element, the Ming government still continued issuing massive notes, some of them used as the gifts to royal relatives and nobilities, as presents to the elchees of dependent countries, and as the grants and emoluments to the bureaucrats. However, considering the notes kept devaluating in the early Ming and had no monetary value wherever outside China, the notes holders spent the paper money as quickly as possible, which led to the vicious cycle of depreciation.

The early Ming government were unsuccessful in taking measures to force the circulation of notes and to halt the value decline. Therefore, the notes did not play a dominant role in the daily life of most people, although the notes issued by court continued to circulate finitely for much of the reign time. At the latest of the early fifteenth century, the folks traded dominantly with unminted

silver by weight or with copper coins by quantity, metal currency form was stabilized and the Chinese empire entered a new monetary age.

2.1 Silver and Silver Importation throughout Globalization

People often attributed the establishment of the silver standard to the Ming Dynasty, but the official attitude to the silver was extraordinarily contradictory experiencing the initial resistance to the final acceptance. They just started to follow the Yuan practice and tried to replace copper coins and silver with notes. In the design of Great Ming Treasure Note, the basic attitude is that folk gold and silver can only be sold to the government.

The silver prohibition was to promote notes without the competition of silver. Conversely, the decline and withdrawal of notes stems from the establishment of silver's victory and status. The exit of Ming notes has a tipping point, that is, in the early 1490s. In the twenty-sixth year of the Hongwu (1393), the circulation of copper coins was temporarily banned, but by 1400, the notes had fallen to 3% of their face value, even though the imperial officials themselves complained.

The Chinese has a saying “under the heaven, it is the kingdom of emperor”, however, historical development is not the only one insusceptible with the will of the emperor, and so is the currency. The silver ban in the early Ming has not been strictly observed, especially all excessive notes issuing are inevitably facing devaluation problems. After Yingzong enthroned in 1436, he had to “freeze the ban on silver.” *Ming Shi* (history of the Ming Dynasty) stated that “the court and the populace are both using silver, and the penny ante is using coins, only the bureaucrat emolument is using the Notes as one part” (Zhang, 1735). Since then, there have been repeated iteratively. Until the first year of Longqing (1567), he announced that “all transaction with a value surpassing Decimus tael of silver, both the silver and the copper are allowed to use; under one-tenth tael, only the copper approved”. Since then, silver has officially gained its due status, fully monetized, and became a full currency. In fact, the emolument gradually became silver later, and the Ming Dynasty finally entered the silver standard system.

Under the politics skin of history, taxation is always the main artery of historical change, and currency is the capillary. The banned silver in Ming was still used. The first reason was that silver proved its applicability. The empire cannot maintain itself without taxation, and reforms such as Single Whip make the levy more efficient. Single Whip reform was promoted to the whole country by Zhang Juzheng in the ninth year of Wanli (1581). As for the influence of Single Whip on silver, the academic has long noticed that, for example, the economist pointed out in 1936 that it was not only a hub in the history of land tax, but also the beginning of the modern land tax system. Since then, the payment of land tax has been based on silver, breaking the physical levy in 3000 years. Wei Yuan, a thinker of Qing (1644–1912), believed that before the Song and Ming, silver was not a currency. The taxation changed from the copper coins and grains to silver leads to the general popularity of silver.

The silver standard at first glance is directly related to the Single Whip, and in fact has a secret connection with the inflow of silver. The implementation of Single Whip means that the previous corvée and other miscellaneous duties were commuted into silver payments. It is worth to pointing that this policy was first implemented from the southeastern coastal provinces because those were a place of silver infiltration. “Here the silver is ample, and commercial affairs have long been willing to use silver because of large-scale trade and commerce.” As this policy was extended to the whole country, the silver standard was gradually established.

The economic lifeline of the imperial regime lies in money, and the defeat always begins with finance and ends with finance. Whether the capital move to Beijing by Emperor Yongle (1403–1424) or the later voyages of Zheng He, such a politically event meant economic support, and these changes gave silver chances in the official system. Taking capital move as an example, the bureaucrat emoluments in early Ming was originally pieces of official field in Jiangnan, and soon changed to salary grains. After the middle of imperial reign, it was partially changed to Note (Zhao, 1796). The capital move of Yongle led to the inconvenience of the emolument claiming for the capital officers, which was not only getting salary grains by salary certificate, but also with some discounts. During the Xuande period (1426–1435), the *Jin Hua Yin* (gold floral silver) method was promoted in Jiangnan. The so-called *Jin Hua Yin* means the silver discounted from salary grains. Till the first year of Zhengtong (1436), it was the promotion of the *Jin Hua Yin*, and silver began to become the core of taxation. More than 100 years later, the land taxes become completely silver after the reform of Zhang Juzheng.

At the beginning of the fifteenth century, the Ming government finally gave up the Great Ming Treasure Notes, recognized the status of silver, and levied in silver. Silver finally became the protagonist, and there was a large inflow of silver from Japan and the Americas. Silver mine was also exploited during the Wanli (1573–1620) Period. The trend of “silver smelting fever” during this period of Ming was synchronized with the world, as was the case in Japan and Germany.

In addition to the ban on silver, the Ming Dynasty also secluded the country, and even banned the reclamation of coastal land; Emperor Hongwu once ordered that “the inch plank is not allowed to go to the sea”. Silver cannot be banned, so is the maritime embargo. In the fifteenth century, Zheng He was acquainted with the seven voyages in history. The folks were more swaying in the wind, smuggling was rife and the private undercurrents of foreign exchange and trade had always existed. Chinese trade relations with Europe and the Americas were also established in the sixteenth century and have continued for a hundred years.

It is worth mentioning that Zheng He’s voyages are not only well known to the Chinese, but also for overseas. China and Europe simultaneously turned their eyes to the ocean in the fifteenth century, but they have completely different motivations. At that time, China's ships and navigation technology were almost leading the world. Zheng's exploration was nearly a century earlier than that of Europe, but all his efforts were almost gone in the great changes of history. In *World Order*, the diplomat H. Kissinger also emphasized that Zheng He originally had a leading edge. In contrast to diversified or broken Europe, China's navigation technology is more advanced, but Zheng He's voyages are more focused on India and South Asia. He tried to attract local dignitaries into the Chinese tributary system with giving gifts, and brought back merely some local treasures.

Zheng He’s defeat is not technology, nor capital. There is evidence to prove that, regardless of size or tonnage, Zheng He’s fleet is 10 times larger than the Columbus’, but one is to show off the national prestige, the other is to explore the unknown, and there was no continuous mechanism after Zheng He to guarantee the voyage, which ultimately led to different results. Sinologist J. K. Fairbank (1957) emphasized the huge difference between Zheng He and Columbus in terms of driving force and motivation. The Chinese fleet not only lacks the impetus to bypass Africa to Europe, but also has no incentive to establish a trade base.

Hence, the ban of Hongwu is almost only on paper, whether it is for silver or for sea. There is actually a logical relationship between the two: the status of silver was consolidated in Ming, and thus became the value standard of the Ming and Qing Dynasties. It was inseparable from the massive inflow of overseas silver, and foreign trade contributed to this trend. The economist Quan

Hansheng (1967) has a lot of research on silver of ancient times, and his research has also been recognized by international counterparts. He put silver in Chinese history to compare. From the end of Tang to the middle of Northern Song, it is the highest tide of coins using, and in the middle of Ming, silver is gradually recognized, especially from the government revenue shown that the proportion changes of silver and coins. The conclusion is that from Song to Ming, the coins in the government income is less and less, the number of silver is increasing, to confirm the trend of “using silver and neglect coins” (Shown as Table 1).

Table 1.

The Number of Silver and Coins in the Government Income of Song and Ming

Time	Coins number	Silver number	Proof
5th year of Tianxi (1021)	26,530,000 (+)	883,900 (+)	LI Dao, <i>Xu Zi Zhi Tong Jian Chang Bian</i> , vol. 97
1st year of Yuanyou (1086)	48,4800,000	57,000	SU Zhen, <i>Luan Cheng Hou Ji</i> , vol. 15
8th year of Wanli (1580)	21,765.4	2,845,483.4	SUN Chengze, <i>Chun Ming Meng Yu Lu</i> , vol.35
9th year of Wanli (1581)	21,765.4	3,704,281.6	CHEN Renxi, <i>Huang Ming Shi Fa Lu</i> , vol.36

Source: Quan Hansheng, 1967.

China is lack of silver, and has not much silver mined, where did the silver currency of Ming come from? A well-recognized decisive reason is the silver inflow since the sixteenth century. As Wei Yuan (1794–1857) said, “... do not know since when, most of the silver in China come from overseas. The silver coins used in foreign countries are also ahead of China. Why? Before Song and Ming, silver did not for the currency”.

The self-produced silver in China is concentrated in Yunnan, and the *Tian Gong Kai Wu* of Song Dynasty recorded: “the silver in China was produced in ... however the output of eight provinces is less than the half of Yunnan”. For this reason, some Japanese scholars believe that the silver after Tianshun (1457–1464) of Ming was mainly produced from Yunnan, after Longqing (1567–1572) and Wanli (1573–1620), mostly from overseas, especially Luzon (Philippine island) (Kato, 2006). In addition to the silver produced in Ming, in fact, the amount of silver produced in the previous dynasties, especially in Song, was not small, far more than the Ming. Scholar Song Lingling estimates that the amount of gold and silver flowing into the national treasury during the Southern Song (1127–1279) was as high as 3 million taels. Song estimated that the total amount of silver in the late Song was about 100–150 million taels. However, these silvers did not all remain in China. The Yuan Dynasty used notes, and it was strictly forbidden to use silver. The western countries of China used silver traditionally, and their prices were much higher than those of China. Therefore, Chinese silver flowed through the Silk Road to the western countries in Yuan. According to the estimation of Japanese scholar Atago Matsuo, in China, the loss of silver in Yuan was as high as 90 million taels. If so, the silver number of the late Song that survived in Ming was only 30 million taels. Even so, this amount is higher than the own silver production of Ming, the latter is estimated to be 15 million to 25 million taels. Taken together, the local silver in Ming was about 50 million taels.

In contrast, silver from Japan, South America and Europe played a more important role in the silver tide of the Ming Dynasty. The tentacles of globalization have always colluded with trade. First of all, after several efforts by the Portuguese, they finally obtained permission for Macao trade.

The existence of Macao has always been one of the important gateways connecting the world to the Ming and Qing Dynasties. It links China with the world under the acceleration of globalization gears. The lubricating agent is naturally silver, and it is the silver that continues to flow into China. This trade model has even been summed up by some scholars as another kind of “tribute”: “Foreigners, including Europeans, have to pay silver to the Chinese in order to do business with them, which is indeed a ‘tribute’ in commerce”. However, the extent to which China relies on silver is actually much heavier than the Western dependence on Chinese silk and tea, especially when silver monetized progressively becoming an important economic blood of China. Regardless of Europeans or Chinese at the time, they have not paid enough attention to this major historical truth, leading to a series of tragedies of China began from the late Ming Dynasty.

More important is the trade with the Philippines, where the Spanish has to be talked about. Of course, this is not due to their contribution to trade. After “the discoverer of the Eastern world” the Portuguese exchanged with China, Macao became a trading base of various countries for hundreds of years. Since then, the “world's discoverer” Spanish has also come to the East. It is said that the vaccination was introduced to China in the early nineteenth century by the Spanish. Behind the prosperity of the trade with Philippines, it is the rise of Chinese merchants. Most of these merchants are from Fujian Province, especially the city like Xiamen, Quanzhou and Fuzhou. According to the records, the Spanish was uneasy about this rise and had to rely on the Chinese in trade. They had slaughtered Chinese businessmen in 1603 and 1639, and the victims were tens of thousands. However, the limitation on the number of people, the poll tax, and the expulsion could not stop the sustained growing of Chinese businessmen.

After the Spain occupied the South American continent, they obtained huge amounts of silver deposits. Since the sixteenth century, silver from South America has flowed from different channels to the world. The Philippines has become an important transit point for silver to flow into China, not only bringing together silver from Spanish Latin America, but also including silver that turns from Europe to South Asia.

Quan Hansheng estimated that the silver imported into China from the Philippines during Ming was 75 million pesos, about 60 million taels. In 1571–1821, it was estimated that “the silver that was brought to Manila from Latin America totaled 400 million pesos. These silvers were mainly used to buy Chinese raw silk and silk fabrics, and then shipped to Latin America for sale, so most of the silver went to China.” In addition, according to the calculation of Chinese scholar Qian Jiang, the actual trade volume between China and Luzon reached 300 million pesos from 1570 to 1760. Even the Spanish complained in 1639 that “the Chinese emperor was able to build a palace with silver from Peru. These silver shipments were not registered, nor did they pay taxes to the King of Spain”. Many scholars believe that the silver flowing into China from the Philippines is no less than 200 million pesos, which is equivalent to 7,200 tons.

In addition to the Philippines, a lot of silver has moved to Europe and then continues to flow into Asia. Ward Barrett believes that the world's silver production was 23,000 tons from 1493 to 1600, and the Americas production accounted for 74%, 70% entered Europe, and 40% of them went to Asia. Scholar Wan Ming (2005) estimated that a total of 12,620 tons of American silver flowed into China from 1570 to 1644. Frank's (1998) estimate is exaggerated, he believes that Europe received 98,000 tons of silver from the Americas in 1500–1800, of which 39,000 tons were shipped to China and 59,000 tons were left in Europe. Overall, in addition to Japanese silver, the consensus is that 1/3-1/2 of American silver has flowed into China, and various estimates are generally within

this range. According to concerned studies, a total of about 200 million taels silver flows into China, which greatly contributed to the silvering of Chinese economy.

In other words, although China first invented the paper money, *Jiao Zi*, but then the notes were spammed and returned to the commodity currency. In the chaotic situation, there was even a lot of physical exchanges such as copper and rice. Eventually, the metal currency was recognized by the market. In 1000 years, the first 500 years were the trial and crash of notes, the last 500 years were the confirmation and victory of silver. Silver began to play a major role in the Chinese economy. It was until the 1930s that China finally abandoned the silver standard. The influence of the silver flowing on China and the world is so far-reaching that the opponents of Western Centralism verify China's status from the inflow of silver in China to promote that “the wheels of the global market are lubricated with the global flow of silver”.

2.2 Silver Monetization and Society Commercialization

The use of silver is not only the result of the lush overseas trade, but also the need to shift from a physical economy to a monetary economy. It is derived from the maturity of the social and economic development of the Ming Dynasty. This also makes the economy of Ming Dynasty looking different from the past.

The special monetary system of Ming as well as the inadequate silver production formed an intense domestic demand for foreign silver during the late Ming period. In the beginning of seventeenth century, the domestic value of silver remained a very high level relative to the world standards. Hence, Chinese merchants were delighted to trade with foreigners who were willing to buy Chinese goods with silver. The over evaluated silver in China made a favorable margin for international speculations. The Spanish merchants who did business initially in Manila during the early 1570s found that the goods made in china had a better quality and was cheaper than that of Europe. It can explain why the foreigners had a great interest in Chinese goods at this time.

Silver not only stimulated the Chinese economy, but also spawned many social changes. The silver inflow was of great significance for the late Ming. It was at that time that a new secularized society due to commerce was formed apace, “by promoting monetary growth, improving the efficiency of commodity exchange, and prompting Chinese officials to implement long-delayed tax reforms, etc., the Japanese and Mexican silver dollar played a pivotal role in the dynamic economic expansion that made the prestige of late Ming Dynasty. The impact of this economic expansion was applied to various regions of Ming, but the impact on the south and southeast regions was particularly evident. As a result, the urban population has proliferated, agriculture has become more commoditized, and business and industry have prospered” (Atwell, 1986).

It can be seen that the monetization caused by the inflow of silver has led to changes in the quality of life, and the conspicuous consumption has increased. At this point, the Ming, the late Qing and the eighteenth-century Europe are very close, but it only brought great social changes in Europe. As Hume said, the inflow of bullion has created a high level of motivation in production and diligence in European countries.

In fact, the notion that conspicuous consumption is good for the economy can be verified today, and the American Economist Veblen's *The Theory of Leisure Class* has long proposed similar views. However, it seems that it is still rare for Sombart to define the extravagance and arrogance as the trend of the times and even the driving force of the times, putting it in a position like the “first impetus”. He believes that it is this kind of consumption which exceeds the necessity

that causes the sprout of capitalism, and the big cities in the early of capitalism times are basically consumer cities.

In the theoretical world of Sombart, the liberation of flesh and love is one of the driving forces of luxury consumption. Obviously, this is parallel to the world in *Jin Ping Mei* (A novel in Ming and describing the luxury life of a businessman). The two seem to be on the same starting point, while *Jin Ping Mei* is one or two hundred years earlier than the record of Sombart. The late Ming Dynasty was indeed an era of enjoyment and business. The seemingly identical luxury, why did not evolve the modern banking system and more financial innovation, and then capitalism?

3. Institutional Collapse and Destruction of Empire

The Chinese products combined with high quality and low cost made a significant impact on the industry of Spanish America, but brought back various of silver to sustain the social changes. The agricultural specialization and social commercialization were facilitated sharply during the Ming Dynasty. Handicraft industry such as silk, cotton, and porcelain grew rapidly and the products interregional trade expanded significantly. The Single Whip commuted the taxations into payment in silver only. The changes had brought certain benefits in promoting the economic development of empire, while creating some problems.

The importation of bullion cannot solve thoroughly the domestic chronic shortage of precious metals. Furthermore, it exposed a fatal institutional flaw. The imports accelerated a very rapid urbanization in China during the late sixteenth and early seventeenth centuries which indulged the commercial speculation to cause a significant inflation in certain areas. The consequent economic instability was amplified because of the excessive reliance on monetary expansion by the Chinese merchants and producers during this period. However, due to the depression of mining industry in China and the problems always plaguing the copper coins production, the money economy itself relied to a large extent on the bullion imports in increasing the money supply to maintain the economic stability and market confidence.

During the Tianqi (1621–1627) and Chongzhen period, there were a series political and economic environment changes in various areas of the world which led to a significant impact on the economy of Ming. Especially the monetary system of Ming faced several crises due to the repeated disruption of silver importation during the first half of seventeenth century and the sharp drop of silver output in the New World. This fatal flaw became a vicious cycle and expedited the demise of Ming.

3.1 Needham Puzzle in the Ming Dynasty

At the end of the Ming Dynasty in China, the economy was highly commercialized, and global silver continued to flow in. Why did it fail to produce capitalism? This is a question of history, but it is full of temptations for the various researches of futurities.

One of the most famous questions was posed by the famous sociologist Max Weber, who once asked: Why did the industrial revolution not first occur in China, where the sprout of capitalism was born? This is the famous Weber question. Later, when Joseph Needham studied Chinese science and technology inventions, he also developed the famous Needham puzzle. From Weber's question to Needham Puzzle, what is the possible answer? Joseph Needham's interest in China may have stemmed from the curiosity of his professionalism, but what he left to China was

decades of confusion. This huge theoretical black hole requires countless explanations to fill, while silver is an invisible dimension of historical axes.

The inflow of silver has triggered a series of economic changes: with the establishment of the silver standard, banks emerged in Europe, while there was *Qian Zhuang* (money house) in China – there are many silver shops in the novels of Ming Dynasty. The bank in Venice originated from the exchange business. The bank with the appearance of the central bank first appeared in Venice in the thirteenth year of Wanli (1585), and the *Banco della Piazza di Rialto* was opened in Venice in the fifteenth year of Wanli (1587). The famous Bank of Amsterdam was founded in the thirty-seventh year of Wanli (1609).

The silver gradually became the mainstream in the Ming Dynasty. It rewrote the Ming society from the monetary and commercial levels, and also penetrated into the folks, making all classes progressively involved in more secular and market-oriented life. The popularity of silver firstly brought innovations in the financial industry. It is well known that China has a long history of the exchange business. In the Tang Dynasty, there was gold and silver shops, whose business mainly was transaction, and the exchange was supplemented, there is no difference with the European banker who originated from the goldsmith. Early money shops are often seen as the predecessor of the *Qian Zhuang*, and also as *Qian Si* (money fair). Chinese *Qian Zhuang* and the banks in the world seem to be built in parallel with each other, but they have different starting points from the beginning and are destined to have different fates in the future.

It can be seen that the silver inflow seems to flow into a historical black hole of the Chinese customary regime, where there is only a partial change, but no institutional leap. If there is no institutional environment, especially the rules of law and the support of the contract spirit, capitalism will not be able to talk about it. The definitions of capitalism may be different, but most studies support the role of capital in market development and institutional shaping, whose an important part is precisely the support of the national government. “Environment, ambition, and even the concept of responsibility, bring the monarchs of many old regimes into the activities of capitalism.” Economic historians believe that there are two types of entrepreneurs, using political power and using their own organizational mobilization capabilities. The latter type of entrepreneurs gradually integrates with the former in the new era, and can benefit from the former or government by promulgating the laws in favor of its own business activities.

In contrast, the Chinese institution does not encourage entrepreneurs or entrepreneurial actions. The human business has a long history, and so is China. The *Chun Qiu Gu Liang Zhuan* said: “the ancients consisted with four kinds of people, there were scholars, merchants, farmers, and artisans.” It can be seen that merchants existed at the time and they were on the front burner than the farmers and artisans, but the subsequent order developed into scholars, farmers, artisans, and merchants. These four kinds of people were professional classifications, scholars and merchants are undoubtedly the two most active classes at that time, and the subsequent order is revised because of stressing agriculture and damping commerce. It can be seen that since the ancient times, China's industry and commerce have been relatively developed, and the status of merchants cannot be said to be low (the prohibition of merchants in wearing silk and using carriage is only an appearance), but Chinese historical traditions have inconsistent with or even contrary to business logic. Qian Mu once said: “China's historical traditions can often be vigilant in grasping the native economic view that life is the mainstay and then is economy. Hence, talking about economic issues, it is often focused on the “prudent budget and strict expenditure”. The budget and expenditure have a specific level, and the prudent and strict aim to guard against the excessive.” Therefore, the Chinese

government's ideal level of the economy is mainly “balance”, and its final standard is “the world is balance (peaceful)”, while the Western history is mainly seeking unevenness.

After all, entrepreneurs are the key people in society, and they are born in the “unevenness”. Chinese and Western entrepreneurs face different institutional environments, one is to inhibit commerce and industry, and the other is to protect the property rights. In the old days of China, although there was a lot possibilities of individuals getting rich or even millionaire, it was difficult to breed institutional changes with collective driving. For this reason, whether the Weber's so-called “puritanism ethics” emphasizing the diligence and abstinence, or the Sombart's so-called “capitalism spirit” combining the entrepreneurial spirit and citizen spirit, these similar spirits may have sporadic fires in China, but they always are difficult to make achievement and to escape the politic and commerce cycle of “red hat businessmen” (red hat is the symbol of officer). Only entrepreneurs who rely on institutional profits can be born, and entrepreneurs who promote institutional changes cannot.

Since the Renaissance, the trend of Western history began to turn, and the role of non-material institutional innovation began to expand. Peng Xinwei (1958) believes that European banks have developed deposits and exchanges from transaction businesses, which has led to a larger scale. After all, the financial industry is built on credit, and the accumulation of credit will stimulate positive currency creation. This road was not smooth sailing. In Venice the transaction shop also welshed on some deals, Charles I played ideas with the London Mint in the thirteenth year of Chongzhen (1640), and John Law launched a banknote game in France that were always a “negative” plunder. But after the setback, the Western modern banking system was finally formed. In contrast, China has evolved from a transaction to a lending business, but the deposit business has not progressed. The public and private have no habit of depositing out of themselves. Even the greedy in Ming, such as Yan Shifan, are only hoarding silver in his cave, and the rulers have always been “actively” plundering.

As for the exchange, in fact, China was one step ahead, even since the Northern Song Dynasty it has been normalized, but the descendants have evaluated it as “no one pays attention”, and the *Piao Hao* or *Qian Zhuang* raised in the late Ming. The exchange in Ming was operated by the government. The folks called it the ticket, which is the so-called *Qian Yin* (money quote) in the Song Dynasty. This traditional exchange method not only did not evolve with the commercial society, but also was colluded customarily between officials and businessmen. Europe started from a similar practice, developed more credit business, and then operated in international trade. Finally, in the seventeenth century, financial innovations such as checking accounts, deposit reserves, and promissory notes were developed, which triggered major changes in the business community.

China's *Qian Zhuang* was ahead of the starting point, but it eventually lagged behind and even annihilated in the history. What factors have led to the strange results of the private banking industry in China and the West? Furthermore, silver has driven the rise of new businessmen, but their rise is often to join the old class or to regard the official as the affiliation. Such entrepreneurs seem to have contributed to the society and economic market development in distributing the cake, not in making a bigger cake.

Regarding the characteristics of the Chinese economy, Qian Mu gave an explanation of humanity without losing his warmth. “China's industry and commerce have been prosperous under the precondition of development. However, when the social and economic conditions are sufficient to meet the needs of the people, the Chinese can often be on alert against themselves, stopping at this limit, and hoping to change the direction to put human and material resources on a higher sense

of life.... Therefore, the upward development of the economy is uniformly to a material aspect, while the West is biased towards scientific machinery, China is partial in the cultivation of art. ... It can be seen that the traditional Chinese economic concept is a kind of morality and human oriented, which emphasizes life and not the economy. The economy only supports life and does not control life. Therefore, economic development has become limited". Qian Mu believes that the abstinent development of industry and commerce is a kind of self-consciousness. This kind of explanation is a matter of opinion. However, regardless of Qian's own point of view or the moral thought he pointed out, it does reveal the China's economic policy view. In this kind of thinking, on the one hand, the economy tends to be satisfied at a low level of equilibrium, on the other hand, most businessmen have no status and they also have no motivations or rights to join the institutional game with government. The result is that the property rights system and the capitalism cannot grow.

Further examination, China has had borrow and lend money since ancient times. Among them, the government and folks have "on credit" and "on loan" differently in ancient times. In the Tang Dynasty, there was a so-called *Fei Qian* (flying money) transaction business. After that, the *Yin Pu* (silver shop) and *Qian Zhuang* prospered, showing the popularity of silver and the development of business. But this is not necessarily the sprout or sign of Chinese capitalism, there are sometimes too wishful in the commercialization of Ming. Many scholars have argued that commercialization is not equal to capitalism. Modern Western capitalism is different from the early commercial systems of China, India, Babylon, Egypt and the Mediterranean. The former relies on precise natural sciences, but China lacked similar laboratories even in the Qing Dynasty later. This kind of statement corresponds to the management level, and it is similar to Ray Huang's idea of "mathematical management".

This is only one aspect of the *raison*. In fact, in addition to cultural and national interpretations, the economic system is still a question worth considering. The different attitudes of the East and the West to trade, navigation, etc. have made their respective economies on different tracks, and the system of property rights protection is still the main point. This must depend on the protection of law. As North (et al., 1994) said, "if the expected net income exceeds the expected cost, an institutional arrangement will be innovated. Only when this condition is met, we can find out in a society an attempt to change the existing system and property rights structure".

In contrast to Europe, the gold and silver inflow from the Americas is seen as the rise sign of the Western world. These precious metals first created a group of upstarts. In fact, it is said that the cost of finding precious metals is almost equal to its value. This is more a process to redistribute wealth than re-create wealth, but in this process, the ownership of wealth changed, and the new class was born in Europe. The difference between these upstarts and the previous nobility is that the birth of their wealth has nothing to do with power, so more middle classes are born, and the middle class finds opportunities in new economic activities such as overseas trade, thus shaping new types of entrepreneurs. The accumulation of its power eventually became a major driving force for changing history, and capitalism was also nurtured among them.

When the world is changing, the efforts of Chinese merchants, despite are splendid by the use of silver, are still trickling in their own city and unable to break through the historical constraints to converge into a torrent of capital. Without the rule of law and credit, there is no space or historical environment for the growth of entrepreneurs. The birth of modern capitalism cannot be discussed.

3.2 The Inflow of Silver and the Demise of Ming

The popularity of silver in the Ming Dynasty was firstly the monetization demand of the economy itself. In terms of external supply, it also relied on the inflow of overseas silver. This is the karma of China's overseas trade and geographical discovery. Silver flourished on the occasion of the Ming Empire, and unintentionally, it also buried the seeds of destruction.

Tracing back to the demise of Ming in 1644, it should return to earlier. The Ming Dynasty was one of the nodes of China's old and new worlds. On the one hand, the Ming continued the evolutionary logic of previous dynasties, and on the other hand, it laid the foundation for the turning of the Ming and Qing. On the time axis, the Ming Empire corresponds to the revolutionary changes in Europe. For the comparative inertia, historians always like to start from the Ming Dynasty to analyze the millennium gains and losses. Some special years are marked, giving deep meaning, such as the 1587 of Ray Huang, another example was the 1600 of the sinologist Valerie Hansen.

1600 is a watershed for China. Hansen (2000), who has been fascinated by China for a lifetime, has a different perspective than our usual thinking. She pointed out that before 1600, China was actually an "open empire". She gave up the customary division of dynasties and defined China before 1600 as three periods: first, from the Shang and Zhou to the first stage of Qin, which was the period of China from 1200 BC to 200 BC; In the third century BC, after the unification of the Qin Dynasty, local Taoism began to rise in an organized way, many Buddhists also came to China, China began to face the West and India for more than 1200 years; finally, from the tenth century to the seventeenth century, began to turn to the North, most of the time China was under the rule of the northern nomads – and they were progressively Sinicized, and the Mongols were still the biggest precaution targets of Ming, and eventually Manchus raised in the Northeast.

What happened around 1600? With the huge influx of silver, the status of silver in China has increased after the middle of Ming, consolidating the status of the silver standard from all aspects. Many scholars have emphasized the role of Single Whip. The implementation of Single Whip completely abolished the Hongwu system, succeeded in the two-tax reform of Yang Yan in the middle of Tang, and conceived the incorporation of the labor-service tax into the land tax of Yongzheng in the Qing Dynasty, which turned the Chinese fiscal system from the physical tax to the currency tax. Scholars generally agree that it further increases the degree of economic silvering in the Ming Dynasty. According to the estimation of scholar Peng Xinwei (1958), around 200 years of Ming, the price of gold and silver was from 1:4, 1:5 in the early to 1:10 or even 1:13 in the late. The flow of precious metals seems to be only economic behavior, but its role and side effects are quite long, and even affecting the rise and fall of an empire.

Since the silver mine discovery in Peru, most of the European silver mines were abandoned. Adam Smith (1776) asserted that the American silver mine not only has an impact on the price of European silver, but also on the price of silver in Chinese silver mines. He witnessed the influence of precious metals in Europe in the seventeenth century, and also noticed the impact of transactions between the Old and New World on each other. "It is more advantageous, too, to carry silver thither than gold; because in China ... the proportion between fine silver and fine gold is but as ten, or at most as twelve, to one; whereas in Europe it is as fourteen or fifteen to one ... In the cargoes, therefore, of the greater part of European ships which sail to India, silver has generally been one of the most valuable articles. It is the most valuable article in the Acapulco ships which sail to Manila. The silver of the new continent seems in this manner to be one of the principal commodities by

which the commerce between the two extremities of the old one is carried on, and it is by means of it, in a great measure, that those distant parts of the world are connected with one another”.

At the end of the Ming Dynasty, the exchange relationship between China and the world monetary system was similar to the trade deficit and hot money of the early 21st century. China was regarded as the last destination of European currency at the earliest from the Roman era. Because the balance of payments structure is beneficial to China, silver flows from the world to China. In the seventeenth century, it was especially promoted by American silver. For the great Roman Empire, its vitality was once thought to be exhausted by the massive outflow of precious metals. At this point, silver and the Ming Empire are similar. American scholar Frederic E. Wakeman (1986) believes that the demise of Ming and the prosperity of Qing in 1644 was the most dramatic scene in all the dynasty changes in the history of China, and silver played an important role in it.

The truth of history must be based on comparison. Europe was also experiencing the famous “seventeenth century crisis”, historian Eric Hobsbawm invented the term, mainly indicating a series of crises, economic recession, population decline, social unrest, etc. Furthermore, this crisis was actually a global crisis. One group in the history circle believes that the different ways in which the East and West respond to this almost simultaneous crisis lead to a big diversion of history. Under the “seventeenth century crisis”, the East was considered to continue the pattern of dynasty change, while the West was the first to enter the modern society.

Through silver, China’s turmoil is also secretly linked to the pulse of the world. Wakeman (1986) believes that there is a mutual relationship between the Chinese crisis and the global crisis in the seventeenth century. “China’s dominance over Manila has reached such a degree that the long-term cyclical fluctuations between China’s trade and world trade have become consistent; even to this extent, the volatility of China’s trade is much larger than that of world trade. Therefore, we can conclude that regardless of the surface phenomenon, it is the rise and fall of trade with China that dominates the Spanish maritime trade itself growth and decline”.

Fortune and misfortune are two buckets in the same well. Since the silver standard established, silver and the fate of the Ming Empire are more closely intertwined. For this fact, historians have different evaluations. Some people emphasize that even if there is no silver the Chinese economy will also develop. The influx of overseas silver is considered to be a symbol of China’s loss of monetary sovereignty. It even believes that this has opened the move up of monetary sovereignty in a history of centuries. (Han, 2009) Until today, some even thought that it was the move out of monetary sovereignty that led to the demise of Ming and the decline of Qing.

In fact, the monetary sovereignty does not have much meaning in the precious metal era, and precious metals are naturally a jump for the classical economy. Even in modern times, monetary sovereignty is not a power that can be won. From the ban on silver to the use of silver in Ming, it was a last resort. Monetary sovereignty is not something that can be won. It is also true that China’s silver production is too small, and the impact of overseas silver inflows is far more than deflation.

The possession of precious metals is almost always the aspiration of all ancient empires, and overseas silver and the Ming Empire complement each other. Since the days of the Roman Empire, Asia only agreed Europe to exchange with precious metals, and Asia mainly accepts silver. China and India have become the final destination of precious metals circulating around the world. China is so eager for silver and can attract the continuous inflow of silver, at first it seems to be an advantage, but it also constitutes its vulnerability. The continuous inflow of silver has led to the establishment of the Chinese silver standard, which has led to an unprecedented increase in

commodity monetization, and once such inflows are exhausted, it will also have a fatal blow to the economy of Ming Dynasty.

In the first half of the seventeenth century, there were many major famines in China. The explanations in the past are often attributed to natural causes. In fact, in addition to this, it can be attributed to the tragic product of long-standing economic and social problems, and even the gold and silver that flooded into Asia is hardly to absolve itself from the blame. These gold and silver contributed to high levels of public spending, rapid urban growth, and fierce economic competition, all of which proved to be social and political corrosives. China's dilemma stems from almost exclusively relying on imported silver to ensure the proportion of money supply. Once the actual amount of American silver inflows into China is drastically reduced, the Ming government quickly falls into the economic nightmare, and the demise of the Ming Dynasty lies in fiscal unsustainable.

Backtracking afterwards, a series of events that were almost accidental but connected in tandem, marked the coffin of the Ming Empire. From 1634 to 1636, Spain decided to limit the amount of Latin American silver flowing into the Philippines. In the winter of 1639, the long-term tension between the Spanish and the Chinese in Manila eventually broke out as violent clashes. More than 20,000 Chinese were killed. The amount of American silver that flow into China through Philippines has been greatly reduced. In the summer of the same year, the Tokugawa government of Japan decided to ban traders from Macao to trade in Nagasaki, and the route that brought a lot of Japanese silver to China was also closed. Under a series of factors, China's silver imports plummeted. With the sharp drop in silver inflows and the collapse of the price of silver and copper coins, these historical clues quietly retracted the economic ropes that were placed around the neck of the Ming Empire.

The reduction of silver has led to the emergence of various silver hoardings and of "factitious diseases". Since many taxes are paid with silver, the burden of taxation becomes unbearable, and many people are bankrupt, and the fiscal revenue extracted by the court was greatly reduced. Under the exhaustion of silver, the price of silver and copper coins has skyrocketed. For the poor people, the purchase power of their copper coins to buy living food has fallen sharply. In addition, it was at the Little Ice Age, the natural disasters continued everywhere, and the food prices skyrocketed after the grain production was reduced. After the disaster in Henan in 1640, the rice price was 3,000 qians (one qian is ten wens) per dou (one dou equals 7.5 kg), and the wheat cost 2,700 qians per dou. From the north to the south, many people starve to death. Due to famine and epidemics, the population has also been reduced by tens of millions, which has led to a civil violence revolution.

Silver is the fuse, and the economic crisis, natural crisis, and population crisis that accompanied the silver crisis have formed a major turning point in the history of the Ming Dynasty. The records of "exile in the road" and "human eat each other" are found in history. Behind the famine is the people's revolution, and various uprisings are emerging. The Li Zicheng troops who annihilated the Ming Dynasty appeared in the northwest. This is not an accident by later historians because it is a land far from silver but near to famine.

The destruction of inflation led to a comprehensive social collapse, which not only led to famine, death, suffering of the people, and rebellion everywhere, but also caused the bureaucrat emoluments to shrink, and thus the legitimacy of dynasty's regime broken down by various corruptions. The food price was rising, while the emolument in silver was relatively stable, which means that the official income was also eroded by inflation. In 1629, the imperial court paid the

bureaucrats and nobles (around 40,000 just in the capital) with 150,000 taels of silver, which is less than 1% of the national budget.

It is conceivable that the incorruptness of Hai Rui (a honest and upright official in Ming Dynasty and Chinese history) is not only a minority, but also appears to be out of place in that era. When seeking illegal incomes became a political unspoken rule, even the emperors of Ming tried their best to enrich the private treasury, and regarded the empire as a private property. The military expenses were tense but “cannot be financed by the private treasury”. Ironically, when Li Zicheng occupied Beijing in the end, there were only 170,000 taels gold and 130,000 taels silver in the private and public treasury of the empire. When the corruption becomes an institutional phenomenon and the upper classes are cruelly exploited the lower classes of civilians, then the collapse of society is inevitable and the demise is not far behind. The economic recession at the end of the Ming was caused by the institutional destruction leading the collapse of the entire society.

Conclusion

It is true that silver has had a profound impact on China's economic monetization and institutional reforms. From the establishment of the silver standard to the destruction of the Ming Dynasty, the continued trade deficit also brought about follow-up issues such as the Opium War. In a sense, the Opium War could also be regarded as a fight for silver. The monetization of silver and the commercialization of the late Ming Dynasty stimulated each other, led to China's partial integration into the world economy on the one hand, and on another hand forced China to experience the depression after the prosperity. For this reason, thinkers in seventeenth century such as Gu Yanwu and Huang Zongxi have mostly negatively evaluated silver. The scholar Wang Fuzhi and many enlightenment scholars have a similar conclusion at that time, that is, silver enlarged the gap between the rich and the poor.

What is written becomes eternal, and words are always the foundation of history. Compared with the ideological complaints of the thinkers about silver, the merchants, who were immersed in silver, could not speak. They are China's long-standing silent business group. The social structure of China's Ming and Qing Dynasties is similar to a “French sandwich”, it is a long loaf of bread, the civilian official group or the scholars; the next long loaf is totally peasant; as for the middle structure has always been weak and irrelevant. Merchant and Artisan class do not have the value of their own existence; hence their legal status and social status can be imagined.

In contrast, the Chinese enlightenments in Ming Dynasty saw the monetary factors in the turning point of the times. On the other hand, the phenomenon of folk suffering also stimulated them to make sharp criticisms, which greatly influenced the judgments of later generations, even this judgment is presented in a more modern and more academic way. But no matter the ancient or today, most people have always ignored the logic of the economy. Silver is not the active choice of the Ming Empire, but the helpless result of the game between the imperial power and the market. It is worth noting that in the history of the rise and fall of Ming, it is important that the reducing of silver inflow — it can be said that silver has made the Ming Dynasty's prosperity and partly created its demise destiny — but the bigger background is that China cannot get out of the constraints of a broken government regime, which is a major failure of the institution.

History cannot be explained or promoted by a single reason. Chinese paranoia about big history often ignores the complexity of reality. Searching for historical truth means approaching the possible truth rather than seeking a single driving force. Silver is the link of history, but it is not the

cause and purpose of history. Silver inflows coexist with international trade, economic marketization and monetization. The acceptance of silver is not officially hoped or promoted. The popularity of silver is still determined by the prosperity of commodity economy in Ming Dynasty. No matter what kind of currency, the final market recognition still comes from the people's choice. The Chinese *Jiao Zi*, European currency and even the last notes farce of the Ming Dynasty prove that the monarch may choose a certain currency and even print his own picture on the currency, but he cannot force people to use it. While the inflow of silver boomed the commercial economy in the late Ming, its inflow exhaustion became one of the many ropes on the neck of the Ming Dynasty.

References

1. Atwell W. S. (1986), Some Observations on the "Seventeenth-century Crisis" in China and Japan // *The Journal of Asian Studies*. Vol. 45. No. 2 (Feb.). Pp. 223–244.
2. Bernholz P. (2003) *Monetary Regimes and Inflation: History, Economic and Political Relationships*. Northampton: Edward Elgar Publishing.
3. Brandt L., Ma D., Rawski T. G. (2012) *From Divergence to Convergence: Re-evaluating the History behind China's Economic Boom*. Working Papers No. 158/12. London: London School of Economics.
4. Broadberry S., Guan H., Li D. D. (2017) *China, Europe and the Great Divergence: A Study in Historical National Accounting, 980–1850* // *Discussion Papers in Economic and Social History*. No. 155, April. Oxford: University of Oxford.
5. Cohen B. J. (1998) *The Geography of Money*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
6. Cohen B. J. (2015) *Currency Power: Understanding Monetary Rivalry*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
7. Davis L. E., North D. C., Smorodin C. (1971) *Institutional Change and American Economic Growth*, Ch. 3, Pp. 39–63. Cambridge University press.
8. Fairbank J. K. (1957) *Chinese Thought and Institutions*. Chicago: University of Chicago Press.
9. Fairbank J. K. (1968) *The Chinese World Order; Traditional China's Foreign Relations*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
10. Frank A. G. (1998) *ReORIENT: Global Economy in the Asian Age*. University of California Press.
11. Han Y. (2009) *Who Made the History of Past 500 Years*. Beijing: Jiuzhou Press.
12. Hansen Q. (2000) *The Open Empire: A History of China Through 1600*. Norton.
13. Hu J. (1998) *A Concise History of Chinese Economic Thought*. Shanghai: Shanghai Financial and Economic University Press.
14. Jacks D S., Yan S., Zhao L. (2016) *Silver Points, Silver Flows, and the Measure of Chinese Financial Integration* // Working Paper 22747. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research.
15. Lin J. (1995) *The Needham Puzzle: Why the Industrial Revolution Did Not Originate in China* // *Economic Development and Cultural Change*. Vol. 43. No. 2. Pp. 269–292.
16. Maddison A. (2001) *The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: OECD.
17. Needham J. (1969) *The Grand Titration: Science and Society in East and West*. Routledge, 2013.

18. Needham J. (1956) *Science and Civilization in China*. Cambridge University Press, 2004.
19. Peng X. (1958) *A Monetary History of China*. Shanghai People's Publishing House.
20. Pomeranz K. (2001) *The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy*. Princeton University Press.
21. Pomeranz K. (2012) *The World That Trade Created: Society, Culture, and the World Economy, 1400 to the Present*. New York, NY: Routledge.
22. Quan H. (1967) *The Change of Silver Purchasing Power and Its Causes between Song and Ming Dynasties*.
23. Smith A. (1776) *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. Chicago: The University of Chicago Press, 1976.
24. Song L. (1369) *Yuan Shi*. Beijing: Zhonghua Book Company, 1976.
25. Testart A., Glassner J.-J., Menu B., Thierry F. (2002) *Aux Origines de la Monnaie*. Paris : Editions Errance.
26. Tuotuo (1346) *Song Shi*. Beijing: Zhonghua Book Company, 1985.
27. Twitchett D. C., Mote F. W. (1998) *The Cambridge History of China, Vol. 7 & 8, parts of the Ming Dynasty*. Cambridge University Press.
28. Von Glahn R. (1996) *Fountain of Fortune: Money and Monetary Policy in China, 1000–1700*. Berkley and Los Angeles, CA: University of California Press.
29. Von Glahn R., Smith P. J. (2003) *The Song-Yuan-Ming Transition in Chinese History*. MA: Harvard University Asia Center.
30. Von Glahn R., Flynn D. O., Aldershot A. G. (2003) *Monetary History in Global Perspective, 1470–1800*. UK: Ashgate Press.
31. Von Glahn R. (2016) *The Economic History of China from Antiquity to the Nineteenth Century*. Cambridge: Cambridge University Press.
32. Wakeman F. E. (1986) *The Great Enterprise: the Manchu Reconstruction of Imperial Order in the 17th Century*. University of California Press.
33. Wan M. (2005) *Wan Ming She Hui Bian Qian Wen Ti Yu Yan Jiu*. Beijing: The Commercial Press.
34. Zhang T. (1735) *Ming Shi*. Beijing: Zhonghua Book Company, 1974.
35. Zhao Yi (1796) *Nian Er Shi Zha Ji*. Beijing: Zhonghua Book Company, 2008.
36. Zheng X., Zhang Y., Whalley J. (2010) *Monetary Theory from a Chinese Historical Perspective // Working Paper 16092*. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research.
37. Zhu D., Wu J. (2007) *The Growth Model with Increasing Return to Scale: One Explanation to Needham Puzzle // Research of Quantitative Economics and Technological Economics*. No. 2.

Китайская денежная система в эпоху Возрождения: серебряный стандарт и глобализация в эпоху династии Мин

Чжан Шоуи

аспирант, преподаватель и научный сотрудник факультета экономики и менеджмента университета Пикардии им. Жюль Верна, Амьен, Франция

Как самый ранний эмитент бумажных денег в мире, китайские империи провели большой денежный эксперимент, длившийся около 500 лет, который, несмотря на это, закончился неудачей. В то же самое время с Ренессансом, массивный поток американского серебра потек в Китай из-за великого открытия. Таким образом, серебро окончательно завершило формирование китайской денежной системы и принесло этой древней цивилизации окончательную славу древнего времени. Серебряный стандарт стал дамкловым мечом империи и обнажил один из самых больших социальных недостатков аграрного режима. Мы пытаемся выявить эту «серебряную основну» и понять загадку Нидхэма по денежному измерению.

Ключевые слова: денежная система, серебряный стандарт, китайская экономическая история, глобализация.

JEL коды: E42, N15.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / SCIENTIFIC LIFE

**К 90-летию юбилею кандидата географических наук, доцента
Елизаветы Дмитриевны Волковой**

Родионова Ирина Александровна¹

Как часто мы сожалеем о том, что не успели высказать слова любви и восхищения тем, с кем рядом жили и работали, нашим родителям, родственникам или нашим сослуживцам. Как привыкли мы восклицать вслед за В. А. Жуковским: «О милых спутниках, которые наш свет своим сопутствием для нас животворили, не говори с тоской: их нет; но с благодарностию: были». Красиво сказано, да!

Но может быть лучше успеть сказать, что мы дорожим дружбой и тех людей, которые еще живы. Тех очень известных или известных лишь в своем профессиональном сообществе людей, которые уже прожили почти столетие. Я уверена, что это лучшее, что мы можем для них и для себя сделать.

В знак уважения хочется поклониться головой перед всеми долгожителями. Для многих из них желание жить и приносить пользу людям своей деятельностью просто неистребимо. Может быть, именно поэтому они и живут так долго.

Я всегда знала, что географы и педагоги живут долго. Вспоминаю один случай. Я работала в 1980-е гг. на географическом факультете в МГУ, и на нашу кафедру принесли приглашение на празднование 100-летнего юбилея профессора Щукина Ивана Семеновича, одного из основателей геоморфологической школы в СССР, ученика Д. Н. Анучина. Я тогда (по молодости и по глупости) задала вопрос о том, в каком году он ушел из жизни? И тут же получила ответ — а вот он идет по коридору. Щукин И. С. ушел из жизни в 1985 г., успев отметить свой 100-летний юбилей.

С тех пор моя уверенность и уважение ко всем долгожителям только росла. Так распорядилась судьба, и мне посчастливилось работать и общаться вне службы со многими удивительными людьми, которые перешагнули 80-летний, и даже 90-летний, рубеж своей жизни. К счастью, некоторые из них еще живы. Так может быть стоит жить так, как написал Б. Ш. Окуджава. «Давайте говорить друг другу комплименты. Ведь это все любви счастливые моменты».

Мне повезло. В своей профессиональной деятельности я встречалась со многими удивительными учеными-географами. Все они были высокообразованными,

¹ Родионова Ирина Александровна — доктор географических наук, академик Российской Академии Естествознания (РАЕ), Москва, Россия.

эрудированными, принципиальными, и в то же самое время доброжелательными людьми. Низкий поклон им всем за мудрость и готовность постоянно совершенствоваться, и просто ЖИТЬ на благо людей и избранной ими науки ГЕОГРАФИИ!

Но сегодня я хочу написать об одной очень жизнерадостной и красивой женщине. Она — географ и педагог. Кандидату географических наук Елизавете Дмитриевне Волковой 18 октября 2020 г. исполняется 90 лет. Понятно, что за столь продолжительный срок в ее жизни отразилась в полной мере история нашей Родины – и великие стройки и Великая Отечественная война, и годы восстановления и развития экономики в СССР, и перестройка экономики России при переходе «от плана к рынку», и трудные времена в 1990-е гг., и современный период жизни нашей страны, и даже пандемия COVID19 в мире.

Родилась Е. Д. Волкова в 1930 г. Родителями ее были Дмитрий Матвеевич Королев и Ефросинья Капитоновна Мамонтова, у которых в семье было 12 детей. Детские и отроческие годы Елизаветы Дмитриевны пришлись на период Великой Отечественной войны. В 1947 г., окончив среднюю школу, она поступила в вуз и успешно закончила обучение на географическом факультете Московского городского педагогического института имени В. П. Потемкина (в 1960 г. вуз был объединен с МГПИ им. В. И. Ленина, а в 1990 г. Московский государственный педагогический институт был преобразован в первый в мире педагогический университет — МПГУ). Преподавала в средней школе № 7 г. Москвы. А с 1957 г. стала работать на Географическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова на кафедре экономической географии стран народной демократии (ныне это кафедра географии мирового хозяйства). В 1970–1971 гг. проходила научную стажировку на Кубе. В период 1971–1978 гг. работала в Совете по изучению производительных сил (СОПС) при Госплане СССР. В 1972 г. Елизавета Дмитриевна успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата географических наук на тему «Особенности территориально-отраслевой структуры промышленности Кубы». В 1980–1990 гг. работала в Московской высшей партийной школе (МВПШ). Публиковала научные статьи и книги. Ее всегда отличали добросовестность, инициативность, порядочность, исключительное трудолюбие и оптимизм. Это последнее качество в ней просто изумляет и в нынешнее время!

Она не могла быть просто на пенсии. С начала 1990-х гг. и вплоть до июня 2019 года (уже в очень солидном возрасте) она вновь отдавала свои знания абитуриентам и студентам Российского университета дружбы народов (РУДН) и МГИМО (с 2006 по 2010 гг.). Елизавета Дмитриевна преподавала экономическую географию на подготовительных курсах для абитуриентов «Уникум» (при РУДН). Всегда с успехом проводила занятия у студентов в Институте гостиничного бизнеса и туризма (ИГБиТ) и в Институте иностранных языков при РУДН. Студенты и сотрудники ее всегда уважали и любили. Я знаю, о чем говорю, потому что в последние 30 лет за время своей работы в РУДН все это с интересом наблюдала. И училась у нее оптимистичному подходу к жизни. К тому же Елизавета Дмитриевна является соавтором многих моих учебных пособий по экономической географии для студентов вузов, которые всегда были востребованы на занятиях во многих университетах нашей страны.

Оптимизм, любовь к студентам и сотрудникам, огромный интерес к жизни, к событиям, происходящим в мире, к новым знаниям — это лишь часть черт ее характера! Она все время учится, с удовольствием посещает научные конференции и научно-методологические семинары. При ней просто невозможно жаловаться на какие-либо проблемы и трудности. И не потому, что она не посочувствует, а потому что просто стыдно быть нытиком перед этим удивительно светлым человеком. У нее блестящая память. Ее

интересуют политические события в мире. Она любит жизнь страстно, стремится к новому и мечтает. Да, да, мечтает. В общем — живет! А в прошлом году, вы не поверите, она начала изучать испанский язык, так как ее младший внук учится сейчас в Испании по программе МВА. Не стоит ли нам всем мечтать и жить в любых жизненных условиях, и не опускать свои руки в нерешительности при отсутствии оптимизма и веры в будущее?

Как жаль, что карантин из-за коронавирусной инфекции *COVID-19* не позволит нам отпраздновать ее юбилей соответствующим образом в РУДН на кафедре региональной экономики и географии, как она того страстно желает. У нее есть семья. Многие десятилетия она прожила с любимым мужем-геологом по специальности. Она пережила его и продолжает жить. У нее есть дочь и двое взрослых внуков (оба имеют высшее образование), к воспитанию и образованию которых она приложила много-много своего труда. А знали бы вы, как она любит свою маленькую дачу со стареньким, но уютным и гостеприимным домиком в Подмосковье! Она любит и сосны на небольшом в 6 соток садовом участке, и плодовые деревья, и цветы на даче и в поле, куда она любит водить погулять своих гостей (хотя у нее очень болят ноги, а ведь это и есть единственная причина, по которой она отказалась вести занятия со студентами в РУДН). И еще она любит дарить всем своим друзьям выращенные ею фрукты и приготовленные ей же самой варенья и соленья. Ей всю жизнь нравится дарить людям радость и плоды своего труда!

Пожелаем же ей здоровья и как можно больше радостных и светлых дней!

На фото: И. А. Родионова и Е. Д. Волкова